

INSPIRIA

ВЕРА АРЪЕ

ВЕЧНА
УМИРАЕТ
ОСЕНЬЮ

 INSPIRIA

Annotation

«Весна умирает осенью» – обаятельный роман о России и Франции, в котором семейная история переплетается с драматическими событиями XX века.

Во время русских театральных сезонов, проходящих в Довиле, при подозрительных обстоятельствах погибает актриса – дочь прославленного художника-авангардиста. Выясняется, что накануне трагедии кто-то подбросил ей картину отца, бесследно исчезнувшую еще в годы войны.

Культурный обозреватель парижского журнала Оливия Илиади случайно оказывается первой на месте происшествия. Неудивительно, что подозрения полиции тут же падают на нее... Чтобы разобраться в случившемся и найти настоящего преступника, Оливия начинает самостоятельное расследование. Однако она на даже не догадывается, что это решение запустит цепочку невероятных событий, которые перевернут ее жизнь и заставят усомниться в силе собственной любви.

Романы Веры Арье увлекают с первого слова, заставляя сопереживать героям. Новый роман автора, как и романы Дины Рубиной, удачно сочетает блестящий язык, увлекательное содержание и тщательно проработанные образы!

-
- [Вера Арье](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)

- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- XV
- XVI
- XVII
- XVIII
- XIX
- XX
- XXI
- XXII
- XXIII
- XXIV
- XXV
- XXVI
- XXVII
- XXVIII
- XXIX
- XXX
- XXXI
- XXXII
- XXXIII
- XXXIV
- XXXV
- XXXVI
- XXXVII
- XXXVIII
- XXXIX
- XL
- XLI
- XLII
- XLIII
- notes
 - 1
 - 2

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Вера Арье

Весна умирает осенью

© Арье В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Все события и персонажи вымышлены,
совпадения с реальностью случайны.*

*В России расстанутся навсегда.
В России друг от друга города
столь далеки,
что вздрагиваю я, шепнув «прощай».
Рукой своей касаюсь невзначай
ее руки.*

*Длиною в жизнь любая из дорог.
Скажите, что такое русский Бог?
«Конечно, я приеду».
Не приеду никогда.
В России расстанутся навсегда.*

Борис Рыжий

Пролог

Осень в Довиле^[1] выдалась солнечной, звонкой, но, впрочем, какая уж там осень – всего лишь середина сентября.

«В России примета такая была, – рассказывала в детстве мама, поглаживая Весну по мягким волосам, – если на Осенины в воздухе много паутины носится, значит, лютая будет зима, конца не видать...»

Но теперь конец был близок. В охристом свечении заходящего солнца танцевали мелкие пылинки, медленно кружилась по кухне прозрачная паутина, и Весна пыталась ухватиться за нее угасающим взглядом, как за спасительную нить. А та, расщепляясь на сотни тонких волокон, предательски рвалась у нее на глазах. Казалось, воздух отчего-то сгущается, заполняя липкой массой ее ноздри и рот, и не проникает внутрь: беспомощно хватаясь за горло, Весна задыхалась.

Из приоткрытого окна доносился рокот несущихся вдоль океана машин, истеричный клекот чаек, но этот внешний мир стремительно удалялся, затихал, заглушаемый надсадным звуком ее ущемленного дыхания. Корчась в мучительных спазмах, Весна приподняла голову, чтобы еще раз хотя бы взглядом попросить о помощи того, кто находился в комнате. Она уже не могла его видеть, но ощущала немое присутствие.

На секунду ей показалось, что плотная тень возле входной двери шелохнулась, двинулась было навстречу... и замерла.

«Ну ударь меня, ударь! – прокричала Весна что было сил про себя, тщетно пытаясь протолкнуть звук сквозь отекающую трахею, понимая, что время вышло и сознание покидает ее. – Всего один удар... и я смогу дышать! Ну давай же! Ты мне... должен...»

Голова ее беспомощно качнулась из стороны в сторону и, с глухим звуком ударившись о грубую плитку пола, в последний раз дернулась и замерла. Вслед за ней длинные и тонкие, как у водомерки, конечности содрогнулись в предсмертной конвульсии и тут же обмякли. А в покрасневших от напряжения глазах, неподвижно уставившихся в потолок, застыло беспомощное: «Ты мне... должен...»

I

Довиль

Сквозь узкую прореху в плотном слое облаков, пришедших накануне с Атлантики и затянувших небо над Довилем, прорвался яростный луч солнца. Еще влажный после ночного дождя песок городского пляжа, усеянный осколками ракушек и бурными водорослями, тут же заиграл нежной цветовой палитрой. Вслед за ним заискрилась мутноватая поверхность растревоженного непогодой океана.

Кутаясь в легкий плащ, который больше подходил для промозглого Парижа, чем для брутально-ветреной Нормандии, Оливия шагала рядом с Родионом, которому внезапное ненастье, казалось, было в удовольствие. Он уже совершил утреннюю пробежку вдоль берега, принял горячий душ, сварил для них обоих кофе, а затем, намотав шарф вокруг щетинистой шеи, потащил ее на прогулку.

– В бархатный сезон ты, конечно, предпочла бы оказаться на Крите или Корфу... но только посмотри, Иви, какие краски, какой колорит! Неужели тебе не нравится?

Оливия пробормотала что-то одобрителное и подняла повыше воротник, стараясь не отставать от своего спутника. Родион, с его немалым ростом и длинными ногами, умел перемещаться чрезвычайно быстро, что для репортера было большим преимуществом. А в его нынешнем расследовательском ремесле скорость и вовсе была решающим фактором, поэтому Родион делал в ускоренном темпе абсолютно все: торопливо ел, коротко спал, молниеносно соображал и стремительно передвигался. Она со своей балетной сноровкой с трудом за ним поспевала, но он как будто этого не замечал: отмахивал шаг за шагом по дощатому променаду Ле-Планш, разглядывая надписи на барьерах, разделяющих пляжные кабинки американских звезд экрана^[2].

– Клинт Иствуд, Шон Коннери, Элизабет Тейлор... Интересно, появятся ли здесь русские имена по окончании наших сезонов, – задумчиво произнес он, обивая с кроссовок налипший песок.

– Это вряд ли, – покачала головой Оливия, рассматривая керамическую мозаику над одной из дверей, ведущих в комнатку для переодевания и отдыха. – Я заглянула в пресс-релиз и программу: в этот раз на фестиваль приехали артисты балета, оперные исполнители и сценические художники. А вот русских кинозвезд, увы, не будет...

– У тебя запланированы какие-нибудь интервью?

– Да, все три первых дня буду бегать с одной площадки на другую – журнал выделил мне целый разворот под это событие. Кроме меня и помощницы главреда по-русски в редакции никто не говорит. А тут Ходкевич, Сотникова, Юмашев – хочется пообщаться с каждым из них, когда еще выпадет такой шанс!

– А как же красавец Джибладзе? Или у звездного премьера не нашлось времени для беседы с ведущим французским изданием?

Оливия покачала головой.

– Джибладзе нарасхват... Хотя под такой эксклюзив можно было бы получить дополнительную полосу. – Она задумчиво потерла кончик носа. – Если честно, это был бы мощный козырь – редактор и так уже намекал, что с сентября они готовы заключить со мной постоянный контракт.

Родион притянул ее к себе и подумал: оказаться в начале карьеры под крылом самого Танги дорогого стоит...

– Это здорово, – искренне признался он, понадеявшись, что его реплика не прозвучит как издевка.

Оливия покосилась на него с подозрением и вздохнула: она-то знала, чего стоила ей эта стажировка в команде престижного журнала «Эритаж», которую возглавлял бескомпромиссный редактор Поль Танги. Весь университетский учебный материал приходилось осваивать по ночам, но после истории с обнаружением скульптуры Монтравеля, похищенной нацистами во время Второй мировой войны и с тех пор считавшейся безвозвратно утерянной, на факультете к ней относились очень уважительно. Настолько, что суровый Кубертен дважды давал ей отсрочку со сдачей промежуточных работ и написал рекомендательное письмо для «Эритаж», куда ее тут же пригласили поработать внештатным культурным обозревателем.

О том, что в этом году ей предстоит заниматься освещением Русского творческого фестиваля в Довиле, Оливия узнала в последний

момент: опыту и сноровке зрелых репортеров главред неожиданно предпочел владение языком и понимание «культурного кода», которые были в арсенале молодой и перспективной стажерки.

По редакции, правда, тут же поползли смешки: похоже, ни один корифей французской журналистики не способен устоять перед обаянием этой девчонки – сначала расследователь Родион Лаврофф (но тут-то ладно, у него с Оливией хотя бы общие русские корни), а теперь и маститый редактор Поль Танги... Однако раздуть из этих домыслов скандал мешало одно: Танги был немолод, а главное, слишком циничен и осторожен, чтобы ввязываться в подобную интрижку на глазах у всего коллектива.

Оливия сплетни игнорировала, поддерживая вопреки всему дружеские отношения с репортерской братией и обзаведясь несколькими надежными друзьями среди фотокоров. С ними делить ей было нечего, и вся компания частенько отправлялась на аперитив в соседнюю забегаловку под игривым названием «Пуркуа па?»^[3]. Там удавалось обсудить новости медийного мирка и обменяться полезными контактами.

«Надо бы позвонить кому-то из своих, – думала Оливия, уступая дорогу эффектной азиатке со шпиком на длинном поводке, – вдруг они отыщут человека, способного уломать Джибладзе дать мне интервью...»

Ее размышления были прерваны гнусавым объявлением, прозвучавшим одновременно из нескольких громкоговорителей, прикрепленных к фонарным столбам:

– Родители маленького Ришара, немедленно подойдите к спасательной будке! Ребенок потерялся и очень вас ждет!

В этот же момент загорелая женщина в спортивном костюме, безмятежно сидевшая за столиком прибрежного кафе, выгребла из кармана горсть мелочи, не глядя высыпала ее в блюдце и бросилась в направлении насеста с красным крестом, торчащего на высоких сваях посередине довийского пляжа.

Родион тут же развернулся и успел занять освободившееся место – буквально за секунду до того, как к нему подскочил господин в замшевой куртке и вычурном шейном платке. Мужчина, вскинув в недоумении ухоженные брови, изобразил ими недовольство и нехотя ретировался, оглядывая кафе в поисках новых возможностей.

– Марк, ну что вы в самом деле! Идите же сюда, что вас вечно тянет в народ! – раздался откуда-то слегка надменный женский голос.

Оливия, приблизившаяся было к оккупированному Родионом столику – на первой линии с видом на променады и алмазную гладь Ла-Манша, – обернулась. За серповидной аркой с надписью: «Пляж «Солнечного бара» на дощатой палубе, утопавшей в песке, были расставлены изящные столики и кресла. Рядом с ними поблескивали никелевыми боками ведерки для льда, а сверху нависали тугие купола сине-желтых солнцезащитных зонтов.

У самого длинного стола, рассчитанного на восемь персон и отгороженного от остальных декоративной ширмой, стояла элегантная дама. В тонком кашемировом кардигане, свободных брюках, струящемся шелковом шарфе и объемных темных очках на остром аристократичном лице, она напоминала одну из тех американских кинозвезд, которые фланировали по Довиллю еще пару недель назад.

Рядом с немолодой красавицей в подобострастном полупоклоне застыл гарсон, держа наготове блокнот, чтобы в любой момент взять у нее заказ.

Всплеснув холеными руками, замшевый Марк устремился к даме, восклицая:

– Зоя, ну зачем вы... – Тут, чуть замешкавшись, он присовокупил на ломаном русском: – *Dusha moja!* Дайте же мне о вас позаботиться!

«Душа» равнодушно пожалала плечами и бросила официанту:

– Бутылку «Krug» *Grande Cuvée* и две дюжины устриц.

Преданно кивнув, официант устремился в сторону барной стойки, игнорируя попытки Родиона привлечь к себе внимание. Оливия опустилась в парусиновое кресло рядом с ним и начала изучать варианты позднего завтрака: багет с маслом и джемом, яйца-пашот, тосты из ржаного хлеба с авокадо и лососем – все это выглядело крайне аппетитно!

– Знаешь, кто эта дама? – поинтересовался Родион, заполучив наконец свой кофе и свежесжатый цитрусовый сок.

Оливия помотала головой, держа в сжатых губах заколку для волос, которые она уже несколько минут пыталась скрутить узлом на затылке.

– Ее зовут Зоя Вишневская. Знакомо тебе это имя?

– Ну конечно, – подтвердила она, справившись наконец с прической и отхлебнув «горячего шоколада», который на деле оказался холодноватым приторным какао. – Я же видела ее десятки раз в светской хронике... Когда я жила в пансионе при балетном училище – до того, как поступила к нам на факультет, – у меня все стены были обклеены репродукциями работ ее отца. Андрей Вишневский – гений, опередивший время, художник, который умел изображать не предметы, а эмоции. Поэтому его картины мало кто мог подделать...

– Насколько я знаю, подделывали, и не раз, – возразил Родион, принимая от официантки одной рукой корзинку с круассанами, хлебом и миниатюрными баночками джема, а второй – увесистую масленку с желтоватым нормандским маслом.

– Да, но как только дело доходило до серьезной экспертизы, сразу выяснялось, что рисунок сделан другой рукой. У Вишневого была повышенная чувствительность к цвету, он избегал однозначных оттенков и всегда смешивал краски – воспроизвести его «радужный сплав» практически невозможно...

Внезапно в кармане Родиона тренькнул телефон. Он нехотя принял звонок и тут же пустился в пространное обсуждение каких-то стилистических нюансов, связанных с корректурой его новой документальной книги.

Ломая пальцами теплый, чуть липковатый от масла круассан, Оливия рассеянно созерцала окружающий мир. Солнечные блики сверкали в едва намечающейся у берега волне, где-то вдалеке ползла, оставляя за собой пенистый след, неуклюжая баржа, а из городской гавани отчаливали легкие яхты и парусники.

На пляже, подобно бабочкам, распахивали крылья многоцветные зонтики, а между ними в поисках достойной добычи по-хозяйски прогуливались вальяжные чайки.

Тут мимо Оливии проплыли два сервировочных блюда-кокиль, заполненные кубиками льда, на которых посверкивали отборные устрицы и желтели ломтики лимона. Протиснувшись между столиками, официант водрузил свою ношу на стол, за которым расположились Зоя Вишневская и ее франтоватый спутник. Подавшись вперед и обхватив интимным жестом ее сухие запястья, Марк, кажется, так его звали, что-то страстно говорил, пристально вглядываясь в ее лицо. Но оно сохраняло дружелюбно-сдержанное выражение –

Вишневская была актрисой с богатым сценическим прошлым и умела контролировать свои эмоции, дозированно выдавая белозубые улыбки, благосклонные кивки и короткие рулады смеха в уместных на публике количествах.

– Зоя, милая, прости, что задержались! Сегодня была примерка костюмов, и так все затянулось – мне определенно пора садиться на диету!

Со стороны парковки к «Солнечному бару» спешила ярко накрашенная дама в распахнутой байкерской куртке и цветастом платье. За ней послушно следовали двое молодых людей инфантильной наружности.

Сметливый официант бросился за новыми бокалами и заказанным актрисой шампанским. Через секунду послышался истеричный собачий лай, и два последних места за столом Зои заняли импозантный седовласый господин и его вызывающе юная спутница. Она держала на руках испуганного той-терьера, который мелко дрожал и нервно облизывался.

– Колоритная компания, – констатировал Родион, закончивший свои телефонные дебаты и с аппетитом взявшийся за запоздалый завтрак, который имел все шансы превратиться в обед. – Говорят, шампанское и бриллианты – вот в чем секрет вечной молодости Вишневской...

– А сколько ей сейчас лет?

Родион задумался, а потом назвал примерное число.

Оливия бросила на него изумленный взгляд.

– Да не может быть...

– Зоя – одна из богатейших женщин Франции и многое может себе позволить. К тому же она актриса, привыкла следить за собой. Правда, в последнее время она так увлеклась вечеринками, что рискует навредить своему безупречному облику. По-моему, недели не проходит, чтобы ее имя не мелькнуло в какой-нибудь позорной светской хронике.

– Это точно... То скандал с молодым альфонсом, который проматывал ее деньги, совершая путешествия на частном самолете с девушками из эскорта. То эти вечеринки «для своих», которые она устраивала прошлым летом в Сен-Тропе. Помнишь тот жуткий случай,

когда один из ее немолодых гостей умер прямо в смокинге в шезлонге у бассейна, а Зоя обнаружила его тело лишь на следующее утро?

– Однако это не умаляет ее заслуг перед искусством. Все-таки Вишневская когда-то была яркой актрисой – я видел ее дважды на сцене «Театра Шатле». Кстати, не знаешь, она приехала сюда лишь в качестве зрителя?

Оливия задумалась и полезла в сумку за смартфоном. Зайдя в свою почту, отыскала сообщение с заголовком «Программа» и, просмотрев его, с удивлением заметила:

– Надо же! Я как-то упустила это обстоятельство: Вишневская открывает фестиваль торжественной речью, а в последний день будет вручать участникам статуэтки.

– Вот у кого стоило бы взять интервью! Ее фамилия может однажды появиться на местной Аллее Звезд, – он кивнул в сторону именных барьеров, украшающих океанский променад.

– Если честно, для меня Вишневская – персонаж из прошлого. Да и ее русские корни не имеют особого значения – она ведь родилась и выросла в Париже... Лучше все же рассказать читателям о современном искусстве и об артистах, приехавших из России.

– Как знаешь, – вздохнул Родион, доставая темные очки – солнце уже стояло в зените, растолкав облака, и слепило нещадно. – В любом случае организовать беседу с Зоей в последний момент не получится. Судя по всему, мадам приехала в Довиль не столько работать, сколько наслаждаться последней вспышкой лета. Но, если честно, я могу ее понять: это ведь искусство долговечно, а жизнь человеческая очень коротка. Закажем шампанского?

II

Актриса

Следующий день промчался на высоких скоростях: с раннего утра Оливия в сопровождении редакционного фотографа бегала по примерным комнатам, служебным коридорам, отельным номерам и уединенным скверам – в общем, любым местам, где соглашались встретиться звезды российской оперы и балета.

Последняя беседа оказалась самой тяжелой – интервью с художественным руководителем труппы пришлось брать на арьерсцене «Театра Казино Барьер», заваленной реквизитом к готовящемуся спектаклю. Вокруг сновали светотехники, монтировщики, костюмеры, то и дело прерывая их разговор громкими репликами и внезапными обращениями. Худрук раздражался, закипал на глазах, но старался все же ответить на вопросы обаятельной французской журналистки, которая, как оказалось, прекрасно владеет русским.

– Понимаете, в этой постановке мы хотели бы раскрыть внутренний мир каждого участника, чтобы добиться наиболее тесного контакта со зрителем, – рассказывал он, то и дело косясь на сцену...

– Да сделайте уже что-нибудь со светом, еперный балет, ведь рваный задник из зала видно! – проревел вдруг кто-то из партера.

– ...так вот, – попытался продолжить худрук, нервно передернув лицом, – во время фестиваля хотелось бы продемонстрировать французской публике весь диапазон...

Конец его фразы заглушил скрежет лебедек – сверху на мощных тросах на сцену начали спускаться античные колонны. В отчаянии махнув рукой, худрук жестом предложил Оливии переместиться в другое помещение, которое оказалось тесной подсобкой в самом конце коридора. Судя по пришпиленному к двери листку с надписью кириллицей: «Не долбить! Распугаете муз!», российская труппа обжила и ее.

Распрощавшись с измученным худруком и выйдя наконец из театра, Оливия взглянула на циферблат: уже половина шестого...

Через полтора часа начнется гала-ужин, а ей нужно еще сделать пару звонков и привести себя в порядок.

Погода стояла чудесная: золотистый шар солнца оплывал, заливая краской тусклый горизонт. Воздух был влажным и теплым, пахло водорослями и рыбной похлебкой.

Миновав роскошную улицу Казино с ее элегантными бутиками и толпами празднующих гостей, Оливия повернула в проулок. Он был утыкан особняками, оформленными в нормандском стиле: заостренные башенки на фоне двускатных черепичных крыш, резные балконы, застекленные эркеры и характерный «коломбаж»^[4] из темных деревянных брусьев.

В самом конце пассажа возвышалась отпускная резиденция, в которой им удалось снять квартиру на всю фестивальную неделю. Апартаменты принадлежали коллеге Родиона по исследовательской ассоциации, и тот охотно их уступил, предпочитая отдыхать на курорте в более спокойный сезон.

Родион сосредоточенно расхаживал по комнате, что-то наговаривая на диктофон. Зная, что отвлекать его в такие минуты нельзя, Оливия тихо проскользнула в ванную. Та была небольшой, но, в отличие от самой квартиры, хорошо обустроенной. На кафельном полу стояли горшки с цветами и миниатюрные керамические подсвечники, на полке возвышалась стопка мохнатых полотенец, а в изножье ванной чья-то заботливая рука разместила флакончики с морской солью и эфирными маслами: розмарин, тимьян, лаванда.

Но главным преимуществом этого пространства оказалось окно, прорубленное в скошенном мансардном потолке: сквозь узкую щель приподнятой фрамуги проглядывало темнеющее небо и доносился плеск тяжелых волн.

Погрузившись в пенистую воду и прикрыв глаза, Оливия попыталась расслабиться и ни о чем не думать. Но в голове вертелась карусель из лиц, звучали обрывки фраз, проносились сквознячки смешков...

Вдруг где-то забулькал навязчивый рингтон.

«Ох, ну кому там нейдет!» Нехотя выпростав руку из-под пузырячатой перины и отерев ее о висящее рядом полотенце, Оливия дотянулась до сумки и подтащила ее к себе. Аккуратно достав

смартфон, обнаружила уведомление о пропущенном звонке и несколько сообщений от Габи.

«Илиади, ты в Довиле?»

«Ответь, пожалуйста, это срочно!»

«Пыталась дозвониться, а ты трубку не берешь! У меня тут такая засада...»

Суматошная, импульсивная Габи, что приключилось с тобой на этот раз? Оливия вздохнула и выдернула пробку водослива – как ни крути, а пора вылезать и собираться на ужин. Ополоснувшись и высушив волосы феном, она присела на табурет, задвинутый в самый угол ванной комнаты, и набрала номер подруги. После нескольких гудков трубку сняли, но вместо знакомого энергичного голоса послышался нечленораздельный сдавленный шепот, а потом и вовсе дали отбой...

Тут же капнуло сообщение: «Бегу к врачу – все катится к чертям!»

Оливия в недоумении посмотрела в зеркало, будто бы собственное отражение могло ей что-то объяснить. Как и она сама, Габи училась на факультете массовых коммуникаций, но окончила его еще в прошлом году. После успешной стажировки в пресс-службе крупного аукционного дома она нашла себе работу на одном из телевизионных каналов. Недавно Габи включили в рабочую группу, занимающуюся подготовкой документальных фильмов и культурных программ. Видимо, на фестиваль она тоже приехала с каким-то редакционным заданием. Так что же стряслось? Загадка, да и только...

В дверь настойчиво постучали.

– Ты скоро? Нам пора выходить...

Два слоя черной туши, капля туалетной воды. Она торопливо распахнула дверь, выпустив густое облако пара. Родион уже был одет – щепетильный и педантичный, он терпеть не мог опаздывать. Оливия покосилась на его безупречный костюм и белую рубашку, которую их домработница Саломея отгладила до ледяного хруста, и принялась поспешно натягивать платье.

Войдя в парадный вход отеля «Норманди» с его элегантным, утянутым в дубовый корсет фасадом, они пересекли сквозной холл и, миновав стеклянную дверь, оказались на шумном приокеанском бульваре. Урча мотором, мимо пронеслась красная «Феррари», а вслед

за ней проплыл черный «Роллс-Ройс», направлявшийся к эспланаде казино.

Через минуту там оказались и они. Окинув взглядом просторный вестибюль, Оливия на секунду зажмурилась – сияние барочных люстр, сверкание зеркал, сдержанный блеск украшений на дамских шеях и запястьях...

– Мадам-месье, позвольте вас проводить. – Метрдотель с накрахмаленным лицом принял из рук Родиона приглашения и указал им на лестницу.

По периметру огромного пространства, мягко подсвеченного бронзовыми бра и низко висящими амбирными люстрами, стояли столики в сатиновых нарядах. Сервировка была сдержанной, без избытка. Пурпурные портьеры с тусклой позолотой и стулья, обитые бархатом, невольно наводили на мысли о театре.

Большая часть мест была уже занята. Отовсюду слышались французская и русская речь, восторженные восклицания, звонкий смех. В самом центре зала возвышался концертный рояль, за которым сидел седовласый красавец, перебиравший пальцами черно-белые клавиши. Его импровизация чем-то напоминала музыкальную тему из фильма «Мужчина и женщина»^[5]. У окна Оливия заметила несколько уже знакомых ей по интервью балетных артистов и худрука. Тот, судя по всему, пребывал в благостном настроении и что-то увлеченно рассказывал миловидной шатенке, чье внимание было полностью сосредоточено на нем.

Внезапно по салону пронесся шепоток, как от сквозняка на столиках дрогнули свечи. Оливия обернулась: с легкой полуулыбкой, обращенной ко всем и ни к кому, в зал вошла Зоя Вишневская. Актриса двигалась не спеша, словно плывя навстречу невидимой камере: сначала общий, затем средний и, наконец, крупный план. Плавный поворот головы, приветственный кивок, благосклонный взмах ресниц и вспышка аметистовой слезы в изящно скроенном ухе.

Каждый ракурс продуман до мельчайших подробностей, каждый жест, каждый вздох. На фоне этого ледяного великолепия – белизны припудренной кожи, будто бы и не тронутой увяданием, синевы холодных глаз, изящности осанки – спутник актрисы в тесноватом парадном смокинге и лаковых ботинках выглядел несколько комично.

– Пока ты собиралась, я выяснил, кто этот фат с опереточной бородкой, – заметил Родион, пристально изучая содержимое тарелки с закуской, которую официант поставил перед ним.

Оливия нехотя отвела взгляд от Зои, которая усаживалась за лучший в зале столик – ближе к задрапированному портьерами окну, в круге мягкого света, который так выгодно подчеркивал неброское великолепие ее наряда.

– Ты имеешь в виду спутника Зои?

– Да, уж больно колоритен...

– И кто же он?

– Марк Портман, владелец культурного фонда, которому принадлежит один из музеев современного искусства в Париже.

– Постой-ка. – Оливия отложила вилку. – Уж не того ли, где недавно проводилась выставка экспрессионистов? Я же делала летом репортаж для «Эритаж», правда, общалась там только с куратором...

– Именно, – кивнул Родион, отправляя в рот кусочек крабового мяса, приправленного эстрагоном. – Портман уже долгое время окружает Зою вниманием и числится в ее фаворитах.

– Думаешь, за этим стоит какой-то корыстный интерес?

– С уверенностью сказать нельзя, но ходят слухи... Однако не будем уподобляться сплетникам!

– Вот в этом ты весь – заинтриговать, а потом устраниться!

Родион улыбнулся, глядя на ее раздосадованное лицо.

– Иви, ну я же не изучал этот вопрос всерьез. Так, пролистал несколько статей и прочитал пару обсуждений в Сети. А там чего только не напишут!

Оливия открыла было рот, чтобы ему возразить, но вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, заметила Габи, энергично продвигающуюся между столами в сопровождении какого-то молодого человека.

Подруга выглядела великолепно: в платье с заниженной талией и с длинной нитью жемчуга на шее, она напоминала звезду немого кино. Однако на ее обычно подвижном лице застыло какое-то тревожно-растерянное выражение, которое совершенно ей не шло.

Приблизившись, Габи поприветствовала Родиона кивком и, умоляюще глядя на Оливию, жестом указала ей на террасу. Ничего не оставалось, как подняться и последовать за ней.

На балконной площадке, с которой открывался вид на подсвеченный фонарями бульвар, деревья с редеющими кронами и сланцевую гладь океана, было совсем мало людей. Гости вечера наслаждались праздничным ужином в зале, и лишь несколько мужчин в черно-белой униформе сновали по террасе, собирая пустые бокалы из-под шампанского и коктейлей.

Облокотившись на прохладные перила балюстрады, Оливия спросила:

– Габи, ну не томи, что там у тебя стряслось? Что за конспирация?

Подруга бросила на нее жалобный взгляд и вместо реплики неожиданно издала звук, напоминавший скрип истертых тормозных колодок.

– Врач сказал, острый ларингит, – скорбно произнес сопровождавший ее молодой мужчина. – Неделя антибиотиков, паровые ингаляции. И никакой нагрузки на голосовые связки – абсолютный покой!

В голосе послышалось такое отчаяние, что Оливия взглянула на него оценивающе: уж не связывает ли его с Габи сердечная привязанность? А она сначала приняла его за коллегу.

– В общем, вся надежда на вас!

– Скажите, что от меня требуется, – растерянно пробормотала Оливия, – попытаюсь помочь...

– Мы рассчитывали, что Габи как-нибудь восстановится, – продолжил он уже более воодушевленно, – но, похоже, этого не произойдет. Утром она могла еще немного говорить, но сейчас, как видите, ситуация безнадежная. А ведь завтра у нас съемка!

– Вы готовите репортаж?

– Да если бы! С этим бы я и сам справился. Мы снимаем документальный фильм об Андрее Вишневском – скоро у него юбилей. Специально приехали сюда, в Кальвадос,^[6] где он прожил много лет со своей дочерью. Зоя Вишневская согласилась дать нам несколько коротких интервью, из которых мы потом смонтируем «флэшбеки» для ностальгического фильма о художнике.

– А-а, так вы – оператор... – догадалась Оливия. – А Габи должна была выступить в роли интервьюера?

– Ну да... Они два месяца согласовывали это с мадам – та, знаете ли, не из сговорчивых. Но ведь Габи кого угодно может уболтать! И

надо же было нам засидеться вчера на пляже допоздна – ветерок с Ла-Манша и охлажденное белое сделали свое дело.

– Позвоните в редакцию: от Парижа до Довиля два часа езды. Они кого-нибудь пришлют на замену.

– Мы должны начать съемку завтра в девять утра – у Вишневской все время расписано, и сдвигать ради нас она ничего не будет. Да и потом, в редакции поднимется такая шумиха!

При этих словах Габи, которая стояла все это время рядом, удрученно склонив голову, тяжело вздохнула.

– Погодите, давайте по порядку. Как вас зовут?

– Аврелий, – представился оператор сконфуженно, видимо, осознавая, до какой степени это значительное имя не подходит к его растушеванной внешности.

– Вы понимаете, Аврелий, к такой встрече надо готовиться. Я о Зое практически ничего не знаю, хотя и знакома с творчеством ее отца. Это будет выглядеть непрофессионально...

В этот момент лицо Габи напряглось – скорчив мученическую гримасу, она попыталась что-то произнести. Быстро поняв тщетность своей попытки, она достала смартфон и ткнула пальцем в «иконку» с конвертиком.

– Думаю, она пытается сказать, что перешлет вам исходники по электронной почте.

– Да, но одна ночь на подготовку! Как вы себе это представляете?!

– Оливия, у нас совсем нет выхода. Это наш первый совместный проект... Если материал не будет отснят, мы подведем всю рабочую группу – сроки выхода фильма сдвинуть нельзя, он уже стоит в эфирной сетке.

Не дав ему договорить, Габи схватила Оливию за руку и умоляюще заглянула ей в глаза.

– Вы просто шантажисты, – обреченно выдохнула та, уже понимая, что ей не отвертеться. – Дайте мне хотя бы подумать...

В эту секунду в дверном проеме, обрамленном, словно гримерное зеркало, сотней искрящихся ламп, возник женский силуэт в длинном платье. Брызнули бриллиантовые искры, и тут же загудел знакомый баритон.

– Душа моя, ваша щедрость не имеет границ... Поверьте, ранняя работа Андрея Вишневского – это бесценный дар! Настоящая

жемчужина в нашей коллекции!

– «Весну» я передала вам на экспертизу, Марк, – заметила Зоя суховато. – Об остальном говорить пока рано.

– Конечно-конечно. – Марк бросился исправлять свою оплошность, кружа вокруг нее навязчивым шмелем. – Но не будем о делах. Вы только посмотрите, какой сегодня упоительный вечер!

Проводив взглядом эту эксцентричную пару, Оливия произнесла:

– Ладно, Габи, присылай свои вопросы... и уж, пожалуйста, не пей за ужином холодного вина!

III

Знакомство

Отыскав в темноте на ощупь торшер, Родион щелкнул выключателем, и комнату залил жидковатый электрический свет. Опустившись в стоявшее рядом кресло, он скинул узкие ботинки и со вздохом вытянул ноги – вечер выдался длинным, а потом еще эта ночная прогулка до дома...

Оливия же, напротив, не выглядела усталой. Попав в квартиру, она первым делом достала ноутбук и нырнула в свою электронную почту.

– С ума сойти, – пробормотала она. – Восемь сообщений. Впрочем, зная Габи, удивляться нечему – в ней каким-то образом уживаются безалаберность и обстоятельность. Ты только посмотри, сколько здесь материала! И ведь сгруппировано все по датам и событиям...

– Правильный подход, – одобрил Родион. – За свою жизнь Зоя дала десятки интервью, и в очередной раз обсуждать избитые темы ей будет неинтересно. В вашем фильме Вишневский должен предстать таким, каким он остался в Зоинем сердце. А добиться этого можно, лишь отыскав в их прошлом то, что недосказано, скрыто от посторонних глаз.

Он вдруг замолчал, уставившись на работу местного мариниста, украшавшую простенок.

– На твоём месте, Иви, – присовокупил он неожиданно, – я бы от этой затеи отказался. За одну ночь проделать такую работу невозможно.

Ответа не последовало. Прокручивались страницы, разворачивались полотна «меню», глухо щелкали клавиши.

Что ж, неудивительно: к «невозможному» Оливия питала повышенный интерес, ей нравилось испытывать судьбу на прочность.

– Все вопросы тщательно продуманы, – отреагировала она наконец, внося какие-то пометки в текст. – И не волнуйся – во время съемки я останусь за кадром, а при монтаже мой голос и вовсе уберут. На пленке все будет выглядеть так, будто Зоя просто предается

воспоминаниям – потом подберут видеоряд и сочинят закадровый комментарий.

– Решай сама, – пожал плечами Родион, понимая, что преодолеть ее природное упрямство невозможно. – Главное, чтобы Танги не донесли, что во время рабочей поездки ты занималась чужим проектом.

Оливия на секунду задумалась, смахнула с клавиатуры пылинку и повернулась к нему.

– Слушай, кроме Габи и ее оператора об этом никто не знает. Я понимаю, тебя пугает мой авантюризм, но без него в нашей профессии делать нечего.

– Не авантюризм, а легкомыслие! Ты не умеешь говорить людям «нет», пытаешься всем угодить – в этом твоя беда...

Оливия опустила глаза, прислушиваясь к монотонному гудению компьютера. На ковре лоснилось застарелое пятно, по которому ползала вялая муха. Где-то за стеной часы с музыкальным боем отстукивали полночь. Разговор захотелось немедленно свернуть.

Под утро она заглянула в соседнюю комнату – Родион крепко спал, запрокинув голову и широко раскинув руки. Прилечь рядом, не потревожив его, было бы невозможно, поэтому она устроилась кое-как на диване в гостиной. Но забыться не удалось – ночь уже уходила, уводя за собой поблекшую луну. Небо светлело, воздух наполнялся энергичным клеточным чаек.

Оливия вздохнула – до встречи с Зоей еще несколько часов. Пожалуй, можно прогуляться вдоль пляжа и где-нибудь позавтракать. Стараясь не шуметь, она взяла сумку с ноутбуком и вышла из квартиры.

Довиль пробуждался медленно. Со стороны причала брела враскачку, нестройно подвывая, хмельная компания; по океанскому бульвару, сердито погромыхая, катился первый мусоровоз.

Вдруг из-за угла выплыл съемочный кортеж. В кабине теснилась режиссерская группа, а двое операторов балансировали на задней прицепной платформе, на которой красовался черный «Корвет» с мужчиной и женщиной в салоне – они вели разговор под стук «неукротимого дождя». В роли распорядителя небесной канцелярии

выступал бородач в резиновых сапогах и водоотталкивающем плаще, извергавший из распылителя струи воды прямо на лобовое стекло.

Оливия пропустила кинокавалькаду и, перейдя через дорогу, оказалась на пустынном променаде. Столбы уже погасших фонарей вдоль дощатого настила, простиравшегося на пару километров, были покрыты каплями росы.

За закрытыми дверями кафе деловито сновали люди: раздвигали столики после вечерних посиделок, орудовали за кассовыми прилавками и барными стойками, готовясь к новому фестивальному дню.

Вдоль берега, утробно урча, полз чудной агрегат, просеивавший песок и собиравший мусор. Дождавшись, когда он скроется за спасательной будкой, Оливия подошла к воде. Океан казался неподвижным и безмолвно-покорным, словно пребывал в летаргическом сне. А за горбатыми холмами уже расцветало щедрое солнце, рассекавшее лучами дымку над курортным городком с его площадями, полями для гольфа, ипподромом, казино и бескрайним атлантическим пляжем.

Вдруг со стороны порта послышались отрывистое лошадиное ржание и частый перестук копыт. Оливия нехотя оторвала взгляд от воды: в утреннем мареве, взметая снопы брызг, неслись две черные лошади. Высоко вздымая копыта, они бежали по вспененной кромке прямо на нее: поджарые голени, гибкие шеи, шлейф влажных спутанных грив...

Оливия попятилась, уступая им дорогу. Первой пронеслась мимо нее изящная темноволосая всадница. Обернувшись на ходу, она прокричала:

– Ну же, Марк, не отставай! Опоздаем на конкúр!^[7]

Портман – а это был он, Оливия узнала его по орлиной посадке головы и всклокоченной мефистофельской бородке, – пришпорил скакуна и, пригибаясь к распаренной лошадиной шее, припустил что было мочи за грациозной валькирией.

Дом Зои, принадлежавший когда-то ее отцу, стоял в стороне от променада и переполненных ресторанов – в той части береговой линии, где расположились самые роскошные особняки. Каждая вилла

имела собственный доступ к воде – деревянные ступеньки с перильцами приводили их обитателей прямо на пляж.

Резиденция Вишневских скрывалась за хвойной изгородью – торчали лишь остроконечные башенки и трубы каминных дымоходов. Приблизившись к калитке, Оливия нажала на кнопку звонка. Затем повторила попытку, но ей так и не открыли. Она уже достала было телефон, чтобы позвонить Аврелию, но в эту секунду из-за спины раздался знакомый голос:

– Я не забыла о вас, моя дорогая! Просто не спалось, вот и решила пройтись по пляжу...

Оливия обернулась. Придерживая на груди белоснежный кардиган, норювивший распахнуться от ветра, со стороны океана к ней спешила Зоя Вишневская. Актриса аккуратно ступала босыми стопами по влажному песку, стараясь не порезаться об острые ракушки – их осколками было усеяно все побережье. Подойдя к лесенке, Зоя обула матерчатые туфли, которые дожидались ее на ступенях. С удивительной для своего возраста легкостью она поднялась наверх.

– Не волнуйтесь, мы все успеем, – улыбнулась она приветливо, – сейчас заварим кофе и начнем.

Оливия взглянула на часы – где же оператор? Он должен был ждать ее здесь ровно в девять...

Зоя тем временем отомкнула ключом калитку и жестом пригласила Оливию войти. В нос ударил смолистый дух с нежным яблочным отливом: пышный сад, окружавший дом Вишневских, полыхал сентябрьскими красками. Вдоль ограды теснились сосны и можжевельник, а по пологому склону, ведущему к вилле, взбегали ряды яблонь. Их ветви отяжелели, тянулись к земле, уже усеянной россыпью медово-розовых плодов.

Между деревьями петляла гравийная дорожка, отчеркнутая узким бордюром. Она огибала декоративный пруд, кованую беседку, столик с креслом, на котором скучала позабытая кем-то книга, и, наконец, заложив петлю возле клумбы, упиралась в грунтовую площадку.

По центру, увитый шевелящимся на ветру плющом, в яркой цветочной перевязи, возвышался величественный нормандский дом.

– Когда папа купил эту резиденцию, – произнесла Зоя, пропуская гостью внутрь, – меня еще не было на свете. В Париже к тому времени уже прошла его первая выставка, во время которой он познакомился с

галеристкой Стеллой Лурье. Благодаря этой предприимчивой женщине в конце тридцатых его картины стали очень хорошо продаваться.

Оливия замерла среди прихожей, оглядывая обстановку. Из тесной передней, напоминающей лаковое нутро табакерки, двери вели в просторную кухню. Посередине нее располагался разделочный стол-остров с мраморной столешницей, на котором красовался расписной кувшин с цветами. На стальных крюках висели разнокалиберные кастрюли, сковородки, сотейники – в их натертых до блеска боках бликовало солнце, пробивавшееся сквозь листву в панорамном окне.

Зоя перехватила взгляд гостьи и, улыбнувшись, уточнила:

– Я провожу здесь много времени, с юных лет люблю готовить. Мы с отцом жили вдвоем, мама ушла очень рано. Поначалу он вел хозяйство сам, а лет в четырнадцать я заменила его у плиты – папе надо было работать. У него был строгий распорядок дня: ранний подъем, прогулка вдоль океана, работа в студии или на свежем воздухе. Потом обязательное чтение газет и вновь уединение. По вечерам он лишь делал наброски карандашом – говорил, искусственное освещение искажает цвет, меняет оттенки...

Они вошли в гостиную. Пол, слегка рассохшийся от времени и местами источенный жучком, покрывал восточный ковер, придавленный легкомысленным трио – лиловым диваном и двумя стоящими напротив него гнутыми креслами. По правую руку находился камин, обрамленный мраморным порталом. Стены салона, выкрашенные в сливочный цвет, украшали старинные гравюры. В дальнем углу тикали напольные часы, показывавшие четверть десятого.

Вдруг раздалось дребезжание дверного звонка. На пороге показался Аврелий. Его волосы были взъерошены утренним ветром, а на щеке отчетливо виднелся залом от подушки. Сумбурно извинившись, он окинул взглядом комнату и, выбрав удачное место, принялся устанавливать камеру и налаживать освещение.

Зоя тем временем поднялась наверх. Вскоре она вернулась в полной готовности: естественно уложенные волосы, тщательный неяркий макияж; шея задрапирована шелковым платком, кисти рук на треть прикрыты удлиненными манжетами блузки. Глядя, как актриса устраивается в кресле, занимая выгодную позу, Оливия поймала себя

на мысли, что возраст явно не был ее врагом: Вишневская умело использовала его преимущества и ловко маскировала недостатки.

Вести беседу с Зоей оказалось легко: вопросы актрисе выслали заранее, и, уверенно глядя в камеру, она с удовольствием пустилась в путешествие по лакунам памяти. Чувствовалось, что все обстоятельства жизни отца она перебирала в уме не раз: и его жизнь в дореволюционной Москве, которую он так отчаянно любил, и переезд во Францию, где предстояло отучиться несколько лет в Академии Гранд Шомьер по настоянию родителей. И то, как все планы на будущее были сметены революционными вихрями, навсегда отрезавшими его от той части суши, где прошло его детство.

Рассказ Зои о матери, Ольге, звучал куда более сдержанно, местами даже несколько сбивчиво... «Это объяснимо, – думала Оливия, сверяясь с лежавшим на ее коленях планшетом, – Вишневская осиротела совсем еще ребенком. Практически все, что она знала о маме, уже не раз было доверено прессе...»

– Вы не представляете, – рассказывала тем временем Зоя, вновь переключаясь на отца, – каким потрясением для него стали октябрьские события! Он оказался в чужой стране в совершенном одиночестве. Пару раз какие-то знакомые, попавшие в Париж через Польшу или Германию, передавали ему письма от родителей и денежное довольствие. Но все это очень быстро закончилось: в девятнадцатом году связь с семьей прервалась навсегда.

– Вы так никогда и не узнали, какая участь их постигла?

– Милая моя, – вздохнула Зоя, – в те годы вариантов было немного. Те, кто покинул страну, кое-как устраивались на чужбине и жили в основном надеждами, что вскоре сумеют вернуться. А те, кто остался, перешли в разряд «бывших» и были вытеснены из городов в сельскую местность, где с трудом обустроивали свой быт...

Она на секунду замешкалась, словно выбирая правильную интонацию.

– Ну а остальные шли под расстрел. Моя родня не стала исключением.

– Насколько мне известно, вашей матери, Ольге, повезло больше других. Она ведь перебралась в Париж вместе со всей семьей?

– Дед до революции был купцом первой гильдии и владельцем чайного торгового дома. Человек практического склада, он держал

часть своих сбережений во французских и швейцарских банках. Ему также принадлежала квартира в Париже – на улице Дарю, недалеко от Триумфальной арки. Там они и поселились в двадцать втором, сразу после переезда. Моей матушке исполнилось двенадцать, в Париже до этого она бывала не раз, а потому эмиграция не стала для нее такой уж травмой. Да и жизнерадостный, а местами поверхностный ее характер не располагал к долгим страданиям. – Лицо актрисы на секунду дрогнуло, но она быстро совлела с эмоциями и как бы между делом лучезарно улыбнулась в камеру.

Интуитивно поняв, что почва под ногами становится зыбкой, Оливия аккуратно сменила тему.

– На улице Дарю, о которой вы упомянули, находится русский собор. Ваши родители венчались там?

– Да. Они познакомились в двадцать девятом – их представили друг другу на одном парижском вернисаже. Роман развивался стремительно, и хотя мой дед был не в восторге от выбора дочери – какой-то художественный оформитель при типографии, чудака-авангардист, да еще на четырнадцать лет старше! – в первый день промозглой весны тридцатого года родители обвенчались по православному обряду. Мама часто рассказывала мне об этом... Она, знаете ли, обладала редким даром – ее слова вмещали множество образов и деталей, которые образовывали вместе живую картину. Бывало начнет вспоминать, и ты уже не сидишь на траве в довильском саду, грызя подобранное яблоко, а стоишь на влажной парижской брусчатке, наблюдая за городской жизнью. И одна за другой, словно кадры довоенной хроники, сменяются сцены...

Вот проносятся мимо переполненные омнибусы, забрызганные грязью «ситроены», рычащие грузовики. А вот по тротуару, поправляя шляпку клош и перекладывая из руки в руку фибровый чемоданчик, спешит куда-то юная провинциалка. Вслед за ней сосредоточенно семенит, придерживая на поводке линялую болонку, старушка в крашеном каракуле. Вдруг из-за поворота им навстречу выезжает громоздкая детская коляска, которую толкает перед собой мальчуган в морской фуражке и распахнутом двубортном пальто. Вслед за ним, источая запах жасмина и каких-то лекарств, спешит усталая бонна...

И в этом повседневном кино, складывающемся из обрывочных маминих воспоминаний, ты не более чем зритель – но лишь до тех

пор, пока над крапчатыми крышами квартала, над окурками каминных труб, заглушая птичий гвалт и рокот моторов, не грянет бронзовым перезвоном ликующий колокол. И ты сорвешься с места и побежишь, сопротивляясь весеннему ветру, захлебываясь от восторга и предвкушения: «Едут!!!»

Оливия затаила дыхание, боясь помешать рассказу: вот он, тот драгоценный момент, когда интервью превращается в спектакль. Но Зоя про журналистку давно уже забыла – она беседовала с каким-то воображаемым зрителем, скрывавшимся за объективом кинокамеры. Так актер говорит со сцены, обращаясь не к залу, а к конкретному лицу: вон к тому, в девятом ряду, с внимательными глазами.

– Ты проскакиваешь через ворота церкви, – продолжала декламировать Зоя, – цепляясь рукавом за завиток на чугунной оградке, мимо изможденного старичка с картузом в дрожащей руке, мимо набухающих зеленью берез, по каменным ступеням взлетаешь вверх... И вот уже потрескивают свечи, подрагивают языки лампад, а из-за рядов подбитых ватой мужественных плеч и дамских кружевных накидок доносится распевно: «Обручается раб Божий Андрей рабе Божьей Ольге...» И ты проталкиваешься что было сил вперед, вдыхая плотный ладанный воздух, мечтая увидеть юные лица тех, кому через много лет суждено стать... твоими родителями.

IV

Посылка

За окном истерично взвизгнула электрическая газонокосилка. Зоя поморщилась и жестом попросила прервать съемку. Распахнув дверь, в которую тут же хлынул соленый ветер, она что-то крикнула невидимому садовнику, и особняк опять погрузился в тишину.

– А хотите немного домашнего сидра? – неожиданно предложила актриса, на секунду задержавшись возле буфета, в котором за натертыми до полного исчезновения стеклами красовались бокалы причудливой огранки.

Она достала из холодильника кувшин и наполнила свой фужер мутноватым яблочным напитком.

Через секунду Вишневская уже вновь сидела в кресле. В просвете за ее спиной в стремительном чарльстоне вертелись мелкие пылинки. По краю опустевшего фужера медленно перемещалось неуклюжее тело осы.

– Худшего момента для женитьбы придумать, конечно, было трудно, – продолжила Зоя. – В начале тридцатых до Франции докатились отголоски большой депрессии. Работу найти было невозможно, предметы искусства продавались плохо, и родители с трудом держались на плаву. Одалживаться у тестя отец не желал – отношения между ними так и не наладились. Дед считал папу непрактичным чудачком, человеком «эксцентрического толка», неспособным обеспечить его дочери достойное будущее. «Он малюет какой-то деформированный, болезненный мир, – возмущался дед, восседая в габардиновом жилете, украшенном толстой часовой цепочкой, в своей нарядной гостиной. Ее обстановка сплошь состояла из расписных пасхальных яиц, пузатых самоваров, ажурных салфеток, пышнотелых красавиц в золоченом багете и всякой прочей цветистой ярмарочной роскоши, заменившей ему настоящую Россию. – У него на картинах не люди, а субстанции, какие-то уродливые карлы вместо живых существ! И вот эту ядовитую мазню он называет искусством!»

Словом, на улице Дарю родители показывались нечасто. От безденежья мама устроилась на подработку в эмигрантскую газету,

публиковавшую ностальгические заметки, фельетоны и стихи. А отец, устав отираться по парижским галереям, где не удавалось продать ни одного полотна, взялся давать частные уроки, обучая начинающих живописцев пейзажным техникам. Академическое образование, которому ранее он не находил никакого применения, наконец-то сослужило ему добрую службу.

Жили они далеко от центра, на набережной Уаз, в огромном многоквартирном доме, где у дверей валялись пыльные башмаки, лежали вязанки дров, а через тонкие стены отчетливо доносился звон посуды и раздавалась речь на всех языках. «La Ruche!!!» [\[8\]](#) – в сердцах восклицал отец, сатанея от коммунального шума и спеша уединиться в маленькой комнате, служившей ему студией. Там было не развернуться, но за огромным окном, занимавшим всю внешнюю стену, проплывали по бесцветному небу дирижабли облаков и билась о ступеньки мутноватая вода канала.

– Я где-то читала об этой студии с видом на реку...

– Вполне возможно, – кивнула Зоя. – Отец сторонился монархических собраний, литературных вечеров и прочих проявлений эмигрантской жизни. За это его многие недолюбливали. Однако у себя людей принимал охотно. Бывала у него и французская художественная элита, и нищий русский авангард. Всех входящих он сразу приглашал к себе в «мастерскую» – каморку, выкрашенную в стерильный белый цвет. Там пили жидкий чай и говорили о насущном. Но по-настоящему отец ни с кем так и не сблизился: он утверждал, что «светское общение» – опасный суррогат, которого человеку мыслящему нужно избегать.

– А ваша мама разделяла его взгляды?

– Моя мама, – раздумываясь было от сидра лицо Зои неожиданно приобрело восковой оттенок, – совсем молодая тогда еще женщина, очень любила общество. Она обожала наряды, украшения, легкий флирт, салонную болтовню, и потому демонстративное затворничество отца со временем стало ее угнетать. К тому же денег им катастрофически не хватало. Гордость не позволяла ей обращаться к деду – тот не раз предлагал «содержание», но говорил при этом с такой насмешливой снисходительностью, что мама сразу отказывалась... Однажды, проведя ревизию своего гардероба перед выставкой костюмов по эскизам Сони Делоне [\[9\]](#), где должен был

собраться весь бомонд, она не выдержала и поехала на улицу Дарю. Отца дома не оказалось, но открывшая ей дверь горничная сообщила, что месье сегодня ужинает в «Петрограде».

– Да, «Петроград» тогда гремел на весь Париж, – поддакнула Оливия, вспомнив вязь с жар-птицами на фасаде ресторана, отбрасывавшего огненные блики на устремленный в небо православный собор.

– В то время это заведение было весьма популярно. Дед считался почетным членом общины, не раз жертвовавшим на нужды храма и сообщества. В «Петрограде» у него был свой столик. Сквозь кисейные окна трактира мама увидела, как ее отец пирует среди икон и жостовских подносов в компании обрюзгших усачей в расстегнутых чиновничьих мундирах...

Кроме хозяйки, женщин в «Петрограде» не было. Собравшись с духом, мама шагнула за порог, сразу утонув в дымном мареве. Взглянув на нее из-под отяжелевших век, дед плеснул себе из штофа водки и звучно произнес: «А вот, господа хорошие, дочь моя, Ольга, – жена одного гениального абстракциониста! Не иначе здоровьем родителя пришла поинтересоваться... Ведь не денег же ей у нас, «низших людей», просить!»

Кусая губы, мама ни с чем вернулась домой. Модная выставка прошла без ее участия.

Оливия открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, но Вишневская ее опередила.

– Отец в душе очень страдал от того, что они были так стеснены в средствах. Он искренне любил Оленьку, потакал всем ее капризам. Заметив, что она частенько стала задерживаться в редакции, пропадать на каких-то сомнительных званых вечерах, он решился на отчаянный шаг. Один ушлый парижский галерист давно предлагал выставить его картины при условии, что из непроданных предметов тот выберет кое-что для своей коллекции – в счет оплаты за хлопоты. Надо отдать ему должное: за время вернисажа отец заработал довольно крупную сумму. Часть денег он сразу потратил на подарок маме: купил у ювелира на Больших бульварах аметистовые серьги и браслет работы Луи Дюваля. По легенде гарнитур принадлежал в прошлом какой-то княжне. Преподнося его жене, он старался не думать о том, что весь «Московский цикл» рисунков, собранный из бережно хранимых

воспоминаний юности, принадлежит теперь человеку, для которого эти «трепетные хроники сердца» – просто товар... Средства в голодный год, когда приходилось выбирать между горячим ужином и вязанкой дров для камина, им были очень нужны, но ведь лиловые серьги-жирандоли так чудесно шли к Оленькиному нежному лицу... Остальное для отца было неважно.

Зоя замолчала. По газону за приоткрытым окном замшевой поступью проследовал дымчатый кот. Сорвавшись с набрякшей ветки, на столик со стуком упало крупное яблоко.

Оливия перевела взгляд на отреставрированную фотографию, стоявшую в рамке на каминной полке. На ней Андрей Вишневский в курортном канотье придерживал за локоть свою юную жену – в свободном муаровом платье, со взбитыми по моде волосами, она склонила голову набок, давая всем полюбоваться сверкающим каскадом панделоков.

– Давайте вернемся к творчеству вашего отца. Насколько я знаю, лет десять назад вам удалось выкупить «Московский цикл» у какого-то частного лица.

– Я действительно уделила немало времени, чтобы вернуть себе все работы, какие смогла разыскать. Но несколько очень значимых для нашей семьи полотен исчезли совершенно бесследно. Кстати, с одним из них связана удивительная история... Дело было совсем недавно. Знаете что, а давайте ненадолго прервемся? Я угощу вас кофе и нормандским пирогом по моему рецепту.

Из-за камеры раздался вздох облегчения – Аврелий, видимо, с нетерпением ждал этого момента. Достав из кармана смятую пачку сигарет, он вышел за дверь и тут же рухнул в шезлонг. С наслаждением затянувшись, оператор подставил лицо сентябрьскому солнцу – пускай дамы поболтают, а он передохнет...

– ...И добавьте немного вот этого ликера. – Зоя достала из шкафчика сосуд, в котором одиноко плавал разбухший апельсин. – Отец называл его «44» – ровно столько дней нужно настаивать смесь из кальвадоса, фруктов и кофейных зерен, прежде чем она станет пригодной к употреблению. Вот смотрите, буквально чайная ложечка и... – она втянула ноздрями тонкий аромат, – увидите, ваш кофе зазвучит совсем иначе!

Оливия не посмела отказать актрисе, хотя регулярность, с которой хозяйка большого дома употребляла тот или иной «традиционный нормандский напиток», несколько настораживала.

– Так вот вам история. – Напившись жгучего нектара, Зоя вытянулась на бархатной оттоманке, расположившейся в самом углу гостиной, рядом с книжным шкафом. – Мой отец страстно желал обзавестись потомством. Это и неудивительно – в момент женитьбы ему было уже далеко за тридцать. А вот мама никуда не торопилась. Она была юна и полна пылких надежд: ей страстно хотелось общества, балов, приемов, газетных хроник и прочей мишуры, подтверждающей, что она составила хорошую партию. Она видела себя женой гения, великого творца – пускай немного несуразного и хмурого, но, несомненно, привлекательного. Отец на людях всегда держался отстраненно и, отказываясь поддакивать случайным собеседникам, рассеянно смотрел по сторонам. Мама, пытаясь компенсировать его угрюмость и отсутствие светских манер, любезно кивала головой направо и налево, рассыпаясь в любезностях, которые, впрочем, звучали из ее уст вполне естественно.

Оливия стояла все это время у окна, следя за траекторией движения резвого шмеля. Он хаотично перелетал с цветка на цветок с рвением подростка, одержимого неразборчивым влечением к красоте любого рода: не овладеть, так хотя бы прикоснуться!

Слушая Зою, Оливия уже в который раз задумывалась: отчего фигура матери, которую актриса так рано потеряла и к которой была явно привязана, выглядит в ее рассказах столь неоднозначно? Ведь девочке было всего восемь лет, когда Ольга скончалась от пневмонии. Тот нежный возраст, когда взрослый в глазах ребенка всегда прав и на все имеет право. А мелкие обиды забываются в считанные дни...

– В конце тридцатых, – продолжила Зоя, – дела отца пошли наконец в гору. Он купил этот дом и начал его обустроить. Мама по-прежнему однообразно провинциальной жизни предпочитала праздничный Париж. А отец проводил в Довиле немало времени: самые известные его довоенные работы были написаны в Кальвадосе. В сорок четвертом, когда вопреки жизненной логике и биологическим условностям я появилась на свет, они переселились сюда.

Аристократический курорт, обезображенный противотанковыми рвами, колючей проволокой и маскировочным окрасом, все же

сохранил свой шарм. Этот особняк, еще не принявший сегодняшних очертаний, не стал ночлежкой для немецких солдат только потому, что отец не успел превратить его в одну из тех роскошных нормандских вилл, которыми так щедро было украшено побережье. Свои картины, которые, как и все «дегенеративное», были бы конфискованы нацистами и уничтожены, он оставил в Париже. Бóльшую часть из них сумела надежно спрятать Стелла Лурье – галеристка, которой Вишневецкий обязан своим международным успехом. А несколько самых ценных полотен отец отдал на хранение семейному врачу. Они, к сожалению, бесследно исчезли.

– И вам не удалось их вернуть?

– Вот об этом-то я и хотела рассказать, – произнесла Зоя, поднявшись с оттоманки и направляясь к книжному шкафу. – Когда зимой сорок четвертого отец узнал, что жена наконец беременна, он едва не лишился рассудка. Это было сродни чуду: измученные годами оккупации, полуголодные, сменившие не одно место жительства, они уже ни на что не надеялись. Он долгое время ничего не писал – постоянная близость смерти и людского страдания наложили на него тяжелый отпечаток. И вдруг посреди этого морока, этой удушающей мути вновь зародился свет. Антифашистские газеты сообщали о скором наступлении союзников, и, словно вторя им, накатывала бурная, неукротимая весна. Тогда и родилась эта акварель – пронзительно искренняя, светлая, как предвкушение новой жизни. Отец посвятил ее мне...

На этой ноте Зоя сняла с полки потрепанный альбом и, раскрыв в нужном месте, протянула его Оливии.

– Вот, взгляните. Это всего лишь репродукция.

Со страницы художественного каталога, какие раздают посетителям вернисажей, на Оливию обрушился целый мир. Пастельный, зыбкий, едва осязаемый, но от этого особенно мощный – так оглушает запах набухающих почек и прелой земли, движение ветерка в еще обнаженных кронах, тихое постукивание дождя о прошлогодние листья.

Под рисунком стояла подпись: «Андрей Вишневецкий «Весна». 1944 год».

– Какое чудо! – восхитилась Оливия, внимательно изучая детали.

– Да, мне кажется, одна из самых эмоциональных работ моего отца. Потом его стиль стал более фигуративным. Он подарил этот рисунок маме в день моего появления на свет: рождение дочери в этот сумрачный, наполненный горечью момент было сродни внезапному наступлению весны. Так он меня и называл за глаза. – Лицо Зои озарилось каким-то нежным воспоминанием, она улыбнулась. – Акварель исчезла в самом конце войны при довольно смутных обстоятельствах. Ее следов мне найти не удалось. И вдруг, представьте себе, буквально месяц назад я получаю совершенно анонимную бандероль. А в ней – моя пропажа! Ни имени отправителя, ни сопроводительной записки... До сих пор ломаю голову – что за мистификация такая?!

Зоя поднялась и в возбуждении принялась ходить по комнате, дробно постукивая каблучками домашних туфель.

– Нет, безусловно, были случаи, когда картины отца возвращались ко мне спустя годы. Дважды их мне адресовали какие-то провинциальные германские музеи, куда они попали еще в середине тридцатых. Как-то раз целую серию работ прислал состарившийся одинокий коллекционер – просто не захотел завещать их государству. Были и вовсе анекдотические ситуации! Однажды квартирная хозяйка, у которой еще студентом квартировал папа, обнаружила у себя на чердаке ящики с вещами. Они были помечены его именем, и она, не разбирая, отправила их ко мне с посыльным. А там, под слоем изъеденного молью тряпья, оказались его ранние московские гуаши. Впрочем, мадам была порядочной женщиной, и вряд ли бы ей пришла в голову мысль их присвоить...

– Но неужели на бандероли не было никакого штампа? – удивилась Оливия, чьи мысли тут же вернулись к «Весне». – Сейчас ведь можно отследить любое почтовое отправление. Достаточно связаться с курьерской компанией и...

– Мне сказали, что на коробке не было ни одной отметки. Обычный картонный бокс, адрес напечатан на листке и приклеен сверху. В общем, никаких опознавательных знаков. Я была наверху, когда в дверь позвонили. Марк, мой хороший знакомый, открыл дверь. Посылка лежала на пороге.

– Загадочная история... Но главное, что памятная вещь к вам вернулась!

– Вы правы. Ведь в подлиннике «Весну» я никогда не видела – когда она пропала, я была еще грудным младенцем. Некоторые из исчезнувших в те годы работ отца все же нашли дорогу ко мне. Они находились в частных собраниях, и поскольку у картин не было официальных документов, подтверждающих происхождение, их не удавалось выставить на аукционные торги – после экспертизы шедевры сразу вернули бы законной владелице. Поэтому они до поры до времени циркулировали на черном рынке или висели в гостиных подпольных коллекционеров. Возможно, и «Весна» дополняла чей-то интерьер, пока ее обладатель, прежде чем отдать Богу душу, не решил мне ее анонимно вернуть. Другого объяснения я не вижу...

Оливия кивнула – ей ли не знать, какой абсурдной может быть судьба шедевра, который попал в поле зрения одержимого собирателя. Статуя Октава Мотравеля, которую им с Родионом удалось разыскать год назад, находилась в лапах такого вот паука целые десятилетия! Изъеденная ветрами и дождем, покрытая слоем морской соли, она все же выдержала натиск времени и украшает теперь собой сад Тюильри.

В эту минуту завздыхал с присвистом дверной звонок – Аврелий закончил перекур и был готов вернуться к работе. Пролистывая в планшете файл с вопросами к Зое, Оливия обронила:

– Скажите, а как вы поняли, что перед вами оригинал? Ведь могла быть просто подделка.

Зоя усмехнулась.

– Подпись отца я отличила бы от любой имитации. Но дело даже не в этом. На обороте были какие-то странные отметки кириллицей, а также цветовая раскладка, и я попросила Марка отнести рисунок в лабораторию. У него огромные связи в мире искусств, он смог привлечь лучших специалистов. Официальное заключение еще не составлено, но мне уже сообщили, что это подлинник. А потом, – подойдя к каминному зеркалу, Зоя аккуратно поправила прическу и смахнула ресничку со скулы, – я всегда знала, что «Весна» рано или поздно окажется у меня.

– Вы это... предчувствовали?

Утонченное лицо Вишневской резко заострилось, внезапно выдав ее возраст.

– Хотя вы еще и молоды, милая моя, но наверняка уже понимаете, что у нас есть обязанности перед будущим. А вот как быть с

прошлым? Разве мы ничего ему не должны? Отец посвятил эту картину мне, и пока я жива – ее место здесь. По-другому и быть не может.

V

Телефон

Родион ждал ее у входа на ипподром – перед вечерним спектаклем для гостей фестиваля организовали показательные скачки. Дамы восприняли это событие как сигнал к демонстрации нарядов: каких только шляпок не мелькало на переполненных трибунах и в фойе!

– Ставить будем на «андердога»^[10], – определился Родион, протискиваясь сквозь надушенную публику к букмекерской конторе. – На фаворите все равно ничего не выиграть – тут сплошные дилетанты, которые будут вкладывать деньги в скакуна с самым высоким рейтингом. Даже если красавец Черчилль вновь придет первым, большой прибыли он нам не принесет.

Оливия слушала его невнимательно – на ипподроме она оказалась впервые, обстановка казалась ей интригующей.

Наконец они прошли в ложу, где уже расположилась компания импозантных мужчин. Те перебрасывались эмоциональными репликами, смысл которых Оливии был непонятен.

– А я говорю вам: трикси – самый разумный метод!
– Да бросьте вы, Жозеф, это детский прием. Только мартингейл!
– Господа, господа! В этом забеге нет явного фаворита, здесь сработает лишь голландский подход!

Оливия с недоумением взглянула на Родиона. Тот лишь улыбнулся и указал ей подбородком: смотри, знакомые лица...

В ложе напротив на самых лучших местах сидели русский театральный режиссер со своей обаятельной спутницей, мэр Довиля с какой-то пасмурной дамой, знаменитый парижский комик со смазливый компаньоном, а слева от них, то и дело вскидывая бинокль и обозревая эллипсовидное поле, расположился Марк Портман. Из разреза его белоснежной рубашки выглядывало яркое кашне, подчеркивающее сургучовую яркость губ и ассирийскую черноту бородки.

– А что же мадам Вишневская? – поинтересовался Родион. – Ее не будет на скачках?

– Нет, Зоя говорила, что сегодня появится лишь на вечернем спектакле. Мы провели вместе всю первую половину дня – мне кажется, я ее немного утомила.

– Вы все успели отснять?

– Да, но завтра загляну к ней еще разок – нужно проверить хронологию событий и отобрать фотографии из архива.

– Габи теперь перед тобой в неоплатном долгу, – пошутил Родион. – Если, конечно, ты не позволила Вишневской повторяться и сумела выудить у нее что-нибудь новое...

«Если, конечно» кольнуло больно в подреберье. Оливия сжала губы и ничего не ответила.

В эту секунду раздался стартовый сигнал – и дюжина поджарых скакунов пестрой лентой протянулась по манежу. Дробный перестук копыт, взволнованный гул трибун, нарушаемый короткими всплесками отчаяния или радости, когда одной из лошадей удавалось вырваться вперед, мелкое подрагивание напряженных жокейских спин – происходящее завораживало!

Заставив себя оторваться от «кентавров», стремительно несущихся по беговой дорожке, Оливия вновь взглянула на Портмана. Тот вел себя экспрессивно: вскакивал с места, вздымал руки и ронял их на полпути, хватаясь за бинокль и время от времени отирая о брюки вспотевшие ладони.

Вдруг трибуны взревели: жокей в черном рединготе [\[11\]](#) пригнулся к взмыленной шее вороного скакуна, и тот, словно услышав какое-то заклинание, повел острыми ушами, резко прибавил ходу и в считанные секунды оказался в авангарде. Портман беззвучно вскрикнул, бросил бинокль и сорвал с шеи кашне.

Не сводя взгляда с миниатюрного всадника, он отер со лба пот и сунул скомканный платок в карман.

Родион сверился с электронным табло, на котором произошла какая-то рокировка.

– Номер девять... Эклипс... Кто бы мог подумать! – удивленно воскликнул он.

– У Эклипса низкий рейтинг?

– В прошлогодних скачках на приз Триумфальной арки [\[12\]](#) эта лошадь пришла одной из последних.

– Посмотрим, удастся ли...

Оливия не успела договорить: ипподром завибрировал, загудел, как турбинный двигатель. На последнем круге Черчилль, чистокровный англичанин с безупречной родословной, многократный призер соревнований с феноменально сильными, быстрыми ногами, словно забыл о всех своих регалиях и физических преимуществах, мотнул головой и сдал в сторону, пропустив вперед Эклипса.

Трибуны охватила тишина, а затем подобно взрыву грохнули аплодисменты. Забыв о приличиях и светских манерах, публика улюлюкала, свистела, кричала, бросалась обниматься или же рвать в негодовании программки. Кто-то выбегал из ложи к тотализатору, другие с недоверием вглядывались в электронное табло, прислушивались к возбужденному голосу комментатора, изучая возмутительные результаты заезда. На первой строчке уже красовался номер девять – никому не известный Эклипс и его наездник, Клод Монтень.

Родион, тоже вскочивший со своего места, изумленно развел руками.

– Вот за что я люблю скачки, так это за абсолютную непредсказуемость финала! Ты смотри, все прогнозы вдребезги!

Тем временем лошади перешли с аллюра на шаг и двинулись вереницей по узкой боковой дорожке в сторону конюшен. Утомленные гонкой жокеи все же соблюдали этикет и улыбались зрителям, мгновенно заполнившим примыкающую к проходу лужайку. Оливия, сидевшая с краю, могла разглядеть все подробности: и радостно подпрыгивающих нарядных детей, подбежавших к барьеру, и спешащих за ними элегантных дам, и какого-то старичка, ковыляющего с садовым букетом от самого дальнего сектора...

Не удержавшись, она спустилась по ступенькам вниз и тоже подошла к ограждению. В нескольких шагах от нее в толпе мелькнула орлиная голова Портмана. Он ловко протолкнулся к металлическому поручню и прокричал в спину победителю:

– Клод, бесподобно! Брависсимо!

Номер девять обернулся, и Оливия вздрогнула от неожиданности. «Клод» оказалась молодой привлекательной женщиной – той самой, что мчалась на рассвете по пляжу на вороном коне в сопровождении Портмана.

Утром следующего дня, который выдался облачным и бесцветным, Оливия вновь стояла у калитки знакомого дома. С пляжа доносились запах слежавшихся водорослей и какая-то минорная инструментальная музыка. Оливия нажала на звонок, и после непродолжительной паузы калитка с механическим скрежетом распахнулась. Влажный гравий поскрипывал под ногами, и звук этот, протяжный и тоскливый, порождал тревожные чувства.

Однако Зоя встретила ее улыбкой.

– Проходите, я вас заждалась – у меня на сегодня множество планов! Днем я обедаю с нашими театрами, а в шесть в мэрии открывается выставка работ российских художников. Марк курирует этот проект и попросил меня присутствовать на церемонии...

На актрисе было платье цвета пепла, которое удачно оттеняли старинные серьги: судя по всему, те самые аметисты, что принадлежали раньше ее матери.

Поймав взгляд гостьи, Зоя заметила:

– Да-да, это те украшения, которые отец купил на свой первый гонорар. Мама ими очень дорожила. Она рассказывала, что еще девчонкой в Москве бывала у одной гадалки. О ней тогда судачил весь город – вдова отставного генерала, она принимала у себя дам и предсказывала им судьбу. Безобидная забава обернулась для провидицы высылкой из города – предсказания стали так часто сбываться, что ее обвинили в преступном шарлатанстве. Маме она успела нагадать знаменитого мужа, жизнь на чужбине и ранний конец, который может отсрочить лишь «камень лилового цвета». Мама была суеверна и оттого, наверное, не расставалась с отцовским подарком: аметистовыми серьгами и браслетом. Ну а потом, – вздохнула Зоя, – эти «счастливые камни» достались мне... Впрочем, что это я вам голову семейными преданиями морочу. Давайте-ка лучше выберем фото – у меня ведь целый архив!

Неожиданно из кухни раздался звук бьющегося стекла. Дымчатый кот, которого Оливия заметила накануне в саду, вспрыгнул на подоконник и опрокинул кувшин с астрами. Букеты в доме Вишневской были повсюду – на декоративных подставках, на обеденном столе, в парных китайских вазах у камина.

А в прихожей, где отсутствовал дневной свет, на пристенной консоли красовались керамические лотосы. Рядом с ними лежал

старомодный «журнал посещений» – он служил актрисе чем-то вроде ежедневника.

Наступив на один из осколков, которыми был усыпан кухонный пол, Зоя принялась отчитывать проходимца-кота за неповоротливость.

– Вы не подниметесь пока наверх, – попросила она Оливию, подбирая рассыпавшиеся по полу астры, – там на столе в кабинете стоит большая коробка. Принесите ее сюда...

Усталая ковром лестница привела Оливию сначала в полукруглый зал на втором этаже, где у окна застыли в созерцательной позе торшер и кресло, а затем и в кабинет.

Это место ей очень понравилось. В сентябрьской тишине окна, полуприкрытого темной гардиной, дрожали ветви яблонь. Дождь сочинял мотив, постукивая по ржавой велосипедной раме, прислоненной к одному из стволов, словно отсчитывая минуты отпущенного свыше времени.

Посередине комнаты, оклеенной полосатыми обоями, стоял письменный стол с суконной столешницей и кожаным бюваром. На нем лежали дамские очки, а слева – рядом с уютной библиотечной лампой – возвышался короб с металлическими уголками. Оливия уже протянула было к нему руки, но вдруг заметила черно-белое фото, расположившееся на противоположном краю стола: худенькая девочка в гимнастическом трико смотрит с обожанием на зрелого мужчину, который держит ее на руках. Внизу уже знакомым почерком художника подписано: «Моя Весна! Май 1952».

Оливия задумалась: Ольга Вишневская скончалась от двусторонней пневмонии зимой того же года. Ее смерть, судя по всему, еще больше сплотила отца и дочь – они служили друг другу опорой, веря, что до конца будут неразлучны.

Где-то за спиной скрипнул паркет.

– Ах вот что вас задержало. – Зоя подошла к столу и протянула руку к снимку. Из-под манжета короткой вспышкой сверкнули лиловые камни. – Это один из любимых кадров папы. Я тогда победила в гимнастическом состязании, и обо мне написали все парижские газеты!

Актриса провела пальцами по фотографии с такой нежностью, с какой касаются лица любимого человека, боясь нарушить его безмятежный утренний сон.

– Его распирало от гордости, – продолжила она, – после маминого ухода я стала средоточием всех его смыслов. Впрочем, так было всегда... Знаете, в отцовской любви кроется подвох. Когда ее мало, мы никак не можем поверить в себя, в свою женскую силу, а когда слишком много, начинаем ожидать от других того, что они не в состоянии нам дать. Думаю, ни один из моих браков не состоялся потому, что в каждом муже я пыталась разглядеть отца. Нет, я не искала опеки, не пыталась переложить на другого ответственность, не вела себя как избалованный ребенок. Я просто ждала того же приятия, которое в детстве мне ничем не приходилось заслуживать. Моим успехам отец всегда радовался, но в душе я знала, что и в случае провала он будет на моей стороне – не станет читать нотаций, давать запоздалых советов, разбирать ошибки, а просто утешит и поймет... Это так важно в жизни, правда?

Оливия замешкалась – что тут ответишь? Зоя выходила замуж несколько раз, и все ее мужья были немолодыми состоятельными людьми. Счастья и «приятия» ей это не принесло. Наверное, поэтому теперь она окружала себя юнцами, которые, впрочем, тоже постоянно ее разочаровывали.

Следующие два часа пролетели быстро – устроившись в гостиной, они перебирали фотоархив. С каждым его снимком был связан какой-нибудь эпизод из жизни Вишневских.

Оливия слушала Зою, думая о том, как изменилось ее представление об актрисе за прошедшие сутки. Вместо стареющей дивы, помешанной на украшениях, какой изображали Зою журналы, перед ней сидела привлекательная, просвещенная женщина, которую после смерти отца любовь упрямо обходила стороной.

Пообедать они решили в маленьком бистро на окраине, где подавали всего три блюда: морские гребешки в сливочном соусе, два вида устриц и рыбный суп с гренками. Родион ждал ее за столиком у окна. Сидя спиной к залу, он задумчиво созерцал, как надвигается на город каравелла грозových облаков.

Оливия беззвучно подошла к нему сзади и обняла за плечи.

– Почти не видимся в последние дни, соскучилась...

Он прижался щетинистой щекой к ее руке и ничего не ответил.

– Знаю, что ты не одобряешь всю эту затею, но я не могла отказать Габи. И, если честно, потраченного времени мне не жаль – Вишневская оказалась невероятной собеседницей, – добавила она, понимая, что Родион на нее обижен. В последнее время ее часто не было дома: и в будни, и в выходные приходилось бегать по редакционным поручениям, а по ночам наверстывать пропущенное в университете. Он поехал с ней в Довиль за компанию, надеясь, что она сумеет выкроить хоть немного времени, чтобы побыть вдвоем...

– Расскажи мне лучше, какие у нас планы на оставшуюся часть дня, – в его голосе не прозвучало эмоций, что лишь усугубило ее чувство вины.

– Сегодня вечером – авторский вечер Джибладзе. Может, мне удастся попасть за кулисы и взять у него блицинтервью...

– А почему бы тебе не попросить о помощи Зою? Она всех знает в этом замкнутом мирке, ей не откажут.

Оливия взглянула на Родиона с благодарностью. Профессиональный интерес в нем всегда брал верх над личными обстоятельствами. Наверное, поэтому ему долго не удавалось обзавестись семьей: какой женщине понравится чувствовать себя актрисой второго плана, смирившейся, что изо дня в день главная роль отводится не ей, а работе.

Хоть это далось и непросто, но спустя несколько лет совместной жизни Оливия вынуждена была признать, что их с Родионом трепетная близость, душевная связанность во многом объясняются общностью интересов.

Она сунула руку в сумку, чтобы достать смартфон и набрать номер актрисы. Пальцы перебирали по очереди содержимое: ручку, блокнот, очечник, беспроводные наушники, ключи от квартиры, расклеившуюся упаковку жвачки, проездной билет... Только аппарата там не оказалось.

Перед глазами тут же возникли знакомая гостиная с лиловым гарнитуром, журнальный столик, придавленный архивной коробкой, фарфоровая чашка с недопитым кофе. Видимо, ее смартфон оказался погребен под ворохом семейных фотографий, рассыпанных по столешнице. Оливии так не хотелось опаздывать на обед с любимым, что она попрощалась с актрисой поспешно и вещи свои не проверила.

Отправляться к Зое прямо сейчас не имело смысла – та что-то говорила о встрече с «театральными людьми» и об участии в выставке, которую курировал Портман.

Значит, придется дожидаться вечера.

VI

Драма

С каким-то обреченным усилием океан гнал мутноватую волну, расшибая ее о полосу прибоя, словно отсекал все пути к отступлению. Над пляжем повис напряженный гул, сквозь который прорывались беспомощные стоны чаек, метавшихся под низким куполом неба.

Кутаясь в плащ и придерживая растрепанные ветром волосы, Оливия шла по дорожке вдоль садовых оград, за которыми желтели окна. Она не была уверена, что застанет Зою дома, но без телефонной связи обойтись было нельзя...

В нос ударил знакомый можжевельново-яблочный запах – вот и особняк Вишневых. Калитка оказалась открыта. Оливия вошла в сад – в подсветке редких фонарей тот выглядел призрачно и неприветливо. Деревья шелестели кронами, словно нашептывали молебный канон. На верхних этажах, скрывавшихся за частоколом деревьев, жалобно бились о раму распахнувшиеся ставни.

Приблизившись к вилле, Оливия заглянула в окна первого этажа. В ярко освещенной кухне было пусто. Сквозь анфиладу дверей просматривался кусок гостиной, в которой не улавливалось никакого движения. Она нажала на звонок – тот протяжно вскрикнул и затих. Подождав еще с минуту, Оливия прижалась ухом к двери – та поддалась и поползла со скрипом внутрь.

На секунду ей показалось, что в прихожей кто-то стоит, но, когда глаза привыкли к свету, Оливия поняла, что ошиблась.

Она окликнула Зою – вдруг та наверху, да еще не одна? Или принимает ванну... Черт, как неудобно вышло!

Потоптавшись с минуту на месте, Оливия неуверенно двинулась вперед и случайно задела сумкой за уголок «журнала посещений», который тут же слетел с консоли и гулко стукнулся об пол твердым переплетом. Она подняла его, подумав, что этот шум оповестит хозяйку о неожиданном визите. Однако нормандский дом оставался неподвижным – ни скрипа половиц, ни шороха шагов.

Оливия положила журнал на место, заметив мимоходом, что поверхность консоли покрыта какой-то странной желтоватой пылью.

Пахло резкими и холодными, как атлантический воздух, Зоиными духами и вместе с тем чем-то примитивно-цветочным.

Пройдя мимо кухни, она оказалась в гостиной. На низком столике рядом с кофейной чашкой стояла коробочка конфет. Рядом возвышалось ведерко со льдом – в нем утопала бутылка шампанского, а чуть поодаль переливалось богемской огранкой блюдо с крупным виноградом.

Вся остальная часть столешницы была завалена фотографиями, которые они просматривали с Зоей минувшим утром.

Оливия поворошила их рукой и вздохнула с облегчением, нащупав прохладный алюминиевый корпус: вот он! На экране ее смартфона высветились несколько сообщений от Габи, голосовое послание секретаря редакции, уведомление об очередном обновлении операционной системы. К счастью, не было ни одного пропущенного звонка: зная, что во время фестивалей журналисты работают в режиме непрерывных встреч, коллеги старались лишней раз не беспокоить.

Она убрала аппарат в сумку и вдруг заметила опрокинутый фужер, поблескивавший на ковре возле кресла, в котором любила сидеть Вишневецкая. Под ним расплылось пятно от пролитого шампанского.

Оливия подняла фужер, поставила его на столик рядом с шоколадным ассорти – крупными шарами, обсыпанными ореховой и вафельной крошкой, – и вздохнула: получалось некрасиво. Сначала без предупреждения заявила в чужой дом, а теперь бежит, не поговорив с хозяйкой...

Может, позвонить ей? Даже если Зоя не снимет трубку, она оставит сообщение на автоответчике и предупредит ее, что входная дверь открыта – это ведь небезопасно!

Она набрала номер актрисы и приготовилась слушать гудки, но их заглушил рингтон, защебетавший где-то рядом. Вздвигнув от неожиданности, она обошла диван и увидела на полу мобильный телефон с треснувшим экраном. На нем призывно пульсировал ее собственный номер.

В полуметре от аппарата, ближе к дверному проему, валялась знакомая кремовая туфля.

Внутри просвистел ледяной сквознячок, впившись иглой в диафрагму. Оливия сбросила звонок, и наступила тишина, в которой

напольные часы торжественно отыграли свой мотив.

«Все прояснится! – успокоила себя она, направляясь к выходу. – Зоя любит спиртное, вечеринки, флирт – наверное, сегодня случился очередной бурный праздник...»

Вдруг за спиной раздался шорох. Оливия обернулась, ожидая увидеть актрису, спускающуюся в шелковом пеньюаре по ступенькам с вопросительным выражением в глазах. Однако лестница оставалась пустой. Шорох повторился, затем шевельнулась портьера – из-под нее вылез сонный дымчатый кот. Забравшись на лиловое кресло хозяйки, он свернулся клубком и затих.

Проходя мимо кухни, Оливия краем глаза улавливает легкую несогласованность картинки. Притормозив, она присматривается. На разделочном столе – его видно в приоткрытую дверь – хищно скалясь отбитым краем, лежит опрокинутый стакан. Вода стекает из него ручейком на терракотовую плитку.

Стараясь не наступить в образовавшуюся лужицу, Оливия заходит внутрь. Где-то под потолком вокруг плафона мечется ошалевшая муха-ночница. В такт ее хаотичным касаниям стучат о дно раковины крупные капли.

Обходя стол-остров, Оливия обо что-то спотыкается.

Она опускает взгляд – это женские ноги, обтянутые тонкими чулками. Одна стопа обута в кремовую туфлю, вторая, неестественно вывернутая в сторону, босая. Сквозь крошечную дырку в микрофibre проглядывает беззащитный лепесток мизинца.

Одна рука с побелевшими пальцами и вздутыми на запястьях венами беспомощно откинута в сторону, вторая прижата ладонью к яремной ямке.

Женщина смотрит в потолок застывшими глазами: мутные зрачки в кровавом мареве лопнувших сосудов. В ее искаженном лице нет и намека на утонченность. Оно безобразно, лилово-серо.

Лавандовый отблеск фамильных камней – причудливой огранки аметистов – еще блуждает по жилистой шее, пытаясь уловить трепетание пульса...

Но тщетно.

Весна умерла.

VII

Под замком

На авторский вечер солиста российской балетной труппы Родион решил не идти. Оливия все равно будет пропадать за кулисами, если у Вишневской получится устроить для нее интервью с премьером.

За обедом они договорились: как только Оливия переговорит с актрисой и заберет у нее свой телефон, сразу даст знать о дальнейших планах.

Но звонка так и не было...

Побродив по дому, Родион открыл бутылку вина, нарезал багет, местный душистый сыр и устроился перед огромным телевизором, которым была снабжена курортная квартирка его приятеля.

Полистав меню Netflix, он отыскал американский криминальный сериал, который начал смотреть еще в Париже. Оливия в последнее время все вечера проводила за конспектами: днем совмещать учебу на факультете и практику в популярном издании у нее получалось плохо, поэтому многое приходилось наверстывать в темное время суток. Ну а он вынужден был коротать время перед экраном в полном одиночестве.

Действие в новой серии закручивалось лихо – сценаристы на совесть отработали гонорар, уместив в пятьдесят минут эфирного времени несколько трагических смертей, пару сцен семейного насилия, циничный адюльтер, однополую любовь и мистическое исчезновение младенца.

Когда по кровавому полотну заставки посыпалась карточка субтитров, Родион уловил слабую вибрацию. Протянув руку к журнальному столику, он развернул к себе телефон.

Сквозь оглушительные децибелы саундтрека пытался прорваться неизвестный абонент: высветившийся номер был Родиону незнаком.

Уменьшив громкость, он нехотя ответил.

– Алло! Слушаю вас...

– Господин Лаврофф? – Голос на том конце провода принадлежал молодому мужчине и звучал официально. – С вами говорит комиссар Давид Симон, помощник начальника жандармерии города.

– Чем обязан? – Родион мгновенно выключил телевизор. Интонации комиссара ему не понравились.

– Вы знакомы с мадемуазель...э-э-э... Оливией Илиади? Она назвала вас в качестве контактного лица.

Родион резко поднялся.

– Вам известно, где она была сегодня вечером? – пользуясь его замешательством, атаковал комиссар.

– Может, объясните, почему вы мне звоните? Что-то случилось? – Родион с трудом сдерживал раздражение – типичный приемчик жандармов: взять собеседника на испуг и начать сразу вытягивать из него информацию.

– Мадемуазель находится сейчас в комиссариате Довиля. Мы заканчиваем проверку личности, после чего будем вынуждены поместить ее под стражу на срок от двадцати четырех часов, – отчеканил он сухо.

– Что за бред, под какую стражу? В связи с чем?!

– В связи с возможной причастностью к смерти человека. Мадемуазель Илиади имеет право на адвоката. Мы можем назначить своего или послать уведомление адвокату по вашему выбору. У него, правда, будет всего несколько часов, чтобы добраться до Довиля до начала снятия показаний. Вы можете мне дать его координаты?

Родиону стало душно – горловина тонкой водолазки сдавливала шею, перед глазамиплыли какие-то бесформенные пятна. Нервно потирая лоб, он пытался вспомнить защитный код из четырех цифр – без него файл с деловыми контактами, хранившийся в планшете, был недоступен.

Наконец, он отыскал адрес и телефон Андре Вилара – адвоката, который не раз помогал ему разрешать судебные конфликты. Ведь почти в каждом расследуемом Родионом деле находился фигурант, желавший опровергнуть обнародованный компромат и подать на журналиста в суд... Усилиями Вилара все обвинения в отношении него неизменно отклонялись.

Распрощавшись с комиссаром, Родион рухнул на диван и устался на искривленный ствол салонной пальмы: ее тонкие листья были покрыты пылью, выглядела она уныло.

«Какая чушь... какой абсурд! – думал он, с усилием потирая лицо. – Главное, чтобы Вилар срочно приехал. Иначе они пригласят

государственного адвоката, и тогда я ничего не буду знать о том, что там творится. А значит, никак не смогу повлиять на ход дела...»

Но Вилар не подвел. Через минуту он был уже на связи и обстоятельно объяснял нюансы процедур задержания и предварительного допроса.

– У меня есть кое-какие текущие дела, но я, пожалуй, смогу их доверить своим стажерам, – сообщил он, громыхая дверью сейфа. – Выезжаю завтра в девять. Ни во что не вмешивайтесь и держите рот на замке: молчание сейчас – лучшая стратегия!

Под конец смягчив тон, он добавил:

– Не волнуйтесь вы так, Лаврофф! Это наверняка какое-то недоразумение: ну кого могла прихлопнуть ваша курсистка? Разве что комара, и то случайно.

Поговорив с адвокатом, Родион немного успокоился: действительно, ну какое, к чертям, убийство!

Очнулся он от гудения пылесоса в соседней квартире – на часах было восемь тридцать. Из-за неудобной позы, в которой он провел эту ночь – не раздеваясь, на диване с разъезжающимися в стороны подушками, – болели шея и плечо. Водолазка растянулась, на джинсы налип ворс от пледа. Вдобавок мучительно хотелось курить.

Крякнув, он поднялся и поплелся в душ. Кран издал утробное урчание и выплюнул струю мутноватой горячей воды. Родион сунул под нее голову и зажмурился – как жаль, что все это ему не приснилось! Он протянул руку к навесной полке, на которой стоял флакон с шампунем – его привезла с собой Оливия. Открыл колпачок, втянул носом воздух: мед и облепиха.

Так пахла подушка, в которую он утыкался лицом по утрам, пока она принимала ванну или штудировала свои конспекты на кухне. Так пах его блаженный мир, который еще несколько часов назад был абсолютно незыблем.

Уняв трепыхание в горле, он натянул джинсы, футболку, накинул пиджак и отправился в город. Террасы кафе были пусты. Хмурые официанты протирали столы несвежими тряпками, вытряхивали пепельницы, громыхали пластиковыми стульями. Вдоль бордюра бродили пегие голуби, с ловкостью уличных воришек подбиравшие крошки, которыми был усыпан тротуар.

На глаза попался киоск прессы. Изучив выкладку газет и журналов, Родион купил свежий «Мондьяль» и, наспех докурив сигарету, уселся завтракать в ближайшей кондитерской.

Через минуту загорелая женская рука водрузила перед ним поднос с круассаном, апельсиновым соком и кофе. Подоткнув под вазон с цветком кассовый чек, хозяйка задала какой-то вопрос, но Родион его не расслышал.

Центральная колонка газеты была отведена новости под заголовком: «Смерть в Довиле».

«Вчера в своем нормандском доме была найдена мертвой известная актриса Зоя Вишневская. Прибывшая на место полиция пока устанавливает причину смерти, но есть основания считать, что она была насильственной. Молодая журналистка, случайно оказавшаяся в доме звезды и обнаружившая ее тело, сообщила о произошедшем в жандармерию, после чего была задержана для дачи показаний».

Потрясенный Родион перечитал текст дважды, но имени Оливии, к счастью, в нем не обнаружил. Однако интуиция подсказывала – речь о ней... То, что эта абсурдная ситуация скоро разрешится, он не сомневался – всемогущий Вилар уже мчался из Парижа на всех скоростях.

Но для профессиональной репутации Оливии упоминание в прессе было бы губительным: если главред «Эритаж» пронюхает, что во время рабочей поездки она выполняла чужую работу, да еще и попала в криминальный переплет, то о постоянном контракте можно будет сразу забыть! И в университете после этого хороших рекомендаций ей не дадут...

Родион нахмурился, свернул газету и, сунув ее под мышку, вышел на улицу. Нырнув в сквозной пассаж отеля «Нормандия», он оказался на прибрежном променаде, уводящем в безотрадную даль – к туманно-дымчатым холмам, над которыми в сизом мареве повисло блеклое солнце. А ведь всего пару суток назад они прогуливались здесь с Оливией, не подозревая, чем закончится этот фестивальный вояж.

Он замедлил шаг возле «Солнечного бара», где пировала в тот идиллический день компания беззаботных буржуа, окружавших Вишневскую. Радужный смех Зои, пузырьки шампанского в прозрачном бокале, трепетание шелкового шарфа на ветру – все это никак не вязалось с понятием «смерть».

Зазвонил телефон. Родион побрел по пляжу к воде, прижимая трубку к уху.

– Лаврофф, это Вилар...

– Андре, наконец-то! Вы уже в Довиле?

– Больше часа. Я решил выехать пораньше, чтобы избежать пробок. Да и вас пожалел – волнуетесь, конечно.

– Так что там? Как она?!

– Взяли показания. Я проинструктировал мадемуазель заранее, попросил не выкладывать лишних подробностей.

– Ее отпустят? Ведь...

– А вы сейчас где? – оборвал его Вилар. – Я не могу рассказать вам всего по телефону.

– На пляже, но за десять минут могу добраться до квартиры.

– Не надо. Подождите меня на парковке – у входа в Олимпийский бассейн. Поговорим в машине, – проинструктировал его адвокат и повесил трубку.

Едва Родион приблизился к бетонному зданию бассейна, из-за шлагбаума показался представительный автомобиль. Остановившись чуть в стороне, он помигал фарами. Дождавшись, когда Родион сядет и захлопнет дверцу, Вилар приглушил радио и произнес:

– Очень странная история, Лаврофф. Не скрою, в ней много непонятного.

– Не томите, рассказывайте по порядку.

– Со слов Оливии, вчера утром она встречалась с Вишневской, чтобы забрать материалы для фильма о ее знаменитом отце.

Родион кивнул:

– Да, фотографии.

– В обед она спохватилась, что забыла у Зои телефон. Но у актрисы были планы на вторую половину дня, и Оливия решила навестить к ней вечером. Около восьми тридцати она добралась до ее дома. Калитка оказалась открыта, входная дверь тоже. Оливия позвонила для приличия, подождала и вошла. В прихожей никого не было. Она окликнула хозяйку несколько раз, но ответа не последовало.

– Вот уже тогда нужно было обратиться в полицию, – проворчал Родион.

– Согласен. Однако мадемуазель этого не сделала. Вместо этого она направилась в гостиную, чтобы забрать свой телефон с журнального столика, на котором предположительно оставила его утром. В комнате наблюдался беспорядок: бокал на полу, одинокая хозяйская туфля в дверном проеме. На столе – еще один бокал, коробка шоколадных конфет, блюдо с виноградом, ведро с бутылкой шампанского. В общем, все атрибуты романтического вечера... Оливия подумала, что пришла не вовремя. Ну вы понимаете, о чем я – мадам известна своей любовью к праздникам и молодым мужчинам. Уже покидая дом, сквозь приоткрытую дверь кухни Оливия вдруг увидела неподвижное тело Зои, распластанное на полу. Актриса была мертва.

Родион побледнел.

– Отчего она... скончалась?

– Сейчас с этим разбирается группа медицинских экспертов. Предположительная причина – механическая асфиксия.

– Дикость какая! Но в таком случае, как только будут готовы результаты вскрытия, Оливию отпустят – очевидно же, что она не могла задушить Вишневу!

Глаза Вилара скользнули куда-то в сторону.

– К сожалению, все не так просто, Лаврофф. Зою никто не душил – судя по всему, она умерла от попадания инородного тела в дыхательный проход.

Родион удивленно приподнял брови.

– Подавилась крупной виноградиной и задохнулась.

– Какая нелепая смерть. Не младенец же она, в самом деле, чтобы едой давиться... И потом, где тут состав преступления?

– Дело в том, что в крови Вишневской выявлена изрядная доза алкоголя. С нетрезвыми людьми подобное случается часто: в момент оживленной беседы, приступа смеха или внезапного испуга просвет гортани может закрыть что угодно – от жвачки до сливовой косточки. Но суть не в этом. У Зои обнаружена черепно-мозговая травма.

– Она могла удариться обо что-то во время падения...

– Это правда. Сейчас они как раз пытаются понять, первичен ли этот ушиб и каким образом он был получен.

Родион покосился на адвоката – его не покидало чувство, что тот что-то недоговаривает.

– И когда же мы получим окончательный вердикт?

– Нужно подождать еще сутки.

– А потом Оливию отпустят?

– Зависит от результатов. Понимаете, криминалисты тщательно исследовали дом и среди прочих обнаружили ее отпечатки...

– Ну и что?! – воскликнул Родион, понимая, что его мир на глазах обращается в руины. – Их наличие вовсе не означает, что она – убийца!

– Конечно, нет. Ее «пальчики» присутствуют на предметах и поверхностях первого этажа, а ДНК – на недопитой чашке кофе. Конечно, этому есть объяснение – Оливия брала у актрисы интервью и провела в доме не один час...

Адвокат порылся в кармане, достал лакричный леденец и сунул его в рот.

– Однако вот что странно, – продолжил он, перекатывая конфету во рту, – на втором этаже, в личном кабинете Зои, где могли храниться ценности, тоже обнаружены отпечатки пальцев Оливии. Ваша подруга утверждает, что поднималась туда по просьбе хозяйки, однако звучит это подозрительно. Как и то, что именно она обнаружила тело и вызвала жандармов – практически сразу после того, как актриса скончалась.

– А точное время смерти Вишневецкой установили?

– Ну, не точное – приблизительное. При всех возможностях криминалистики его до сих пор определяют с некоторой погрешностью.

Родион молча уставился в потолок.

– Послушайте, но не могут же арестовать человека на столь расплывчатых основаниях, – пробормотал он растерянно.

– Не сгущайте краски, Лаврофф, об аресте пока речи не идет. Однако непроясненных моментов много. Сегодня вечером – по истечении двадцати четырех часов – ее либо освободят, либо продлят срок задержания еще на сутки. Не паникуйте раньше времени: для такого радикального решения должны появиться очень веские причины...

VIII

Ожидание

Труднее всего оказалось ждать. Готовить еду, отвечать на звонки, ходить за сигаретами в ближайшее бистро, где тянут за стойкой вино беззаботные люди. Раскланиваться со знакомыми, беспечно отвечая: «Дела – отлично!»

Быть одному...

А ведь совсем еще недавно он стремился к уединению. Одиночество его не было вынужденным – он насаждал его добровольно, пытаясь хотя бы на время отгородиться от человеческой лживости и цинизма. В журналистской профессии этого было в избытке – чего только за два десятка лет не довелось повидать: святых отцов, годами растлевавших доверчивых мальчишек; алчных глав корпораций, производивших лекарства из зараженного вирусом сырья; изворотливых чиновников, маскировавших публичные дома под массажные салоны и насаждавших их по всему Парижу.

В личной сфере потрясений хотелось избежать, а потому с женщинами Родион по-настоящему не сближался. Время от времени случались проходные романы, но ни один из них не принес ему чувства доверительной близости. Оно расцвело запоздало – с появлением Оливии.

Его внутренняя жизнь в тот момент отличалась линейностью: сердце билось ровно, без особых амплитуд. В тот момент, когда ему казалось, что душевный ресурс исчерпан и наступил долгожданный покой, ударила молния. Ошалев от этого внезапного импульса, он ожил, очнулся... Впустил Оливию в свой мир, открывшись ей целиком.

Теперь, всего за сутки ее отсутствия, внутри него образовалась огромная брешь, которую нечем было заполнить. Он кому-то звонил, строчил электронные письма, просматривал новости, крутил в голове пустые мысли, то и дело косясь на телефон, – будто в этом маленьком электронном устройстве сосредоточилась вся его жизнь.

Под вечер, совсем обессилев, он занял себя тем, что начал складывать из спичек дом – ладный, устойчивый, стабильный... И тут

раздался звонок.

– Приветствую вас, Лаврофф, – произнес адвокат. – К сожалению, новости не очень...

Родиону показалось, что он камнем уходит под воду.

– Днем произвели повторный осмотр виллы – выявляли скрытые следы. Их оказалось немало. Теперь предстоит выяснять, кому они могут принадлежать.

– Вишневская охотно принимала у себя людей, у нее был широкий круг общения. Это же не повод держать под замком невинного человека!

– Понимаете, на некоторых поверхностях – например, на неотшлифованном мраморе, каким облицована кухня, очень плохая контрастность папиллярного рисунка. Чтобы добиться внятных результатов, приходится распылять специальные химические вещества. Полиция сделала это сегодня утром. Но реакция у препаратов медленная, поэтому криминалистам придется вернуться на место гибели Вишневской еще и завтра.

– Ну а под подписку Оливию пока не могут отпустить? – напирал Родион.

– Не могут... Кстати, – адвокат сменил тему, – пришли результаты вскрытия. Зоя действительно умерла в результате механической асфиксии. Черепно-мозговая травма получена в минуты агонии – она упала, теряя сознание. Рассечен висок, однако удар пришелся по касательной, так что этот фактор вторичен.

– Ну и в чем же тогда дело?! Случайная смерть...

– В том, что на кухонной столешнице обнаружили отпечатки пальцев со следами крови. Они принадлежат Оливии, – огорошил Вилар. – Совершенно непонятно, откуда они взялись. И в том, что пока не удалось выяснить, пропали ли какие-либо предметы из дома актрисы. Если окажется, что из кабинета похищены документы или иные ценности, это может нам сильно навредить. Посудите сами: сначала мадемуазель зачем-то соглашается выполнять чужую работу и под этим предлогом отправляется в дом к постороннему человеку. Затем разгуливает по всем комнатам, включая те места, где ее присутствие с точки зрения следствия «нелегитимно». Наконец, является к Зое без приглашения на ночь глядя, придумав себе

сомнительное оправдание. Двери сами открываются, и она находит мертвое тело хозяйки. Как в дамских детективах, ей-богу!

– Вилар, ну вы же профи, – возмутился Родион. – Из того, что вы перечислили, отпечатки с кровью – единственная потенциальная улика. Да и то неизвестно пока, чья это кровь.

– Однако в них сейчас все и упирается. Оливия отвечает на вопросы очень сумбурно... Словом, следственный судья [\[13\]](#) распорядился провести реконструкционную экспертизу – она должна внести ясность. – Адвокат замолчал, посчитав, что дал уже достаточно объяснений. – Лаврофф, мы давно с вами знакомы... поверьте мне, нужно набраться терпения. От нас сейчас мало что зависит. Сначала должна сложиться общая картина: полиция опросит свидетелей, пробьет по базе найденные в доме отпечатки, сделает лабораторный анализ. Завтра примут решение: либо Оливию отпустят, либо... Первый вариант, конечно, предпочтительней.

Поблагодарив адвоката, Родион швырнул в сердцах телефон на журнальный столик. Стеклопанная столешница мелко завибрировала, и ладный спичечный домик рассыпался на части, как рассыпается при проверке хлипкое алиби.

Всю ночь он шатался по дому в пижамных штанах, оставляя следы на пыльном паркете. Сидел на кухне, вглядываясь в равнодушное мерцание фонаря. Перечитывал собственный доклад для расследовательской конференции. Яростно курил. Устав, лег на диван – кровать его страшила своей пустотой и прибранностью... А главное, отсутствием родного запаха.

Надел наушники, включив тихую музыку, но глаз сомкнуть не смог – догадки теснились в голове, как парижане с утра на входе в подземку. Огненным шаром металась по лабиринтам памяти какая-то мысль, но он никак не мог ее уловить – едва приблизившись, она устремлялась в новое русло и вновь ускользала.

Наконец пришел долгожданный сон. Он навалился разом, словно на лицо опустили подушку.

Забутье было вязким, как болотная топь.

Он ворочался и метался, пока не ухватился за отголосок чьей-то фразы и не вынырнул на поверхность. В белом свете больничной

палаты стояла она. Под глазами темные тени, волосы скручены в небрежный пучок.

Присела на край стула. Достала из сумки гранат, положила его на прикроватный столик. И вдруг нагнулась к его лицу, зашептав горячо и путано.

Его сознание норовило улизнуть, но он цеплялся за звук ее голоса, за сноп лучей в просвете между неплотно задернутых штор, за облепихово-медовый аромат, который плыл по казенной комнате...

А потом просвет затянулся, и снова сгустился мрак.

Родион болезненно вскрикнул и проснулся. Все это было наяву, почти три года назад. Он тогда занимался запутанным «делом Апостола», проживая свою налаженную жизнь, в которой, казалось, нет места потрясениям.

Когда до разгадки оставался лишь шаг, на него напали в ночном метро: похитили важные документы, дав понять, что делу хода не дадут. На несколько кошмарных недель он оказался прикован к больничной койке. И в этот беспробудный час, как чудо, как спасение, появилась она.

Сейчас невозможно было бы представить, что он опять останется один. Да что это он, как сейчас можно думать о себе! Когда ее, испуганную, беззащитную, подняло на гребень исполинской волны и вот-вот расшибет о берег...

Тревога росла, набухала с каждой минутой. Родион достал из шкафчика бокал и плеснул себе вина, забрызгав полотняную скатерть. Выпив его залпом, оделся и вышел на улицу. До самого рассвета он бродил по закоулкам тихого городка, которому, казалось, были чужды любые волнения.

Под напорами ветра на коньках черепичных крыш вертелись флюгеры, по асфальту с шелестом перекатывались листья каштанов, а вдоль оград в тумане дрейфовали фонарные огни.

Родион пересек прибрежный бульвар и, не снимая ботинок, ступил на волглый песок. Постояв у воды, заметил лежак, одиноко стоявший неподалеку. Устроившись на нем, как бродяга на ночлег, он поднял воротник и прикрыл глаза: лишь бы закончилась эта проклятая ночь. А дальше будет видно.

IX

Исход

– Ну что, Лаврофф. – На приветствия Вилар уже не разменивался. Шагнув через порог ненавистной Родиону квартиры, в которой тот провел самые мучительные часы своей жизни, адвокат сразу направился на кухню. Родион молча проследовал за ним и включил кофейную машину.

– Как и ожидалось, кровь на отпечатках Оливии, найденных на кухонной столешнице, принадлежит Вишневецкой.

Родиону показалось, что из его тела разом изъяли кости, осталась только обмякшая плоть.

– Но не будем отчаиваться, – заметив состояние клиента, адвокат сам достал из кухонного шкафчика чашки и нажал на кнопку «Старт». Кофейный аппарат вздрогнул и выдал ароматную струю.

– Вам с сахаром? – поинтересовался он и, так и не дождавшись ответа, отмерил ложку белых кристаллов и высыпал их в напиток. Вручив Родиону чашку, продолжил: – В общем, вся надежда на реконструкционную экспертизу.

– В чем ее суть?

– Понимаете, – Вилар принялся расхаживать по кухне, громко прихлебывая, – само по себе наличие кровавых отпечатков ни о чем не говорит. Оливия утверждает, что, увидев распростертое на полу тело Зои, она бросилась проверять у нее пульс. Теоретически она вполне могла замарать руку кровью, приложив пальцы к сонной артерии...

Тут он прервался, поставил кружку на подоконник и вытащил из кармана дребезжащий телефон. После короткого разговора с неизвестным, напоминавшего обмен кодированными сообщениями, в которых предлоги, союзы и междометия были единственными понятными Родиону словами, адвокат вдруг, будто бы невзначай, спросил:

– А какое вино вы предпочитаете?

Родион пожал плечами.

– Если честно, в настоящий момент – любое...

– Ну тогда доставайте бутылку и бокалы. У нас появился повод!

Улыбаясь, он наблюдал за сменой выражений на лице клиента: недоумение, растерянность, надежда.

– Реконструкция показала, что в момент падения Вишневская ударилась об угол столешницы и рассекла висок. Отсюда и пятна крови. А Оливия случайно к ним прикоснулась и оставила потом отпечатки... В общем, сегодня ее отпустят.

Родион прижался спиной к холодной стене и глубоко вздохнул.

– Спасибо, Вилар. Что бы я без вас делал...

– Расслабляться пока рано, дружище, – покачал головой адвокат. – Следствие будет идти своим чередом, Оливию еще не раз вызовут на допрос. Но вы можете спокойно возвращаться в Париж, а это уже кое-что, верно?

Она вышла из здания жандармерии под вечер. Горизонт напряженно вибрировал – небо содрогалось в предвкушении наползающей грозы.

Когда в дверном проеме появилась ее фигурка, Родион кинулся было навстречу... и остановился, испугавшись, что избыточное его волнение, неуместная шумная радость могут довести Оливию до слез.

Она шагала к нему не спеша, поддерживая сползающую с плеча сумку и сдувая с лица спутанную прядь. А он стоял и думал, что вот именно так, размеренно и неторопливо, она проникла в его мир несколько лет назад. И тогда у него внутри вдруг что-то щелкнуло и завертелось...

– Вот, – будничным тоном произнесла Оливия, посмотрев в сторону. – Отпустили.

Родион жестом подозвал стоящее неподалеку такси.

Всю дорогу они молчали, не размыкая сплетенных пальцев, будто боялись, что их подслушают и опять разлучат. Рассчитавшись с водителем и выйдя из машины, они столкнулись на входе в дом с двумя рабочими. Те несли ведра с краской и малярными кистями, о чем-то переговариваясь и сплевывая сквозь зубы на асфальт. При виде бессловесной пары, шагающей рука об руку с потерянными лицами, они невольно посторонились.

В квартире было сумрачно и тихо. За распахнутым окном в предгрозовых схватках изнемогали набрякшие тучи. В дрожащем

кронами палисаднике неистово билась о ствол подвесная кормушка. Опустив сумку на пол, Оливия бросилась вызволять кремовую штору, которую затянуло в оконный просвет – она трепыхалась на ветру, как пораженческий флаг на башне бастиона. В ту секунду, когда сомкнулись створки рамы, в небе раскатисто грохнуло, и тугие потоки воды ударили по стеклу.

От неожиданности Оливия отшатнулась, почувствовав спиной близость родного тела. Родион зарылся лицом в копну ее растрепанных волос и, крепко обхватив руками, прижал к себе.

Внутренний стержень, державший ее все это время, не позволявший ей рассыпаться во время изматывающих дознаний, мучительных бесед с адвокатом, одиноких и страшных часов, проведенных в следственном изоляторе, внезапно ослабел, размяк, как воск запаленной свечи. Оливия повернулась к Родиону и, всхлипнув, закрыла лицо ладонями. Потом все как-то поплыло и завертелось, комната качнулась, завалился потолок. Скрежетнул по паркету сдвинутый журнальный столик, охнула диванная пружина.

Они лежали, намертво сцепившись, будто стихия может в любую минуту растащить их, раскидать в разные стороны. Он что-то говорил тихо, едва различимо, но его слова перекрывал шум дождя. Когда после очередного раската грома она повернула к нему лицо, он впился в него губами.

В утренних сумерках – уже в спальне, в разметанной постели – они обсуждали все, что случилось за эти дни. Оливия рассказывала сбивчиво, немного побаиваясь его осуждения, но Родион молчал, сосредоточенно глядя перед собой. Наконец он подытожил:

– Вилар утверждает, что если из дома Зои ничего не исчезло, то криминальной составляющей нет. Немолодая женщина всего лишь злоупотребила шампанским и подавилась крупной виноградной. Конечно, они должны понять, с кем звезда провела тот вечер и был ли свидетель ее печального конца...

– Вот! – вдруг оживилась Оливия, приподнимаясь на локте и позволяя бесстыжей луне, повисшей на очистившемся небе, любоваться ее наготой. – Пока никто не знает, с кем Зоя была в тот момент. Опросили весь ближний круг, включая Марка Портмана, с которым она обедала в окружении театральных критиков и

режиссеров. Потом Вишневская участвовала в вернисаже русских художников, организованном фондом Портмана. Тот утверждает, что актриса была в приподнятом настроении – она сияла, наслаждаясь всеобщим вниманием, но под конец немного перебрала. Портман, от скандала подальше, отвез Зою домой. Проводив ее в спальню, взял с нее клятвенное обещание, что та сразу ляжет спать. Уходя, дверь за собой он плотно закрыл. Ну, по крайней мере, так ему показалось.

– Интересно, а у Портмана есть алиби?

– Еще какое, – усмехнулась Оливия, откидываясь на подушку. – Если Зоя удовлетворяла душевные запросы мецената, то для утех телесных у него нашелся другой объект.

– Интересно...

– Припоминаешь черногривого Эклипса, обрушившего все ставки на скачках?

– А как же! – нахмурился Родион, который до сих пор был огорчен неудачным исходом состязания и собственным проигрышем.

– Его наездницу зовут Клод Монтень. Именно с ней Портман провел тот вечер и всю последующую ночь – этот факт подтвердил и портье, и охрана отеля, в котором остановилась его пассия. Зоя скончалась через час после того, как Портман вошел в номер Клод.

– Об этом тебе рассказал Вилар?

Оливия кивнула.

– Что ж, Вишневская на четверть века старше этого деятеля. У меня было подозрение, что его интерес к Зое объяснялся вовсе не душевной привязанностью...

– Не темни! – Оливия больно ткнула его пальцем между ребер.

– Ты как-то спрашивала меня, что я знаю о Портмане...

– Да, вот только ты отказался рассказывать – мол, все это сплетни!

– Конечно сплетни. Но пару очень громких дел мне удалось раскрыть только потому, что я не стал игнорировать слухи. Проверив их, вышел на серьезную гипотезу.

Оливия улыбнулась в темноту – неисправим! В любую секунду готов переключиться на работу...

– Наш друг Портман, – продолжил Родион, сладко потягиваясь, – обладает настолько колоритной и запоминающейся внешностью, что мне сразу показалось, что я его уже где-то встречал. Ввел его имя в поисковик и обнаружил фотографии со дня рождения одной богатой

вдовы, который отмечался в замке Шантийи несколько лет назад. Я тогда оказался в числе приглашенных...

– Какой размах! – восхитилась Оливия, вспомнив, как они прогуливались июльским деньком по роскошному парку, разбитому рядом с замком Шантийи.

– Да, представь себе – прямо напротив замка, рядом с лебединым прудом, установили исполинский шатер. А в нем все чин чинком: свечи, канделябры, люстры, крахмальные скатерти. Так вот Портман сидел тогда рядом с виновницей торжества, буквально обволакивая ее вниманием. Кружился с ней в вальсе, провожал за стол под локоток, бурно восхищался, сверкая влажными глазами. Я смотрел и удивлялся: к чему такой дивертисмент? Ведь выглядит абсурдно! Даме исполнялось пятьдесят, и этот сатир с его страстными ухаживаниями смотрелся просто нелепо...

– И что же дальше?

– А дальше в одном из изданий промелькнула информация о том, что мадам передала в дар частному парижскому музею часть коллекции своего покойного мужа. Выступая на открытии экспозиции, она произнесла высокопарную речь, которая сводилась примерно к следующему: «Перефразируя высказывание великого Леона Толстого, искусство должно быть доступно каждому, а не служить забавой для праздного класса людей. Как жаль, что к этому пониманию я пришла так поздно... И все благодаря моему единомышленнику – главе культурного фонда Марку Портману!»

– То есть ты хочешь сказать, что он – профессиональный альфонс?

– Нет, это было бы слишком очевидно. Вишневская была умной женщиной и если и окружала себя юнцами, то вполне осмысленно. Она понимала, что может представлять для них интерес лишь одного свойства, поэтому не попадала ни в какую эмоциональную зависимость. А просто развлекала себя, меняя их, как наряды... Денег на это хобби у нее было предостаточно. К тому же Портман далеко не юн и вряд ли мог увлечь Зою. Думаю, скорее всего, он просто спекулировал на страстной увлеченности искусством и, в частности, творчеством ее отца – единственного мужчины, которого Зоя по-настоящему любит. Черт, – осекся Родион, – говорю о ней, как будто она жива...

Оливия тягостно вздохнула:

– Ты знаешь, у меня до сих пор не укладывается в голове: как все это могло случиться?! За те часы, что мы провели вместе, я целиком попала под ее обаяние. Зоя была умной, рафинированной женщиной и прекрасной собеседницей. Об отце она говорила так искренне, так страстно, как ни об одном другом мужчине – тут ты прав. Сейчас кое-что тебе покажу...

Она выпрыгнула из постели и побежала, едва касаясь пола, в прихожую. Оттуда притащила свою сумку и, усевшись по-турецки на кровати, выудила из нее планшет. Открыв библиотеку видеофайлов, ткнула на один из них.

– Это эпизоды Зоиного интервью. Перекачала их себе с разрешения Аврелия – поклялась ему, что исключительно «для личного пользования», – пояснила она, дожидаясь, когда появится картинка.

– Жандармы забирали у тебя планшет?

– Нет, меня ведь не арестовали, а задержали для дачи показаний. Так что не имеют права. Но они предупредили, что при необходимости могут потребовать отснятый материал. Ох, Габи это не понравится...

– Ну, не ей возмущаться – втянула тебя в такую историю! – мгновенно обозлился Родион, который и без того не сильно жаловал эксцентричную и ветреную Габи.

Тут экран коротко вспыхнул, и пошел видеоряд.

«Отец любил приключения, – Вишневская повернула голову и с нежностью взглянула на фотографию в рамке. – После смерти мамы мы много путешествовали – он старался отвлечь меня от тягостных мыслей, показать мне мир. Мы объехали всю Европу, дважды побывали в Америке, но меня тянуло домой... не в Париж, а сюда, в Кальвадос. Он видел, что я все глубже погружаюсь в себя, в свои переживания, и однажды решил устроить мне сюрприз. Солнечным октябрьским днем он попросил горничную завязать мне глаза платком и вывести за ограду дома.

Я очень хорошо помню свои ощущения – все рецепторы в тот момент обострились до предела: в саду одуряюще пахло спелыми яблоками, прелой землей и хризантемами. За шершавой калиткой, которую я отомкнула на ощупь, шумели машины, где-то в отдалении

разрознено лаяли псы. Наконец послышался шорох покрышек и хлопнула дверца легкового авто. Сначала зазвучали знакомые ноты ветивера^[14], а затем горячая отеческая ладонь обхватила мой локоть: он помог мне забраться в салон, и мы поехали...

В машине играла приглушенная музыка, и я, поняв, что затевается что-то грандиозное, не стала приставать к нему с вопросами. Мы, вообще, любили помолчать: знаете, только очень близкие и абсолютно преданные друг другу люди могут наслаждаться тишиной, не чувствуя себя неловко. Через некоторое время машина притормозила, отец открыл окно и обменялся приветствиями с неизвестным мужчиной.

Вскоре мою голову стиснул неудобный шлем, и, следуя инструкциям, я поднялась на какую-то платформу. Отец чмокнул меня в висок, обхватил за талию руками и, оторвав от площадки, усадил в тесное кресло. Щелкнули застежки ремней, затарахтел мотор. Тугие потоки воздуха ударили в лицо; подо мной что-то задрожало, затряслось. Сквозь дробный перестук колес и яростный свист ветра вдруг донесся голос папы: «Девочка моя, сними повязку!!!»

Я стянула платок вниз и на мгновение зажмурилась, ослепленная солнечным светом.

И тут же ощутила, что мы уже не на земле. Под крылом двухместного биплана полыхал многоцветный океан: охристо-рыжие сады Кальвадоса, окруженные вспененными, все еще зелеными холмами... А за ними, отделенный песчаной каймой, ворочался свинцовый Ла-Манш.

Щурясь, я нащупала рукой авиационные очки, которые были прикреплены к шлему плотной резинкой. Натянув их, посмотрела на отца. Тот сидел впереди, за прозрачной перегородкой, и по застывшей позе я поняла, в каком он напряжении. Еще до войны папа посещал аэроклуб и даже сдал квалификационный экзамен, совершив сотню учебных полетов. Но мое присутствие на борту этого ненадежного аппарата вызывало у него беспокойство.

Вдруг отец выпростал руку и указал куда-то вниз. Мы пролетали над нашим домом, который с высоты напоминал пряничный теремок: точно такой мама пекла для меня под Рождество. Но вместо эйфории, – Зоя опустила заблестевшие глаза, – меня охватило чувство горькой безысходности. Словно только там, в небе, в полном отрыве от реальности, я осознала всю непоправимость случившегося...»

Оливия прервала просмотр, нажав на паузу, и перевела глаза на Родиона. Он не нарушал тишины – ждал, что она скажет.

– Понимаешь, все эти дни меня не покидало ощущение, что между Зоей и матерью что-то произошло. Какое-то роковое событие, которое Вишневская тщательно скрывала от посторонних. Ее иступленная любовь к отцу, ее постоянное кружение вокруг темы их обоюдной привязанности – есть в этом что-то болезненное.

– Ну, теперь-то мы уже точно не узнаем, что там стряслось, – заметил он. – Да и какое это имеет отношение к Зоиной смерти?

Оливия отложила планшет и вытянулась рядом, обвинив его рукой.

– Пока не знаю... Тут много странных обстоятельств, которые я не могу между собой связать. Например, позавчера Зоя рассказала мне про акварель под названием «Весна», которую Андрей Вишневский написал в конце войны. Этот рисунок исчез в сорок четвертом при непроясненных обстоятельствах. Зоя тщетно его искала, но он будто канул в Лету. А несколько недель назад она получила анонимную бандероль. Угадай, что в ней находилось? Та самая «Весна»!

– Любопытно... – протянул Родион. – И что же, оказался оригинал?

– Да! Зоя сразу отдала ее Портману на экспертизу – это ведь Марк обнаружил таинственную посылку на пороге ее дома.

Скептически хмыкнув, Родион откинул одеяло, встал и подошел к окну. Отыскав на подоконнике сигареты, он приоткрыл створку и жадно затянулся.

– Сплошные загадки! Картина Зоиной смерти, конечно, смутная: преступного умысла вроде как нет, но налицо множество нестыковок. Двери нараспашку, ковер, залитый шампанским, разбросанные по полу вещи, треснувший телефон... И теперь еще эта акварель. Ладно, я уверен, что скоро все прояснится. Давай-ка лучше собираться, Иви. Так хочется уехать отсюда и поскорее вернуться в Париж!

Х

Монмартр

Билеты в «Театр Марины» – вот что заставило его заглянуть в электронную почту в ту субботу вечером. Родион приобрел их заранее и накануне спектакля решил наконец скачать в телефон.

В списке непрочитанных писем оказалось сообщение от агента по продаже недвижимости, которое ждало своей очереди уже несколько часов.

Не рассчитывая на удачу, Родион развернул его и ахнул. Уже не первый год он мечтал съехать из своего хотя и буржуазного, но шумного района в какое-нибудь тихое место. Пригороды они не рассматривали, ограничив поиск четырьмя парижскими «деревеньками» – крохотными кварталами, состоящими из частных особнячков, увитых плющом и диким виноградом. Самым привлекательным местом был, конечно, Монмартр, но отыскать там подходящий по цене и размеру вариант было практически невозможно...

Послание агента завершилось призывом не откладывать просмотр, а в качестве красноречивых аргументов к нему были приложены описание и несколько фотографий, от которых у Родиона перехватило дух.

На следующий день в девять утра он поднимался по серпантину монмартрского холма, уже предчувствуя, что этот визит окончится сделкой. Пройдя по пустынному проспекту Жюно, Родион миновал ступеньки, на которых жались друг к другу в клубах сигаретного дыма двое влюбленных, и, чуть не столкнувшись с почтовым велосипедом, свернул в небольшой пассаж. Справа за чугунной решеткой теснились домики в англо-нормандском стиле, а слева стояли разрозненные особнячки из крашеного кирпича, придававшие этому месту атмосферу Ноттинг-Хилла. В самом конце переулка в тени массивного тополя скрывалась от любопытных глаз невзрачная калитка.

Номер пятнадцать оказался пристройкой к заурядной трехэтажке. Ко входу вели ступеньки с ажурными перильцами. Снизу красовалась аккуратно сложенная поленница. Нажать на звонок Родион не успел:

дверь в изумрудной опушке плюща распахнулась. На пороге стоял Грегори – предприимчивый агент по продаже недвижимости, с которым Родион познакомился несколько лет назад на отдыхе в Биаррице.

Грегори посторонился, пропуская Родиона внутрь. Он начал было что-то объяснять, раскладывая перед клиентом план помещения, но в этом не было нужды. Это был «coup de сœur» – безошибочное попадание в десятку. Грамотно обустроенная прихожая вела в гостиную, залитую солнечным светом. Родион задрал голову: сквозь стеклянный купол проливалось щедрое синее небо.

Деревянная лестница, выкрашенная в облачно-серый цвет, бежала в спальню. К той примыкали еще одна комната с окном, кабинет и ванная.

Из кухни, соединенной с гостиной, сквозь окно просматривалась терраса с кофейным столиком и кадучками с декоративными растениями, из которых на балкон выплескивалась пышная зелень. В дальнем углу домашней оранжереи красовались лимонное дерево, пальма и самшит – немислимая роскошь по парижским меркам!

Оформив сделку и выставив на продажу старую квартиру, Родион и Оливия переехали на Монмартр. Пристройку они обжили в считанные дни: все в этом двухэтажном лофте было скроено с умом и со вкусом. В невидимых шкафах, утопленных в стены, мгновенно исчезла вся одежда. А полки на кирпичной стене гостиной заполнились книгами, фотографиями, статуэтками и гравюрами, среди которых красовалась и «Итея» – этому эскизу знаменитого мастера они были обязаны яркими воспоминаниями и краткосрочной вспышкой своей журналистской славы.

Если в первые два года совместной жизни они часто путешествовали, то теперь Родиону все чаще хотелось остаться дома. Оливия не возражала – подработка в «Эритаж» отнимала очень много сил, хотя и считалась лишь учебной практикой. Вместе с этим ей, будущему культурному обозревателю, приходилось штудировать конспекты лекций и наверстывать все упущенное в университете.

Родион же заканчивал свою новую документальную книгу и вместе с несколькими коллегами по Ассоциации продумывал структуру веб-сайта для журналистов-расследователей. Идея

виртуального сообщества со множеством вспомогательных функций бродила у него в голове уже давно. И вот теперь наконец появились для этого и время, и единомышленники.

Когда хлопнула входная дверь, он сидел на своем излюбленном месте – на террасе, с которой открывался вид на черепичные склоны монмартрских крыш. По давно укоренившейся профессиональной привычке даже дома Родион всегда устраивался боком ко входу – так было проще наблюдать за происходящим.

Но в этот раз он был настолько погружен в работу, что появления Оливии даже не заметил.

Скинув туфли-лодочки, она прошла в кухню и, вытащив из холодильника бутылку с лимонадом, сделала несколько жадных глотков. Родион тем временем не отрываясь смотрел в экран и, лишь изредка щелкая кнопками компьютерной мыши, что-то бормотал себе под нос.

Оливия бросила плащ на спинку стула и вышла на веранду.

– О, Иви, ты уже вернулась? – рассеянно бросил он, потирая небритые щеки. – После обеда не было занятий?

– Были, – вздохнула она. – Но я туда не попала.

Он поднял на нее глаза:

– Что-то случилось?

– Да нет... я просто не стала тебя тревожить. В общем, меня вызывали в полицию.

Он резко захлопнул крышку ноутбука и снял очки.

– Почему ты ничего не сказала?! Вилар там был?

– Конечно, я сразу же ему позвонила. Не обижайся, пожалуйста. Тебе и так приходится платить за его услуги. – Она уставилась куда-то в пол. – Прости, от меня одна головная боль...

Родион протянул через столик руку и обхватил ее запястье.

– Иви, ну что ты придумываешь! Расскажи хотя бы, по какому поводу вызывали.

– Хотели уточнить кое-какие подробности. Я еще в Довиле говорила им о «Весне», подброшенной на порог Зоинового особняка. Но они тогда сочли, что эта история не имеет отношения к ее смерти.

– И теперь что-то изменилось?

– В общем-то нет. За эти дни установили, что из дома ничего не исчезло: все драгоценности остались в сейфе; несколько картин, украшавших спальню, тоже на своих местах. Среди отпечатков, найденных в гостиной и прихожей, есть «пальцы» уборщицы Вишневской, ее друга Марка Портмана, оператора Аврелия и мои. Все они вполне легитимны. Однако там побывал кто-то еще: один и тот же папиллярный рисунок обнаружили на консоли, подлокотниках кресла, поверхности журнального столика и коробке из-под конфет...

– Ну и?..

Она пожала плечами:

– Просто еще раз попросили поподробнее рассказать все, что мне известно. Не думаю, что я смогла им хоть чем-то помочь. Так или иначе, все ценности на месте, включая фамильные украшения: этот антикварный гарнитур из аметистов – помнишь, я рассказывала? Серьги были на Зое в тот вечер. К тому же заключение судебно-медицинской экспертизы подтвердило, что ее смерть – просто роковая случайность.

Родион с облегчением подумал, что эта неприятная история наконец подходит к концу. Бог с ними, с адвокатскими издержками, главное, что репутации и свободе Оливии больше ничего не угрожает.

– Правда, есть одно странное обстоятельство, – будто бы наперекор его мыслям продолжила Оливия. – Конфеты, стоявшие на столике Зои, назывались «Сибирский метеорит». На упаковке отпечатана дата изготовления – сентябрь две тысячи девятнадцатого. То есть совсем свежие! Значит, кто-то подарил их актрисе недавно... Выйдя из комиссариата, я покопалась в Гугле: «Метеорит» производит частный кооператив одного провинциального российского городка. Спрашивается, что этому ассорти делать в Довиле?

– Иви, – Родион откинулся на спинку кресла и улыбнулся, – у тебя очень бурное воображение... но прихрамывает логика. Да мало ли кто мог преподнести Зое презент – фестиваль-то русский! И какое это может иметь отношение к ее смерти?

– Просто меня не покидает ощущение, что между всеми этими предметами и событиями есть невидимые связки. Выискивать их, конечно, никто не будет – следствие явно хотят поскорее свернуть. Кому какая разница, с кем звезда проводила свой последний вечер? Это частное дело...

– Конечно! Потом не забывай, что Довиль – уважаемый курорт. Зачем ему скандалы? А знаешь, давай отвлекусь от этой истории и пойдем пообедаем где-нибудь, – закруглил он непродуктивный разговор. – Погода-то какая!

Поужинать они решили в непритязательном бистро, куда редко заглядывали туристы. Туда приходили в основном завсегдатаи, знавшие, что каждый пункт меню – настоящий кулинарный шедевр. В отличие от ресторанов высокой кухни, где подавали пять смен блюд, дразнивших ароматами, но не наполнявших желудка, кухня «Рандеву» была традиционной: утиные ножки с картофельным пюре, антрекот с перечным соусом, ягненок с артишоками...

Усевшись на диване, растянувшись вдоль стены, отделанной дубовым шпоном, они заказали по бокалу монмартрского вина. Оно было вязким на вкус, но в сочетании с хорошим мясом раскрывалось во рту изысканным букетом.

Изучив «предложение дня», набросанное мелом на доске, они подозвали пожилого официанта – одного из тех профессиональных парижских гарсонов, которые всегда могли отличить почтенного посетителя от случайного путешественника. С первыми он всегда готов был поддержать беседу и порекомендовать лучшее, со вторыми же не церемонился, пренебрежительно поглядывая на них сквозь стеклышки очков и отпуская дежурные шутки.

Сделав заказ, они принялись обсуждать последние новости. За выходные многое произошло: Родиону предложили выступить в роли ведущего эксперта на международной научно-практической конференции, которая проводилась в этот раз в Париже.

А Оливия получила от Габи еще неутвержденный вариант документального фильма об Андрее Вишневском. Пилотный монтаж был строго конфиденциальным, но не поделиться с подругой плодами их совместной работы благодарная Габи, конечно, не могла...

Внезапно вспомнив, что забыл ответить на смс бывшего коллеги, Родион достал телефон и принялся что-то писать. А Оливия, чтобы себя занять, заглянула в меню – туда были предусмотрительно вложены рекламные листовки популярных монмартрских заведений: галереи, бары, винтажные магазинчики, антикварные лавки...

Среди них обнаружился и буклет известного музея, расположенного совсем неподалеку от того места, где они обедали. На первых полосах рассказывалось об основной экспозиции, а на обороте находилась программа культурных событий месяца.

Оливия просмотрела ее и хотела было уже отложить никчемную брошюрку, как вдруг зацепилась за знакомое имя и еще раз внимательно перечитала анонс.

Когда Родион наконец оставил в покое телефон, она подтолкнула буклет к нему.

– Посмотри...

Он поправил очки.

– Ну, что тут у нас? Девятнадцатое октября, четырнадцать ноль-ноль: выставка-продажа работ из личной коллекции Жака Соланжа. Не знал, что ты поклонница этого художника. Хочешь пойти?

– Дело не в этом... Взгляни на логотип: организатор мероприятия – фонд Марка Портмана.

– А что тут особенного? Я не уверен, но, по-моему, этот музей тоже принадлежит ему.

– Дело в том, что с момента скоропостижной смерти Соланжа прошло меньше двух месяцев. Я совсем недавно писала о нем очерк для «Эритаж», поэтому уверена в сроках. Вся коллекция картин досталась его сыну...

– И что тебястораживает, не пойму?

– Да за несколько недель тот просто не мог вступить в наследство и оформить все бумаги, понимаешь? Как же тогда Портман заполучил картины и устроил этот аукцион?

Отломив кусок хлеба, Родион задумчиво его прожевал, запил вином и еще раз взглянул на рекламный буклет. Как бы ни хотелось поскорее забыть о довильских событиях, но не получится. Очевидно, что смерть Зои до глубины души потрясла Оливию... Зная характер любимой, можно не сомневаться: она не отступится, пока не докопается до сути.

Так было с дневниками Доры Валери, которые она взялась разыскивать год назад с подачи русского мецената Ноя Волошина. Сначала Родион отнесся к затее скептически, но ее настойчивость привела их к «Итее» – шедевру великого скульптора, безнадежно утерянного в годы Второй мировой войны.

Об их сенсационном открытии впоследствии рассказал каждый новостной канал. И, чего уж греха таить, этот успех сильно поспособствовал Родиону в работе: сразу нашлись инвесторы для его интернет-проекта – закрытого клуба для журналистов-расследователей с обширной базой данных, архивом и форумом.

Возможно, на этот раз стоит отнестись к наблюдениям Оливии повнимательнее... Есть все-таки что-то подозрительное в этом слащавом проходимце Портмане!

XI

Фонд

А и хорошо, что жандарм! Сдержанный, чистоплотный, ответственный – всегда при исполнении. А что немолод, так даже и лучше. Какая от них польза, от молодых-то... Одна бессонница и боль в пояснице. Уж сколько сил, сколько денег потрачено, а толку никакого: тридцатилетние, они ж всегда на сторону смотрят. Взять хоть ее Ларри – четыре года она его обхаживала-обстирывала, парики меняла, брови набивные себе сделала, ногти нарастила... Ноль эффекта!

Вот мадемуазель, уж на что нимфетка, а поумней ее, Саломеи, будет. Прибрала месье Лаврофф к рукам, а ведь он лет на двадцать ее старше. Теперь ни шагу без нее ступить не может – ни в работе, ни в быту. Да что там говорить, невооруженным взглядом видно: прикипел мужчина к ней душою. А поздняя любовь – она ведь основательная, без ветру, без пустых словечек. Безо всякой этой мишуры!

И жандарм ее ничем не хуже будет – темперамент у него спокойный, взвешенный, лишнего не требует. В отличие от Ларри носа от ее стряпни он не воротит. Оклад к тому же имеет приличный, с премиями... А возраст – понятие относительное. Кто и в сорок лет, как тот комод на барахолке: издалека вроде добротный, с фурнитурой выдающейся, а на деле – тьфу, рухлядь! Такого и в хозяйстве не приспособишь, и в постели не употребишь... Винтаж, одним словом.

Преодолев не без усилия крутой подъем, Саломея остановилась поправить сползший набок африканский тюрбан, который после расставания с Ларри предпочитала модным, но душным парикам. Выудив из лаковой сумки зеркальце, оглядела себя и осталась довольна. Природа наделила Саломею щедро: и упругой кофейной кожей, и общей выразительностью черт. Богатство это она подчеркивала броским макияжем.

Отдышавшись, горничная направилась энергичным шагом к «мэзон Лаврофф», напевая под нос популярную мелодию.

Новую квартиру хозяев Саломея не жаловала. Убирать в ней было сплошным мучением – углы, выступы, полочки, столешницы, да еще и лестница крутая – пока на антресоли с пылесосом заберешься, богу душу отдашь. А оранжерея их балконная и вовсе мытарство адово! Ведь к каждому растению свой подход нужен: то полить, то пересадить, то подрезать, то опрыскать, то к свету развернуть, то от палящего солнца спрятать...

Месье Лаврофф к тому же на террасе с компьютером каждый день торчать повадился – стареет, наверное, из дому его не выманить. Сидит, дымит, клавишами так и клацает, а ты ходи себе на цыпочках с тяжелой лейкой!

С этими безрадостными мыслями Саломея отомкнула ключом входную дверь и шагнула в прихожую.

Посреди гостиной на диване расположился хозяин дома. Перед ним на журнальном столике стояли ноутбук, чашка с остывшим кофе и переполненная пепельница. Ансамбль из пижамных штанов и одной комнатной туфли дополнял шотландский плед, который месье накинул на плечи поверх футболки.

Саломея, взявшая было спринтерский разбег, резко сбросила обороты – картина ей не понравилась.

Во-первых, как она будет пылесосить, если месье оккупировал салон? А во-вторых, что должно было случиться, чтобы он встретил ее в таком нелепом наряде? Да она за все семь лет работы в этом доме в неглиже его не видела! Всегда такой собранный, элегантный, волосок к волоску...

А случилось вот что. В эту ночь Родиона одолела бессонница. Лежа в кровати, пока Оливия принимала ванну, он прочитал в Интернете несколько очерков о смерти Соланжа. Сорокасемилетний художник скончался в собственной студии на Монпарнасе, где в последнее время часто оставался ночевать. Причиной смерти стало сильнодействующее снотворное средство, которое ему выписал личный врач.

Близкие Соланжа утверждали, что в последнее время он был в очень подавленном состоянии. Как и всякий творческий человек, Жак плохо разбирался в финансовых вопросах, а потому доверил ведение дел своему советнику. Тот то ли по недосмотру, то ли по злему умыслу,

заклучил от имени Соланжа неудачную сделку. И серия из двенадцати картин, посвященных Парижу, была недавно продана по оскорбительно низкой цене.

Сердце художника остановилось, не выдержав незначительной передозировки препарата, а потому его смерть расценивалась как роковая случайность. Родион уже собирался свернуть статью и выключить свет, когда в глаза ему бросился комментарий, оставленный анонимным пользователем сайта: «Могу поспорить, что это не последняя смерть в творческой среде. «Фонд» еще многих обдерет и отправит на тот свет... Молодцы, ребята, грамотно работают!»

В отблесках ночных огней, под демоническое завывание ветра фраза прозвучала зловеще – в духе того криминального сериала, который Родион досматривал в Довиле, пока Оливия сидела под замком.

Вспомнив о задержании, он непроизвольно поежился – это же надо было приключиться такой истории! Даже не верится. Аккуратно сложив в чехол очки, он нажал на кнопку на цоколе лампы и комната погрузилась во тьму.

В тающем зазоре между забытьем и явью проносились пейзажи, мелькали лица, звучали голоса. Постепенно мир погас, и Родион провалился в сон. В ту секунду, когда он окончательно оторвался от реальности и полетел в черную дыру бессознательного, в эфир прорвалось знакомое дамское контральто: «Перефразируя высказывание великого Леона Толстого, искусство должно быть доступно каждому, а не служить забавой для праздного класса людей. Как жаль, что к этому пониманию я пришла так поздно... И все благодаря моему единомышленнику – главе культурного фонда Марку Портману!»

Слово «фонд» полоснуло по краю сознания, как лезвие бритвы, и Родион проснулся. Отчаявшись нащупать ногами туфлю, он подхватил с тумбочки очки, телефон и, стараясь не шуметь, похромал вниз по лестнице как есть: одна нога босая, другая в бархатной туфле с монограммой. Эту вычурную домашнюю обувь Оливия подарила ему на день рождения, заказав ее в одной из лавок Марэ. И он покорно ее носил, втайне сожалея о тех временах, когда можно было слоняться из комнаты в комнату босиком, как это было принято когда-то в его доме.

Диван в гостиной удивленно вздохнул, принимая его тело в столь непривычное время суток. Включив подсветку в книжном шкафу, Родион налил себе коньяка и открыл ноутбук. Пока тот загружался, Родион смаковал свой напиток, любуясь янтарными вспышками за хрупким стеклом.

Вероятность того, что фонд Портмана был замешан в каких-то криминальных делах, да еще и связанных с гибелью известных людей, была невысокой: делец был фигурой донельзя публичной. Слухи о его нечистоплотности очень быстро расползлись бы по тесному художественному миру, и впоследствии ни одна крупная рыба не клюнула бы на его приманку. Но многолетний опыт подсказывал Родиону, что не стоит бояться даже самых абсурдных гипотез: при проверке они чаще всего распадаются, но наводят при этом на какую-нибудь вспомогательную версию.

Когда наконец на экране появилась заставка «рабочего стола», он зашел на сайт Библиотеки административных документов мэрии Парижа. В этом колоссальном архиве, состоящем из сотен тысяч изданий, манускриптов и почти миллиона фотографий, можно было отыскать практически все.

Введя код доступа к специализированному каталогу, Родион вбил в строку поиска полное название фонда Портмана. Через несколько секунд перед ним была подборка публикаций и релизов событий, к которым имела отношение данная организация.

Их оказалось немало.

Просмотрев с десятков ссылок, Родион натолкнулся на нужное: это был краткий фотоотчет об открытии выставки средневековых гравюр из постоянной коллекции Библиотеки. Она проходила несколько месяцев назад в музее современного искусства. На открытии присутствовали официальные лица, а также члены попечительского совета культурного фонда, благодаря которому это стало возможным.

Под релизом была размещена серия фотографий, среди которых лишь одна привлекла внимание Родиона: мэр пятого округа Парижа в сопровождении Портмана и двух неизвестных мужчин разрезает символическую ленточку, белозубо улыбаясь в камеру.

Сощурившись, Родион прочитал бисерную подпись под снимком: «Сооснователи культурного фонда: Жиль Ле Труа, Анри Монтень и Марк Портман».

Значит, у Портмана есть два партнера. Надо бы разузнать о них побольше...

Через два часа, когда ночь уже была на излете, в новой папке на съемном диске лежала отсортированная по именам информация об обоих попечителях. Жиль Ле Труа оказался известным искусствоведом, консультирующим экспертом одного из крупнейших аукционных домов и автором множества монографий. Ему было уже глубоко за семьдесят. Сколько Родион ни искал, ни перетряхивал электронные подшивки материалов, в которых упоминалось его имя, не обнаружил ни одного скандала, к которому тот был бы причастен.

А вот фигура Анри Монтень оказалась более интригующей. Юрист по образованию, Монтень еще в юные годы увлекался современным искусством. Но родители его страсти не поощряли: поддерживать достойный образ жизни в Париже всегда было непросто. Окончив учебу, Анри начал строить карьеру в крупном французском банке. Через десять лет он уже был экономическим советником нескольких политиков, которые доверили ему не только свое состояние, но и реноме. Однако и от увлечения искусством Монтень не отказывался: он слыл «своим человеком» в артистической среде и славился тем, что умел разглядеть в начинающем художнике будущую звезду.

Он с легкостью входил в доверие к молодым дарованиям – особенно ему нравились иностранцы. Они были настолько беспомощны во всем, что касалось французского законодательства, и настолько невежественны в вопросах управления финансами, что доверенное лицо им было просто необходимо. Монтень быстро брал их в оборот, представив нужным людям, которые охотно покупали полотна никому еще не известных малевичей и кандинских по бросовой цене. Из собственного опыта коллекционеры уже знали, что через несколько лет на этих холстах можно будет неплохо заработать, ведь их сосватал сам Анри Монтень.

Изучив повторно все сохраненные файлы, Родион решил сделать перерыв и выйти проветриться на террасу. Мощный луч света от подвесного фонаря, свисающего, как летучая мышь, с фасада дома напротив, пронзал темноту еще спящего переулка.

В рассветной тишине по карнизу, выслеживая невидимую жертву, осторожно ступал рыжий кот. И точно так же, с напряженным охотничьим азартом, Родион пытался поймать ускользающую мысль: она крутилась в голове уже не первый час, но все никак не могла оформиться.

Он уже докуривал вторую сигарету, когда в распахнутом соседском окне задребезжал будильник. Этот резкий сигнал прорезал воздух, всполошив всех окрестных птиц. Через секунду, недовольно скрипнув, распахнулись ставни в доме напротив. Гулким эхом прозвучали чьи-то шаги, стукнула крышка мусорного бака. Стрекотнула цепь прикованного к ограде велосипеда, зашелестели покрышки, упредительно тренькнул звонок. Вскоре к сонму утренних звуков добавились монотонное бормотание телевизора, уютный звон кофейных чашек и безутешный младенческий плач.

Ночь отступала, обнажая незащитное тело города: набухшие вены ржавых водостоков и смрадный запах мощеных тупиков.

Услышав шорох за спиной, Родион обернулся. В проеме балконной двери стояла Оливия: в короткой майке и смятых пижамных штанах она напоминала девочку-подростка.

– Не спалось? – спросила она, сладко зевнув. – Обычно в такую рань на террасе я одна...

– Прости, не дам тебе сегодня насладиться одиночеством, – отшутился он, зная, что уединенное чтение за чашкой чая – ее любимый утренний ритуал.

– Что-то случилось? – насторожилась Оливия, оглядев через плечо гостиную. От нее не ускользнул ни мерцающий экраном ноутбук, ни перегруженная окурками пепельница, ни опустевшая коньячная рюмка.

– Все эти роковые случайности не давали заснуть.

Темная бровь удивленно взлетела вверх.

– Понимаешь, Иви, внезапную смерть Вишневской и скоропостижный конец Соланжа разделяют всего несколько недель. И мне кажется, что между этими двумя событиями есть нечто общее... Ну хотя бы тот факт, что и актриса, и художник были как-то связаны с фондом Портмана.

Оливия на секунду задумалась. Затем сняла с запястья резинку для волос и затянула свою необузданную гриву в хвост.

– Я что-то плохо соображаю, объясни...

Родион с нежностью улыбнулся – любимый мой взерошенный воробей, и что я тебе голову морочу!

– Пойдем внутрь, обсудим все за завтраком.

– Ну с Зоей хотя бы все понятно – судя по светской хронике, Портман не один год ее обхаживал. Актриса доверяла ему настолько, что даже отдала драгоценную «Весну» на экспертизу. Он наверняка рассчитывал выставить потом шедевр в своем музее... А может, между ними были и другие договоренности, о которых мы пока не знаем, – рассуждала Оливия, наблюдая, как в чашке со свежесваренным липовым чаем лопаются мелкие пузырьки.

Родион тем временем нарезал багет и следил за закипающей водой в кастрюльке с яйцом.

– А вот как Соланж был связан с фондом и каким образом Портман смог заполучить его работы на реализацию в столь короткий срок, мне все же непонятно, – продолжила она, пододвигая к себе стаканчик с йогуртом.

– Я не успел еще разобраться в деталях, но выяснил кое-что про партнера Портмана, Анри Монтеня.

– А именно?

– Монтень был знаком с Жаком Соланжем как минимум десять лет. В две тысячи девятом году картины художника еще плохо продавались – он не был так известен, как сейчас. И Монтень оказал ему небольшую услугу: он договорился с какой-то крупной сетью галерей о том, что те будут закупать у Жака по одной картине в год за вполне разумные деньги. На эти средства художник мог сносно жить.

– Вероятно, после этого Монтень и Соланж сильно сблизились?

– Ты, как всегда, зришь в корень, Иви. У меня есть одно предположение, но его еще нужно проверить. Если я окажусь прав, у нас будет готовая гипотеза.

– Мне казалось, еще вчера тебе не хотелось копаться в этом деле, – улыбнулась она. – А теперь ты уже готов взять его в разработку...

– У тебя первая лекция в девять? – отвлеченно поинтересовался он. – Сегодня транспорт бастует, опоздаешь.

Оливия взглянула на круглый циферблат часов, украшавших стену кухни. А ведь он прав – времени на сборы совсем не осталось!

Как она ушла, Родион не заметил. Опубликованная на сайте газеты «Мондьяль» информация, а точнее, одна лишь фраза, настолько его заинтриговала, что внешний мир на какое-то время просто перестал существовать.

Когда он оторвал от экрана глаза, перед ним значительная, как Килиманджаро, стояла Саломея. Держа в руках пылесос, она вопрошала суровым взглядом: «Я в гостиной приберу? Или вы тут весь день в пижаме торчать намерены?»

XII

Праздник вина

– Представляешь, в самом конце статьи единственное упоминание! – Родион посторонился, пропуская женщину с коляской, и через секунду вновь примкнул к Оливии, которая рассматривала что-то в витрине багетной мастерской.

– У тебя просто нюх на сенсации, – улыбнулась она, глядя на его отражение в пыльном стекле. – Я бы и не заметила такой мелочи: если не вчитываться, «Авеню Монтень» [\[15\]](#) воспринимается в этом тексте как название улицы...

– Я так сначала и подумал. Стандартная фраза: «Выставка-продажа работ Жака Соланжа в «Авеню Монтень» прошла с успехом» сначала ничем меня не зацепила. А потом я удивился странному синтаксису и решил проверить: вдруг это все же не адрес, а название? Заглянул на сайт AEF – там ведь есть полный перечень французских фирм и предприятий. И оказалось, что «Авеню Монтень» – сеть частных художественных галерей, зарегистрированная на имя предпринимателя Анри Монтеня. Ну а дальше осталось лишь проверить, какие работы ушли у них недавно с молотка. Оказалось, что среди прочего та самая серия из двенадцати картин, посвященных Парижу, которую таинственный «управляющий» Соланжа реализовал за его спиной по заниженной цене.

– И что из этого следует?

– Вот смотри. – Он усадил ее на свободную скамейку, расположенную в тени необъятного каштана. Отыскав в кармане смятую почтовую квитанцию, он принялся чертить на ней схему. – Ты говорила, что все картины должен был унаследовать единственный сын Соланжа. Но каким-то образом доступ к наследию художника получил фонд Портмана: полотна оказались в их распоряжении всего через два месяца после смерти мастера. За такой срок, как ты верно заметила, невозможно вступить в наследство и оформить все бумаги. Это первая нестыковка.

Оливия озадаченно вздохнула: хотя она сама накануне обратила внимание на этот казус, суть по-прежнему от нее ускользала.

– Вторая состоит в том, – продолжил Родион, – что совсем недавно финансовый советник художника, которому тот безмерно доверял, продал серию его картин за гроши. Спрашивается, как и зачем он это сделал?

Оливия в задумчивости отколупнула кусочек краски от шершавой поверхности скамьи.

– А имя покупателя неизвестно?

– Пока нет. – Родион поднялся и, сомкнув руки за спиной, принялся прохаживаться вдоль бордюра. – Но вот что интересно: стоимость работ Соланжа в «Авеню Монтень» была очень высокой. Выходит, кто-то сумел нажиться на разнице в цене. Напрашивается вывод: либо Анри Монтень близко знал душеприказчика Соланжа и был с ним в сговоре...

– Либо... – Глаза ее вспыхнули от внезапной догадки. – Он сам являлся тем самым «советником» Соланжа?

– Именно, – кивнул Родион. – Биография Монтеня говорит нам о том, что он очень любит опекал «перспективных творцов» – несомненно, с дальним прицелом. Соланж мог оказаться одним из дарований, попавших под его влияние. После десяти лет «дружбы» и мелких одолжений этот проходимец просто облапошил непрактичного художника, продав его работы самому себе за символическое вознаграждение. После чего выставил полотна на торги в собственной галерее, запросив за них совсем другие деньги. Подобное предательство, согласись, могло стать для Соланжа серьезным потрясением – чем не повод для депрессии и злоупотребления снотворным...

– В таком случае, – произнесла Оливия, – фонд Портмана мог легко получить доступ к наследству через Монтеня. Он ведь опытный юрист, наверняка придумал какую-нибудь схему!

– Пока это все лишь на уровне догадок, придется потрудиться, чтобы найти им подтверждение. Для начала нужно удостовериться, что Монтень действительно управлял финансовыми делами худо... – Конец его фразы утонул в волнообразном движении музыки, хлынувшей с северного склона монмартрского холма и мгновенно затопившей все переулки.

– Сегодня же праздник виноделов!^[16] – Оливия вскочила со скамейки, мгновенно позабыв об интригах фонда.

Родион улыбнулся.

– Пойдем посмотрим, что там творится?

Спустившись по проспекту Жюно, они свернули направо, в узкий проем между старинными домами, а затем принялись карабкаться по скользкой, отполированной миллионами башмаков брусчатке. Восхождение было долгим: то и дело приходилось пропускать стайки хохочущих студенток, меланхоличных художников с мольбертами, агрессивного вида юнцов в бейсболках, повернутых по моде козырьками назад.

Наконец показался угол улицы Соль, по которому сползала селевым потоком пестрая, грохочущая барабанами колонна: началось Большое Дефиле. Оливия инстинктивно сдвинулась к обочине – после манифестаций и уличных беспорядков, сотрясавших город этой зимой, толпы она не любила. Родион, заметив беспокойство любимой, наклонился к ней и шепнул: «Налево и вверх. Там калитка».

Калитка оказалась небольшими чугунными воротцами с кованой ручкой, которые на первый взгляд были закрыты. Но Родион, сохраняя выражение лица воскресного зеваки, незаметно надавил на какой-то рычажок. Замок тихо скрежетнул, и створка поползла внутрь. Стараясь не привлекать внимания посторонних, они протиснулись в зазор, и ворота тут же захлопнулись.

Оливия огляделась. За металлической оградой скрывался виноградник: выплески желто-зеленой лозы расчерчивали склон симметричными линиями. По центру этого великолепия возвышалась оплетенная девичьим вьюном беседка. Она напоминала пурпурный шатер Наполеона, перед которым расстилалось поле боя. Кишащая людьми улица у подножия виноградника и впрямь смахивала на авансцену сражения, сопровождавшегося канонадой петард, бравурным пением и грохотом барабанов.

Самые нетерпеливые участники процессии отмежевывались от толпы и оседали у «Проворного кролика», где можно было попробовать вино нового урожая.

Оливия подошла к багряному шатру, чтобы сделать пару фотографий.

– ...и ловкость тут ни при чем, – неожиданно послышался приглушенный баритон, который показался Оливии знакомым. – Просто владелец забегаловки заказал новую вывеску художнику Жилю. А тот недолго думая изобразил кролика, проворно выпрыгивающего из кастрюли. Вот и получился «Lapin à Gill», которого быстренько перекроили в «Lapin Agile».^[17]

– Удачное название для кабаре, облюбованного богемой, – лениво отозвался женский голос. – Хотя теперь ею тут и не пахнет.

– Да какая там богема! Видела бы ты, кто собрался на вернисаж Соланжа. Сплошные маргиналы...

Услышав имя художника, Оливия насторожилась и повернулась к Родиону. Но того не оказалось рядом. Он стоял возле ворот и беседовал с каким-то пожилым мужчиной, держащим в одной руке корзину с бутылкой вина, а во второй – два бокала.

– Вот-вот... И на скачках та же картина, – недовольно вздохнула невидимая женщина.

Через секунду в темной арке шатра обозначился ее силуэт. Оливия инстинктивно отступила назад, чтобы не попасть в поле зрения незнакомки.

Та задрала голову и посмотрела на небо:

– Надеюсь, обойдется без дождя...

Женщина вытянула из пачки тонкую сигарету. Слегка развернувшись, она чиркнула зажигалкой и попыталась прикурить.

В этом ракурсе Оливия ее моментально узнала: перед ней была всадница, летевшая на черном коне по довийскому пляжу в сопровождении Марка Портмана. Та самая ловкая наездница, чей Эклипс победил на скачках всего несколько недель назад. Как же ее зовут? Кажется, Клод...

Перед глазами возникло электронное табло тотализатора с именем победительницы заезда. Оливия непроизвольно помотала головой – наверное, она что-то путает...

– Эй, Жирар! Где же обещанное вино? – из беседки вынырнул плотноватый господин с чернильной бородкой.

Мужчина с корзиной тут же устремился к шатру.

– Месье Портман, прошу меня извинить! Заболтался со старым знакомым – у нас ведь много завсегдаев. Я уже двадцать лет держу здесь погребок, люди заходят по старой памяти за хорошим вином.

– Да, выбор у вас всегда отменный, – смилостивился Портман. – Ну, чем угостите на этот раз?

Оливия выразительно взглянула на Родиона, по-прежнему стоявшего у ворот. Тот едва уловимым жестом подозвал ее к себе.

– Вот так встреча. Ты узнал даму? – произнесла она тихо.

– Еще бы!

– Я вспомнила, как ее зовут. Клод...

– Монтьен, – договорил за нее Родион. – Могу предположить, что она родственница небезызвестного нам Анри Монтьеня, соучредителя фонда Портмана. Что ж, выходит, для Марка эта связь – не просто интрижка, а настоящий семейный бизнес. Перспективная, так сказать, любовь!

XIII

Монпарнас

До Монпарнаса ее подбросил университетский приятель Франсуа. Парень явно симпатизировал Оливии, но о ее отношениях с гуру расследовательской журналистики он прекрасно знал – Родион читал у них лекции на первом курсе, они пользовались большой популярностью. После нескольких неудачных попыток ухаживания Франсуа вынужден был смириться с данностью, но всегда был рад подбросить Оливию в нужное место на своем мотоцикле или поделиться конспектами, если та вдруг пропускала занятие.

В этот раз, однако, он очень торопился, а потому высадил ее у метро «Гетэ» и, помахав рукой, мгновенно слился с потоком машин на бульваре Монпарнас.

Обогнув офисную башню, которую, как гнилой безобразный зуб, было видно из любой точки Парижа, Оливия оказалась на довольно безликой улице. Единственной ее достопримечательностью служил автосервис.

Пролистывая взглядом номера домов, она наконец заметила ворота, за которыми скрывался мощный пассаж. Справа и слева тянулись ряды двухэтажных деревянных построек – каждая со своим отдельным входом. Увитые плющом, отчеркнутые кустами жимолости и сирени, они разительно отличались от остальных домов этого квартала.

В пассаже было пустынно, и Оливия присела на скамью, чтобы осмотреться. Пространство выглядело небольшим и насчитывало с десяток дверей. Большинство из них было выкрашено в белый или мятно-зеленый цвет и отмечено вывеской. Похожие и одновременно очень разные, они выдавали нрав обитателей этих павильонов для творческих людей.

Вот рабочее пространство дизайнера по фамилии Вонг: в нем все продумано до мельчайших деталей – от формы дверной ручки до шрифта, каким выгравировано его имя на табличке. А вот фотолаборатория: ее окна затемнены плотными шторами. К ним пришпилен листок с длинной аббревиатурой вместо названия. Далее

примостилась «экспериментальная киностудия»: вдоль ее окон теснятся горшки с рододендронами, а на вывеске красуется черный иероглиф.

Интересно, где же мастерская Соланжа?

Оливия посмотрела по сторонам – спросить было некого. Вдруг откуда-то донесся шум. По ступенькам, ведущим к одной из студий в верхнем этаже, скатилась, клацающая коготками, мохнатая болонка в моряцком костюмчике. Вслед за ней спустилась коротко стриженная девушка, которая усадила своего «миньона» на раскладной стульчик и принялась его фотографировать.

Дождавшись окончания фотосессии, Оливия подошла поближе. Девушка обернулась.

– Вы кого-то ищете?

– Да нет, шла мимо и заглянула посмотреть, что здесь... Это же творческие резиденции, верно?

Девушка неопределенно пожала плечами.

– Да, когда-то здесь обретались известные люди. Во время Первой мировой вон там, – она указала вглубь пассажа, на большое пустующее пространство с застекленной стеной, – находилась столовая для монпарнасской богемы: Модильяни, Шагал, Матисс, Леже – все собирались тут! Теперь же практически любой может снять себе тут угол в пассаже – гением для этого быть не нужно...

– Что же, ни одного художника у вас не осталось?

– Раньше были, – вздохнула девушка. – И довольно известные. Жак Соланж, например... Но он недавно умер.

– Соланж жил здесь? – Оливия разыграла изумление.

– Ну как жил... В основном работал. Как раз в том павильоне, где раньше была столовая. Наверху у него имелась комнатка-антресоль. Жак иногда оставался там ночевать.

– Как интересно... А сын его здесь бывает?

Девушка удивилась.

– Сын? А что ему здесь делать? Он же совсем еще ребенок. Торчит со своей теткой в каком-то пригороде. Та сдает внаем жилые баржи – вроде гостевых комнат для отпускников. А студия так и стоит закрытой. Хотите посмотреть? Мне оставили ключ – вдруг кто-то захочет ее снять?

Они приблизились к застекленному павильону, рядом с которым скучал, прикрученный цепью к тополиному стволу, прогулочный велосипед. Девушка обошла его и, взобравшись на небольшой каменный выступ, вытянула руку вверх и пошарила под навесом. Через секунду она выудила оттуда связку ключей. Отомкнув дверь, посторонилась, пропуская Оливию внутрь.

– Проходите! Электричество отключили, зато дневного света достаточно.

Просторная мастерская была разделена на несколько зон. У окна – рабочий стол с листками бумаги, карандашами, рисовальным углем, ластиками и старомодным пресс-папье. Чуть поодаль – верстак, к которому прислонены подрамники и деревянные рейки. Слева расположился обеденный стол. Между стеной и этажеркой со стеклянными банками, из которых торчали разномастные кисточки, помещались мольберты и холсты.

Поодаль, в небольшом алькове, Оливия заметила громоздкий аппарат с тремя цилиндрами, плотно примыкающими друг к другу.

– А это что? – Она подошла к нему поближе.

– Краскотерочная машина, – отозвалась девушка. – Жак был старомоден и многие вещи делал сам. Грунтовал холсты, натягивал их на подрамники, прибивал латунными гвоздиками. Сам изготавливал краски. Здесь до сих пор пахнет скипидаром, чувствуете?

Оливия втянула носом воздух.

– Скорее, каким-то мебельным лаком... – возразила она для порядка, готовясь перейти к главному. – А вы близко общались с Соланжем?

– Он приглашал меня время от времени помочь ему затирать порошок с льняным маслом, чтобы получилась краска. Потом мы раскладывали ее по специальным емкостям. Довольно муторный процесс, но мне это нравилось. За работой мы много разговаривали. Однако, – девушка опустила глаза в пол, – в последнее время Жак был молчалив. Перед смертью он несколько дней не выходил из павильона и никого сюда не приглашал... До сих пор себя виню! Должна была почувствовать, что с ним происходит что-то неладное.

Она замолчала и отвернулась к окну.

– Я заметила, что в студии нет ни одного рисунка или картины. Вон, крючки на стене, а на стуле – пустые рамочки...

Девушка шмыгнула носом.

– Приходила сестра Жака, забрала его последние работы и оставила мне ключ. Сказала: «Если кто-то будет интересоваться помещением, пусть свяжется со мной».

– А можно мне ее телефон? Один близкий друг как раз ищет пространство под шоу-рум. Ему бы эта студия наверняка понравилась.

Девушка достала свой аппарат, отыскала нужный номер и продиктовала его Оливии.

– Надеюсь, ваш друг – порядочный человек. Не хотелось бы, чтобы в этом месте поселился какой-нибудь коммерсант, вроде тех, что крутились в последнее время вокруг Жака. Они его и угробили!

– Вы говорите о ком-то конкретно?

– Да много их тут было. Соланж ведь был бессребреник, такие люди прямо-таки притягивают к себе стервятников. Жаль только некому с этим разбираться... В гроб загнали – и нет человека. А картины его теперь с молотка уйдут.

– Почему вы так думаете?

Девушка вдруг осеклась.

– Что-то заболталась я с вами... мне пора. Будете сестре Жака звонить, скажите, что от меня. А то ей во всех теперь журналисты мерещатся: достали они ее, вечно что-то вынюхивают.

Мутноватая вода оглаживала борта заброшенной баржи, к которой их привел навигатор. Она называлась «Эйфель» и стояла на месте «Галеона», который Родион арендовал на выходные на одном из сайтов туристической недвижимости. В рубрике «Связаться с владельцем» значилось имя хозяйки: Жанна Соланж. Ее телефон совпадал с имевшимся у Оливии номером.

Деревенька на берегу Сены, где была пришвартована кавалькада плавучих домов, находилась в часе езды от Парижа. Она состояла из нескольких улиц, супермаркета, аптеки, детского сада и церкви.

В прозрачном воздухе гомонили воробьи; по газонам, разнеженно курлыкая, бродили голуби. На небольшом пяточке перед собором играла малышня: прыгалки, волчки, вертушки йо-йо, поролоновые мячики и перьевые воланы...

Чуть поодаль возле лотерейного киоска собралась группа мужчин: дымя сигаретами, они что-то оживленно обсуждали.

Притормозив, Родион опустил боковое стекло.

– Добрый день! Мы ищем «Галеон». Где он, не подскажете?

– А, так хозяйка его подальше отогнала. Проедете вдоль берега метров пятьсот – и увидите. Там еще лужайка для пикника и шезлонги... Романтичное местечко!

Они не преувеличивали. «Галеон» оказался элегантной баржей с пальмами в кадучках, плетеной мебелью и электрическим грилем на верхней палубе. Судно стояло чуть в стороне от остальных «поплавков», упираясь носом в камыши.

В сотне метров от него парил над поляной серебристый дракон. Присмотревшись, Родион увидел мальчишку лет четырнадцати. Задрав вверх курчавую голову, тот с интересом следил за траекторией движения своего воздушного змея, поводя бечевкой из стороны в сторону. Дракон поблескивал на солнце чешуей и совершал неторопливые маневры.

– Вы, наверное, господин Лаврофф? Я не ошиблась? – произнес вдруг кто-то за спиной.

Родион и Оливия, наблюдавшие за кульбитами дракона, обернулись.

Навстречу им шла худощавая женщина в льняных брюках и соломенной шляпе. В руках она несла стопку махровых полотенец и две бутылки питьевой воды.

– Добрый день, мадам, – приветливо улыбнулся ей Родион. – Еле отыскали ваш фрегат.

– Я переставила его чуть дальше, в более уединенное место. С тех пор как Пьер остался со мной, – она кивнула в сторону мальчика со змеем, – мы часто проводим время на барже. Это отвлекает его от грустных мыслей...

– «Галеон» сдается только на выходные?

– Да, в теплый сезон. Сами пока живем в доме. Правда, Пьеру там не нравится. Понимаете, его отец... Он недавно умер. А мать мальчик потерял совсем рано. Раньше Пьер приезжал сюда с родителями на время каникул, и все теперь напоминает ему о них: и фотографии на стенах, и вещи отца, и его рисунки...

– Отец был художником?

– Достаточно известным. Жак Соланж – вам это имя о чем-нибудь говорит?

– Ну конечно! – воскликнула Оливия, дождавшаяся удобного момента, чтобы вклиниться в беседу. О тактике поведения они договорились еще в машине: Жанна Соланж испытывала неприязнь к журналистам, поэтому не стоило наводить ее на подозрения. Они решили изображать из себя обычную влюбленную пару, сбежавшую из мегаполиса на романтический уикенд. – Неужели знаменитый Жак Соланж – ваш брат?

Глядя на ее невинное лицо с широко распахнутыми глазами, Родион подумал, что в ролевых играх с источниками она превосходит его в разы. Этому способствовало ее театральное прошлое: Оливия умела перевоплощаться и выбирать ту интонацию, которой требовал психотип собеседника.

– Да, старший. Мы были очень друг к другу привязаны. Но мне нравилась деревенская жизнь, а Жак всегда стремился в Париж. И вот чем это закончилось...

– Я читала о нем очерк в «Мадам Фигаро». Какая преждевременная смерть! Он же был в расцвете творческих сил – столько чудесных картин за последние годы написал. Кстати, мне удалось взглянуть на его «Парижский цикл» на одном вернисаже... – Оливия сделала преднамеренную паузу, будто бы пытаясь вспомнить название. – Кажется, в «Галери Монтень». Правда, в тот момент работы уже были кому-то проданы...

Лицо женщины потемнело.

– Если бы это зависело от меня, я бы их сохранила для Пьера. Но делами брата занималась одна организация.

– Организация?

– Ох, это длинная история... После смерти Жака нам достались лишь несколько рисунков, висевших в его студии на Монпарнасе – вот и все наследство. Хорошо, что я их успела забрать: этот жулик до сих пор пережить не может, что они уплыли у него из рук. Ему казалось, он все предусмотрел, все так удачно обставил с агентским договором. Обобрал Жака и глазом не моргнул!

– Ваш брат стал жертвой какого-то мошенничества? – сочувственно уточнила Оливия, делая вид, что не улавливает сути.

– Мошенничества? – Губы женщины задрожали. – Да его откровенно обокрали! Мерзавец Монтень десять лет окучивал Жака, втирался к нему в доверие. Постепенно «дружище Анри» стал

незаменим: брат наконец смог сосредоточиться на творчестве и не думать о насущном. Начиналось все с того, что он оказывал Жаку мелкие услуги: устроить ребенка в престижную школу, снять достойное жилье, подыскать хорошего врача... Потом помог продать несколько картин. А затем подсунул ему этот фонд. Жак ведь не знал, что незаменимый Анри – его соучредитель!

Оливия растерянно на нее посмотрела и открыла было рот, чтобы задать какой-то вопрос, но женщина вдруг опомнилась.

– Да что же я вам голову семейными делами морочу, вы же отдыхать приехали. Засиделась я тут одна – и поговорить-то не с кем... Пойдемте, я расскажу, что у нас в округе есть интересного. Вон за тем пролеском – чудесное озеро. Хрустальной чистоты вода! Вдруг вы захотите искупаться...

Несколько месяцев спустя Оливия будет вспоминать этот исступленный солнечный день, ставший завершением «индейского лета»^[18]. Вот они пробираются сквозь позолоченный лес, сквозь переплеты ветвей по тропинке, под оголтелое пение птиц. И вдруг деревья расступаются, словно распахивается театральный занавес, и их ослепляет сверкающий прожектор озера. Сбросив одежду и кое-как пристроив на берегу полотенца, они бросаются в эту обжигающую синь. Сквозь первый болезненный спазм от соприкосновения с ледяной водой вдруг проступает такая легкость, такое неистовое чувство освобождения, что они застывают на поверхности, как две морские звезды, уткнувшись взглядом в благодатное небо.

Тишина прервется робким всплеском какой-то рыбешки. Оливия очнется и, перевернувшись, поплывет, опуская лицо в прозрачную воду. Через четверть часа они окажутся вдвоем на берегу: сомкнутся, свяжутся дрожащими телами. И им, очарованным и обновленным, будет казаться, что этот сияющий мир – навсегда. И вспышка счастья продлится вечно...

XIV

Услуга

– Мадам, месье, ну проявите же солидарность, уплотнитесь немного! – Мужчина с потертым портфелем и лоснящейся лысиной попытался втиснуться в переполненный автобус. Общественный транспорт теперь ходил редко и не по расписанию: город парализовали забастовки, вызванные пенсионной реформой. Сограждане ответили ему молчаливым равнодушием. Так и не сумев протолкнуться сквозь их сплоченные ряды, он вывалился на тротуар и, со вздохом подняв воротник, побрел обреченно по усеянной окурками улице.

Оливия, выскочившая из дома с небольшим опозданием, с сожалением взглянула на удаляющийся автобус и ускорила шаг: Габи дожидаться ее не станет, у нее вечно земля горит под ногами. Да и перерыв на обед всего минут сорок...

Обогнав ссутулившегося гражданина с портфелем, она свернула на улицу Бланш и вскоре распахнула дверь небольшого устричного бара.

Габи сидела в самом центре мозаичного зала и, подперев лоб ладонью, о чем-то сосредоточенно разговаривала по телефону. Заметив подругу, она скроила кислую мину и произнесла одними губами «Шеф», а затем вновь принялась сосредоточенно слушать, изредка поддакивая. Наконец разговор был закончен. Швырнув аппарат в стоящую на полу сумку, она жадно глотнула из стоящего перед ней бокала.

– Холодное белое? – Оливия не удержалась от саркастической улыбки.

– Ой, Илиади, как он меня достал! Ну такой нудный тип – одно и то же по кругу говорит. И при этом у него вечные авралы. Вот, например, документалка о Вишневском: все давно смонтировано, так нет, задумал дописать блок, посвященный погибшей Зое. Говорит, будет достойный эпилог! А когда мне этим заниматься? У меня еще два проекта в работе!

– Сочувствую, – понимающе кивнула Оливия, изучая меню. – Но свою помощь в этот раз, уж прости, не предложу. До сих пор не могу

отойти от этой драмы...

– Полиция оставила тебя в покое? – Габи виновато взглянула на нее исподлобья.

Оливия сделала неопределенный жест.

– Вроде как... Они утверждают, что никакого преступления в этом деле нет – Зоя умерла естественной смертью, из дома ничего не пропало. Но даже если и есть, кто захочет с этим разбираться?

– Ты о чем?

– Понимаешь, возникло несколько загадочных обстоятельств, суть которых мне пока не ясна. У нас с Родионом родилась одна гипотеза...

– Ну-у, – протянула Габи, – раз сам Лаврофф к процессу подключился, то скоро все разъяснится.

– Слушай, Габи. – Оливия подцепила вилкой розовую креветку, украшавшую пюре из авокадо, которое официант преподнес им в качестве «комплемента» от заведения. – А ты во время своей прошлогодней стажировки в аукционном доме не сталкивалась с человеком по имени Анри Монтень?

Подруга взглянула на нее с любопытством.

– Я его лично не знаю, но фамилия на слуху. Монтень – крупная фигура в художественном мире. Аукционщики его сильно недолюбливают – он ушлый делец, коллекционирующий не столько искусство, сколько спекулятивные сделки. Год назад наш TEJEAN пытался продать пейзаж, приобретенный одним начинающим собирателем в галерее этого самого Монтеня. И что ты думаешь? Картина не ушла на торгах даже за четверть уплаченной за нее суммы.

– Как так?

– Анри Монтень славится своим умением «угадывать финансовый потенциал» художника. Ему доверяют самые значительные коллекционеры современности, однако с ними он ведет себя очень осторожно, отыгрываясь на недалёковидных нуворишах, которые ни черта в этом деле не смыслят. Им он подсовывает второстепенные работы, советуя их на время придержать, пока на мастера формируется спрос. Иногда им везет, и предсказания Монтеня сбываются. Но чаще всего простакни остаются ни с чем... А почему тебя вообще заинтересовал этот одиозный тип?

– Понимаешь, он связан с фондом Марка Портмана. Похоже, что эти люди имеют отношение к гибели Жака Соланжа: иначе как бы они

получили доступ к его наследству? Ведь работы Соланжа уже вовсю продаются на устраиваемых фондом вернисажах... Вполне возможно, что и их дружба с Зоей Вишневской была небескорыстна.

– Ничего себе гипотеза, – хмыкнула Габи, поливая винным уксусом крупную устрицу.

– В обоих случаях доказано, что смерть наступила от естественных причин. Однако к уходу Соланжа фонд оказался на удивление хорошо подготовлен: Жак, судя по всему, подписал какой-то документ, позволявший Монтеню и Портману распорядиться его коллекцией. Так считает и его родная сестра. Что касается Зои... тут у меня нет никаких конкретных фактов. Но я знаю, что актриса доверила недавно Портману одну из лучших работ своего отца. Эта акварель была утеряна десятки лет назад и вдруг вернулась к Вишневской в виде анонимной бандероли накануне ее смерти.

– Какая мутная история. – Габи взглянула на подругу озабоченно. – И как ты не боишься в это лезть? Там же такие деньги крутятся, Илиади... Неужели рациональный и осторожный Лаврофф тебя поддерживает?

Оливия на секунду задумалась.

– Знаешь, после прошлогоднего поиска дневников Доры и статуи Монtravelя мы еще больше сблизились – стали действовать не порознь, а единым фронтом. Я даже нашу разницу в возрасте перестала замечать... Родиону, конечно, очень хотелось забыть об этой полицейской истории. Но ты же знаешь, в профессиональном чутье ему отказать нельзя: выслушал меня, навел справки и кое-что нащупал.

– Понятно. Значит, вы теперь команда, – улыбнулась Габи, намазывая соленым маслом кусочек хлеба.

– Надеюсь... Послушай, Габи, – Оливия решила перейти к делу, – окажи мне встречную услугу.

Габи взглянула на нее вопросительно.

– Мне нужно встретиться с Марком Портманом. Ты же многих знаешь в этом богемном мирке, может, найдется у тебя полезный контакт.

– Ничего себе задачка, – нахмурилась подруга. – Тут без правдоподобного предлога не обойтись. Дай мне время подумать...

На какую-то долю секунды Оливия засомневалась: Габи явно чувствовала себя виноватой в том, что втянула ее в темную историю с Вишневской, и манипулировать этим было некрасиво. Но внезапная гибель Зои и все сопутствующие ей обстоятельства оставили такое горькое послевкусие и вызвали такой внутренний протест, что Оливия уже не могла остановиться.

К тому же подспудно она продолжала тревожиться, что о ее причастности к этой криминальной эскападе могут узнать и в «Эритаж», и в университете. Начинать профессиональную карьеру с темным пятном в биографии совсем не хотелось...

Если бы им с Родионом удалось изобличить преступный заговор, контуры которого все яснее проступали под оболочкой благородного меценатства, окружавшей деятельность фонда, то ситуация выглядела бы совсем иначе.

Габи позвонила в субботу утром. Оливия бежала трусцой по еще пустынной набережной Сены, прислушиваясь к тому, как вздыхает в дремотной истоме неторопливая река, как лениво и прерывисто перекрикиваются чайки, как смутно завывают вдалеке полицейские сирены, выдергивая горожан из драгоценного сна.

Приблизившись к мосту Менял, на котором в этот ранний час не было ни одного человека, Оливия остановилась, чтобы сделать несколько снимков. Весь окружающий мир, казалось, ей подыгрывал: отблески солнца в неспешной воде собирались в узоры, а ветви старых тополей дробили небо на осколки.

Вдруг раздался телефонный звонок.

– Не разбудила? – бодро поприветствовал Оливию голос подруги. Судя по упредительному сигналу, издаваемому автобусом, энергичная Габи уже неслась по делам или же, наоборот, только возвращалась домой после ночного загула.

– Да нет. Рада тебя слышать...

– Короче, я все устроила. Сначала пыталась договориться через пресс-службу TEJEAN, потом через телевизионщиков, но тщетно. А вчера отправилась с друзьями в бар и встретила случайно старого приятеля, Лео. Он, оказывается, открыл женский интернет-портал: светские сплетни, психология, мода. Так вот у них есть рубрика «Культура», и ее нужно чем-то наполнять. Лео – парень со связями, он

обещал договориться о встрече с Портманом. Его веб-сайт выступает информационным спонсором всех мероприятий фонда. Правда, Илиади, тебе за эту возможность придется попотеть: напишешь для них репортаж об арт-шоу в галерее «Дом»? Портман будет присутствовать на открытии и уделит тебе время.

– Габи, ты гений! Конечно напишу!

– Ну тогда лови номер Лео, пообщаетесь без моего участия. И не пытайся с ним флиртовать, – съязвила она на прощанье, – он хоть и красавчик, но, увы, не по нашей части...

XV

Шоколадная вдова

– Вход только по клубным картам. – Клерк в отглаженной униформе взглянул на него неприветливо. О том, что в оздоровительный SPA-центр для привилегированных парижан невозможно попасть с улицы, Родиону было хорошо известно. Но он заведомо договорился с мадам Мерсье о встрече: дважды в неделю вдова проводила время в этом закрытом клубе в Фонтенбло и не собиралась делать исключений. Однако для знакомого с благозвучной русской фамилией, которого во время юбилейного торжества в Шантйи ей представила двоюродная сестра, мадам любезно оформила гостевой пропуск.

Услышав имя вдовы, администратор резко сменил гнев на милость, отыскал у себя на столе ее заявку и указал Родиону на галерею, огибающую зимний сад.

– Мадам будет ждать вас в гольф-баре. Приятного времяпрепровождения. – Он приторно улыбнулся, исподволь разглядывая гостя.

Галерея привела Родиона в камерное кафе, главным достоинством которого оказался вид на поле для гольфа и обрамляющий его сосновый лес. За круглым столиком восседала знакомая дама. Ее волосы были схвачены эластичной лентой, а слегка лоснящееся после косметических процедур лицо украшали массивные солнечные очки.

Услышав его шаги, она расцвела кокетливой улыбкой:

– А, месье Лаврофф! Рада вас видеть. Не скрою, удивлена вашим звонком...

– Очень вам благодарен, дорогая Адель, что уделите мне время. – Родион решил сразу сократить дистанцию, понадеявшись, что их непринужденная болтовня во время юбилейного торжества в Шантйи расположила к нему наследницу шоколадной империи.

От трудолюбивого Шарля Мерсье, который был старше своей супруги почти на четверть века, Адель унаследовала производство под Парижем и сеть кондитерских магазинов, разбросанных по всей Франции. Кончина мужа повергла вдову в растерянность: в бизнесе

она ничего не смыслила и тратить последние годы молодости на него не собиралась. Назначенные им управляющие быстро почувствовали неладное и один за другим покинули свои посты, найдя себе более предсказуемую и перспективную работу.

Беспокойство вдовы усиливалось и тем, что продавать дорогой шоколад в условиях ослабевающей экономики становилось все сложнее. Вкусы публики усреднялись, да и позволить себе такую роскошь, как ассорти из конфет ручного изготовления, теперь могли лишь настоящие гурманы. Прокатившаяся по стране волна манифестаций и уличных беспорядков вынудила закрыть витрины шоколадных бутиков уродливыми фанерными щитами – страховые компании отказывались оплачивать замену разбитых стекол повторно. В результате в Рождество выручка «Дома Мерсье» оказалась столь мизерной, что мадам решила обратиться к финансовым консультантам и попытаться выставить бизнес на продажу.

Покупатель нашелся в рекордные сроки: им оказалась международная компания, производившая растворимый кофе и низкопробный какао. Та поспешность и удивительная ловкость, с которой была оформлена многомиллионная сделка, натолкнула Родиона на предположение, что дело провернул какой-то оборотливый посредник...

Отчетливо запомнив навязчивое внимание Марка Портмана к вдове, которую тот осыпал комплиментами и окружал назойливыми ухаживаниями во время праздника в честь дня ее рождения, Родион решил проверить, какое участие принимал фонд «мецената» в судьбе непрактичной и богатой Адель Мерсье. Однако мониторинг прессы за последние годы почти ничего ему не дал.

Почти.

В новостной базе данных «Фактива» он обнаружил упоминание картин Герхарда Рихтера, которые мадам любезно предоставила для проведения вернисажа в «Авеню Монтень». В один ряд с этим фактом вставала и уже известная Родиону информация: не так давно вдова передала часть своей художественной коллекции в дар одному частному музею. С ее собственных слов, в том, что «искусство должно быть доступно каждому, а не служить забавой для праздного класса людей», ее убедило не только высказывание великого русского

классика, но и веские аргументы ее единомышленника Марка Портмана.

Дополнительная проверка показала, что эти картины вскоре были проданы. Продолжая находиться в парижском музее, юридически теперь они принадлежали трем маленьким фирмам, зарегистрированным в княжестве Лихтенштейн. Оказалось, что род деятельности этих контор не имел никакого отношения к искусству, однако они охотно приобретали именитые полотна через галереи Анри Монтеня.

Спустя какое-то время некоторые произведения всплывали на крупных аукционах и уходили по цене, в несколько раз превышающей исходный взнос. Эта комбинация имела такое разительное сходство с историей продажи работ Жака Соланжа его душеприказчиком, что Родион решил копнуть поглубже, чтобы найти наконец подтверждение своим предположениям.

Обратившись к двоюродной сестре «шоколадной вдовы», благодаря которой он и оказался когда-то на вечеринке в Шантйи (их связывал в то время необременительный роман, который вскоре закончился на дружеской ноте), Родион получил возможность переговорить с мадам в непринужденной обстановке. Предлог он придумал вполне правдоподобный, поэтому согласие Адель Мерсье вскоре было получено.

После приятной светской болтовни о погоде и знакомых заинтригованная вдова решила перейти к делу.

– Так что же вас сюда привело, месье Лаврофф? Мы ведь ни разу не виделись после моего дня рождения.

– Хотел посоветоваться по одному деликатному делу. Ваша сестра упоминала, что вы удачно продали часть своей коллекции предметов искусства через галерею «Авеню Монтень». И помогал вам в этом, если не ошибаюсь, месье Портман.

– Да, это так. Марк – замечательный человек! Отзывчивый и порядочный. Он сразу отсоветовал мне выставлять на торги ряд вещей – эти художники сейчас не в цене. И приберечь импрессионистов как «золотой резерв». А вот всевозможный авангард и абстракцию, которые мне к тому же совсем не по душе, порекомендовал передать на реализацию галерее Монтень.

– И вы довольны результатами сделки?

– Очень! Картины ушли мгновенно. С ценой, со слов Марка, мы тоже не прогадали. Я его слову доверяю. Но разрешите все же спросить, почему вы этим интересуетесь?

– Дело в том, что от деда мне досталось довольно обширное собрание работ русских художников – в основном девятнадцатый и двадцатый века. Дед сумел перевезти их во Францию, когда родную страну захватили большевики, – солгал Родион с убедительным видом. При этом ему вспомнился хранившийся у мамы «менделеевский» чемоданчик с парой белья, бритвенным набором и энциклопедией практической медицины – единственными вещами, которые его дед сумел взять с собой в новую жизнь.

– И вы подумываете о продаже?

– Да, хочу обзавестись семейным гнездом... Но цены на недвижимость в Париже постоянно растут.

– Значит, решили остепениться. – Вдова взглянула на него лукаво. – Видимо, встретили наконец свою любовь? Ну не смущайтесь, вопрос риторический...

– Встретил, – неожиданно серьезно ответил Родион. – Но в отношении искусства я – человек невежественный. Так что мне очень нужна ваша рекомендация. Сами понимаете, по таким вопросам можно обращаться лишь к проверенным и надежным лицам.

– Что ж, я познакомлю вас с Марком и Анри – это люди с прекрасным вкусом и деловой хваткой. Они все устроят в лучшем виде.

– С Марком Портманом и Анри?..

– Монтенем. Они – соучредители культурного фонда, которому я доверила заботу о моей коллекции.

– И в чем же миссия этого фонда?

– Он помогает людям творческих профессий: спонсирует выставки, выбивает для них гранты. Время от времени фонд берет под свое крыло начинающих талантливых художников, помогая им заработать и со временем прославиться.

– Насколько я знаю, среди них был и Жак Соланж? Я большой его поклонник.

– Да, и он тоже. Очень перспективный творец, как жаль, что его постигла такая участь. – Вдова сняла очки и скорбно взмахнула редкими ресницами. – Анри уделил ему очень много времени, помог

заклучить выгодные контракты с галереями. Они стали по-настоящему близкими людьми. До такой степени, что Жак доверил фонду заботу о всем своем наследии... Думаю, это был очень мудрый шаг!

– Почему? Ведь у Соланжа, кажется, есть семья.

– Ой, да кто знает, как поступила бы эта семья с его гениальными картинами! Сын еще совсем маленький, а его опекунша, сестра Жака, – неотесанная крестьянка. Что она понимает в творчестве? Разбазарит коллекцию в считанные дни. Ведь Жак рисовал сериями и всегда настаивал на том, что его работы – это единое целое. Если их растащат по одной в частные собрания, весь труд Соланжа обесценится!

– Понимаю, – кивнул Родион, почувствовавший, что ему удалось разговорить собеседницу. – Значит, Анри Монтень занимается финансовой частью сделок?

– О, в этом ему нет равных. Анри – доверенное лицо крупных коллекционеров и людей с большими возможностями. У него острый нюх на таланты – он может помочь удачно инвестировать деньги в восходящую звезду или же найти покупателя на картины, минуя аукционы.

– Теперь я понимаю, почему вы доверили ему свои жемчужины...

– У Анри особая стратегия, – продолжила она. – Он считает, что поначалу стоит отдать несколько работ за номинальное вознаграждение, а потом, когда публика войдет во вкус и оценит художника, взвинтить цены до предела.

– И в вашем случае это ему удалось?

– Я согласилась продать несколько небольших полотен, как говорится, «за горбушку хлеба», но это лишь первый этап плана. Заодно Анри выгодно пристроил дорогостоящих Рихтера и Вишневого.

– Вишневого? У меня есть несколько его гуашей. Я давно хотел показать их специалистам...

– С экспертизой вам может помочь Портман, у него в штате лучшие искусствоведы. Они разбираются в творчестве этого художника – его дочь, Зоя, была близкой подругой Марка и сотрудничала с фондом.

Родион вздохнул.

– Мы были с ней знакомы. Выдающаяся актриса и яркая женщина!

Взгляд вдовы неожиданно застыл, сосредоточившись на крошечной белой точке – мячике для гольфа, закатившемся в песчаную лунку на бархатисто-зеленом поле.

– До сих пор не могу поверить и смириться. Зоя была щедрой неунывающей натурой, в ней не угасала любовь к жизни – это было так заразительно... И вдруг – внезапная смерть! У Зои ведь не осталось наследников, ни один из ее многочисленных браков не принес ей радости материнства. Знаете, она до последних дней находилась в каком-то лихорадочном поиске – видимо, ей отчаянно не хватало ощущения привязанности, природной близости, которые женщине может подарить лишь ребенок. И юные мальчики, которых она держала при себе в последние годы... было в этом что-то невыносимо печальное. Возможно, она просто пыталась заполнить пустоту.

– Да, вы правы. По сути, Зоя была очень одиноким человеком, – согласился Родион.

– Невероятно одиноким. К счастью, в последние годы рядом с ней был Марк. Он – человек тончайших душевных настроек, умеет поддержать и вселить оптимизм. Марк взял на себя заботу о наследии ее отца – наверное, единственного человека, которого Зоя по-настоящему любила.

– Вишневская завещала свою коллекцию фонду?

– Я не знаю подробностей, но уверена, что между ними был какой-то договор. Наверное, как и мне, Анри предложил Зое подписать агентское соглашение, позволяющее фонду выступать в качестве представителя ее интересов.

– Это смелый шаг...

– О, поверьте, если и есть в арт-бизнесе люди, с которыми можно иметь дело, то это Марк и Анри. Они разбираются в искусстве, располагают связями и умело управляют финансовыми вопросами. У меня была возможность в этом убедиться: благодаря Анри мне удалось продать компанию мужа до того, как она скатилась в безнадежное банкротство. Он так быстро и ловко все устроил: нашел покупателя, оформил бумаги и провел сделку. Деньги уже у меня на счету. Ну как я могу ему после этого не доверять?

XVI

«Дом»

Галерея «Дом», где должно было состояться арт-шоу, о котором ей предстояло написать репортаж, находилась в одном из старейших кварталов Парижа – Марэ. Оливия выбиралась туда редко и каждый раз отмечала, как разительно отличается это место от чинных буржуазных округов правого берега и от суетливых туристических анклавов левого.

В Марэ текла особая жизнь, в которой пряный аромат фалафеля смешивался с запахом сдобных бриошей, а кинозвезды и министры стояли в одной очереди с богемными оборванцами, чтобы купить к ужину свежий багет.

«Дом» располагался в самой престижной части квартала – в сводчатой аркаде, опоясывающей площадь Вогезов. На аллеях сквера, разбитого перед бывшими королевским дворцами, в этот вечер было пустынно: поднялся резкий ноябрьский ветер, обрывавший с деревьев последнюю листву и швыряющий ее под ноги прохожим. Каменные фонтаны скорбно молчали, а на газонах сидели лишь нахохлившиеся смурные голуби.

В чайных салонах анфилады горели газовые обогреватели, на спинках плетеных стульев висели пледы, однако, кроме нескольких влюбленных пар, посетителей там практически не было.

Зато у входа в «Дом» стояла толпа: на арт-шоу пропускали по персональным приглашениям. Темнокожий красавец в строгом костюме сверялся со списком и одаривал любезной улыбкой тех, чье имя отыскалось среди плотно подогнанных печатных строк, тут же пропуская их внутрь. На пригласительной карточке Оливии стояла пометка «Пресса», и ей удалось пройти фейсконтроль без лишних проволочек.

Галерея, представлявшая собой многоуровневое пространство с гладкими стенами и колоннами из необработанного камня, была уже заполнена до предела. Публика оказалась разношерстной: отличить уважаемого коллекционера от восходящей звезды художественного небосклона было практически невозможно.

Складывалось впечатление, что гости вечера совершили набег на парижский блошиный рынок, разжившись там совершенно несовместимыми с реальностью нарядами: от камзолов-котарди до шотландских килтов, китовых фижм, воланов и корсетов. Среди этой пестроты Оливии удалось выхватить взглядом знакомую фигуру Марка Портмана, чей щегольской лиловый смокинг навевал мысли о «Лидо».

Пробравшись к дальней стене, к которой был придвинут стол, сплошь заставленный напитками, Оливия подхватила бокал вина и отправилась изучать экспозицию. За право пообщаться с Марком Портманом она обещала Лео написать подробный очерк, сдобрив его десятком высказываний и фотографий – «для полного погружения в атмосферу события».

Чтобы справиться с этой задачей, ей пришлось позаимствовать у Родиона фотокамеру, которая теперь болталась у нее на шее на жестком ремешке. Украшение это, впрочем, не шло в разрез с выбранной одеждой: асимметричная черная рубашка, укороченные брюки и забавные штиблеты, купленные в прошлом году у обувного умельца в Соренто, придавали ей хотя и эксцентричный, но все же рабочий вид.

Прогулка по залу напоминала преодоление полосы препятствий: публика разделилась на небольшие группы, между которыми остались лишь узкие ручейки проходов. Маневрировать по этим каналам с камерой было непросто, но благодаря тесноте Оливии удавалось услышать мнения и восторженных почитателей, и непримиримых критиков. Самая жаркая дискуссия разгорелась возле кролика из нержавеющей стали, восседавшего на мраморном постаменте.

– Да вы только всмотритесь в него повнимательнее, – восхищался тучный коротышка в люстриновом пиджачке, – это же метафора безликости окружающего мира! А в зеркальной поверхности отражается самая его суть: деформированный облик современного человека!

Вглядевшись в искаженное отражение собственного лица в глянцевого боку грызуна, дама в модном парике решила с ним поспорить.

– Называть подобную безвкусицу искусством могут только дилетанты. Она бездушна и лишена какой-либо идеи.

Коротышка вспыхнул, и, сделав глубокий вздох, выдал такую уничижительную тираду, что Оливия предпочла отойти и отправиться дальше.

Однако оказалось, что возле соседнего арт-объекта разгорелся не менее горячий спор.

– И пускай его работа лишена эстетики в традиционном смысле слова, – повествовала старушка в довоенном ситцевом платье, берете и девичьих белых носках. – Но присмотритесь повнимательнее: ведь это отсылка к древним манускриптам, своеобразное послание из прошлого в настоящее. Обращение предков к гибнущей цивилизации!

Заглянув ей через плечо, Оливия обнаружила обычную школьную доску, исчерченную меловыми каракулями. Они напоминали треснувшую в нескольких местах пружину.

– Да если на рисунки моей трехлетней внучки поставить подпись этого мазила, то выйдет точно такое же послание, – съехидничал кто-то из собеседников дамы в берете.

Та, осадив его презрительным взглядом, тут же нашла, что возразить.

Покружив еще с четверть часа по экспозиции и получив несколько комментариев от посетителей, Оливия спустилась по лестнице вниз. Там оказалось намного спокойнее: перед развешанными на стенах полотнами гости стояли парами или поодиночке, вдумчиво изучая экспонаты. Оглядевшись, Оливия заметила знакомый профиль: это был довольно известный театральный деятель, с которым ей довелось встречаться в Довиле. Она подошла к нему и негромко поприветствовала.

– Вот так встреча, мадемуазель! – шутливо отреагировал мужчина, явно не помня ее имени. – Хотя чему удивляться: похоже, сегодня здесь собрались все ценители искусства. Но я быстро устаю от общения и уединился, чтобы полюбоваться еще разок на работы Соланжа. Каким удивительным мастерством он обладал, только посмотрите! Так соединять цвета, сталкивать плоскости, чтобы они перетекали одна в другую, мог только гений. В его картинах есть что-то гипнотическое.

– Поэтому он и настаивал, чтобы они выставлялись сериями, – согласилась Оливия. – Ему казалось, что этот цветовой симбиоз был

способен погрузить человека в транс, вызвать эйфорию. Я знаю только одного мастера, который превзошел Соланжа в этом искусстве...

– Интересно, кого вы имеете в виду?

– Посмею предположить, что речь об Андрее Вишневском, – вклинился вдруг посторонний голос. Собеседники обернулись.

За ними стоял Марк Портман, однако в его напыщенном образе что-то изменилось. Вместо карикатурного фата перед ними был мужчина средних лет с усталым лицом и живыми южными глазами.

– Только он, рисуя абстракцию, за счет своей неповторимой техники мог добиться звучания картины – как будто бы она состояла не из мазков, а из нот. Постойте несколько минут перед любой его работой – и вы ее услышите. Не верите? Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Они миновали последний зал и приблизились к аккуратной нише, напоминавшей альков. В ней, мягко подсвеченная сразу несколькими лампами, находилась всего одна картина. Оливия узнала ее сразу – это была «Весна». Правда, подлинник выглядел значительно насыщеннее той репродукции, которую ей показывала Зоя. В оригинале пастельный, зыбкий мир рисунка не был статичен: он словно двигался и дышал, светился изнутри, окатывая мшисто-древесным духом и завораживая переливами оттенков.

– Слышите? Где-то вдалеке шумит река и звучит райский хор птичьих голосов...

– Да, потрясающе, – кивнула Оливия. – Я видела репродукцию «Весны» в доме Зои Вишневской, но оригинал превосходит ее в разы.

– Вы были знакомы с Зоей? – удивился Портман.

– К сожалению, очень поверхностно... Но она успела рассказать мне историю возвращения этой жемчужины в ее коллекцию.

Театральный деятель, которого явно заинтриговали эти подробности, вынужден был ретироваться – его окликнула пожилая дама со сложенным зонтиком, который служил ей опорой. Скроив кислую мину, он нехотя направился к ней, произнося формальные приветствия.

Портман, сунув руки в карманы штанов, о чем-то задумался, а затем произнес:

– Я оказался тем счастливецом, который обнаружил посылку с «Весной» на пороге дома Зои. Это было накануне ее смерти – словно

жизнь, прощаясь, преподнесла ей последний подарок.

Оливия еще раз взглянула на акварель: в правом углу стояла подпись мастера, а левый уголок отсутствовал, уничтоженный огнем.

– Наверное, судьба у рисунка была необыкновенная, ведь столько лет прошло!

– Если верить экспертизе, все это время работа хранилась в достойных условиях, – заметил Портман. – Она явно висела в сухом помещении, вдали от прямых солнечных лучей. Пострадал, как видите, лишь незначительный ее фрагмент. – Он указал глазами на обгоревший уголок. – Специалисты судебно-технической экспертизы, которых мы привлекли, считают, что повреждение получено около года назад.

– А вы уверены, что это подлинник? Ведь столько умелых подделок существует...

Портман сверкнул снисходительной улыбкой.

– Абсолютно. Вишневский написал «Весну» накануне рождения дочери, в сорок четвертом. Все его работы того периода выполнены либо на обрезках полотна, которое он добывал на ткацкой фабрике под Парижем, либо на немецком картоне, который он приобрел на черном рынке в конце сорок третьего. Акварель сработана именно на нем. И потом посмотрите. – Портман протянул руки и аккуратно снял «Весну» со стены. – Вот здесь, на обороте, – цветовая раскладка и аббревиатура кириллицей. Такой «графический код» он оставлял на каждой картине.

– А это что за странная отметка? Ведь тоже кириллица...

Сбоку, у самой кромки, виднелся голубоватый отпечаток – штамп с номером, вписанным от руки, и набором заглавных букв.

– Пример откровенного невежества и дилетантства, – нахмурился Портман. – Видимо, инвентарная отметка какого-то учреждения: музея, выставочного зала или художественного хранилища. Однако разобраться нам не удалось – отпечаток крайне неразборчив. Фонд, конечно, привлек экспертов и попытался...

Тут на лестнице послышался шум и громкие восклицания. Вниз спускалась компания подвыпивших гостей. Одна из дам внезапно оступилась, запутавшись в подоле длинного платья, и потеряла равновесие. Следовавший за ней мужчина не успел увернуться и неуклюже завалился назад, выронив бокал с вином. Тот со звоном скатился вниз и разбился вдребезги о каменный пол галереи. Портман

мгновенно водрузил акварель на место и удивительно проворно для своей комплекции подскочил к лестнице, подозвав по ходу зрителя зала. Пока последний бегал за тряпкой и шваброй, а дама, всхлипывая и икая, поправляла наряд, Оливия позволила себе наглую выходку. Убедившись, что за ней никто не наблюдает – внимание охраны на мгновение сосредоточилось на происходящем, – она сняла «Весну» со стены и сделала снимок обратной стороны.

Когда Портман все уладил и вернулся к своей собеседнице, она уже стояла вдали от алькова и сосредоточенно рассматривала полотно Соланжа. «Весна» по-прежнему красовалась в нише в мягком акцентном свете.

– А ведь я вам так и не представилась, месье Портман. – Девушка поправила фотокамеру на шее, намеренно уводя разговор в другое русло. – Лео Филипп, мой шеф, связывался с вами насчет небольшого интервью. Наш портал – информационный спонсор этого мероприятия, так что я здесь по работе. Уделите мне еще несколько минут?

XVII

Бассейн

Договориться о встрече оказалось несложно – упоминание фонда Портмана и имя Анри Монтеня подействовали на менеджера страхового агентства как гипнотическое внушение. Он мгновенно отыскал в своем графике свободное время и пригласил Родиона заглянуть к ним в отделение с описью имеющихся ценностей.

Придуманная им легенда оказалась вполне рабочей: доставшиеся от русского деда картины были застрахованы очень давно. Контракт продлевался автоматически и много лет не пересматривался. Родион использовал этот вымысел в беседе и с самим Монтенем, которая состоялась на днях в винном баре «Шлюз» в Латинском квартале – недалеко от того места, где располагалась штаб-квартира культурного фонда.

Войдя в двери легендарного кабаре, в котором полвека назад можно было встретить популярных мимов, куплетистов и марионеточников, а теперь в сдержанной атмосфере джентльменского клуба просто выпить хорошего вина, Родион без труда отыскал глазами нужного ему человека.

Монтень сидел у окна с газетой в руках. Его лицо выражало уверенность и спокойствие. Разговор завязался между ними легко, как между двумя старыми знакомыми. На вопросы приятеля «шоколадной вдовы» Монтень отвечал обстоятельно, реплики его были емкими и предельно точными. К таким формулировкам мог прибегать только опытный юрист, знающий цену каждому слову. Или же мошенник высшей пробы...

– Если вы все же надумаете продавать свои шедевры, то я рекомендую вызвать нашего оценщика. Это самый безопасный и верный способ, – подытожил наконец Монтень, поглядывая на часы. – Приблизительную рыночную стоимость можно получить, сопоставив все вводные: размер холста, его состояние, жанр, провенанс и даже страховую историю.

– Кстати, о страховке. – Родион ухватился за подсказку. – Я совершенный профан в этих вопросах, но есть подозрение, что

подписанный мной сто лет назад контракт не учитывает всех рисков. Да и обещанная компенсация весьма неубедительна.

– Всех обстоятельств, увы, не предусмотреть, – возразил Монтень. – Ведь произведения искусства страдают не только от пожаров и преступных замыслов. Случаются и «бытовые» истории: повреждения при транспортировке и нашествия грызунов, не говоря уже об элементарном невежестве. Представьте себе, один из незастрахованных эскизов Брака недавно прикрепили к стене выставочного зала скотчем. Казалось бы, кому такое может прийти в голову? Реставрацию пришлось делать за свой счет...

Повторно взглянув на часы, Монтень сунул руку во внутренний кармашек пиджака, достал небольшой футляр и вытянул из него два картонных прямоугольника.

– Словом, если надумаете – вот телефон нашего оценщика. А по вопросам страховки можете переговорить с этим человеком. – Он постучал указательным пальцем по второй визитке. – Надежнее консультанта не найдете. Я свяжусь с ним по электронной почте: как клиент фонда получите льготные условия. Ну а теперь, месье Лаврофф, я прошу меня извинить – время поджимает.

Глядя в его удаляющуюся спину, Родион подумал, что этот персонаж, несомненно, вызывает доверие. Держался он очень просто, рассуждал убедительно, но главное, от него исходила такая мощная энергия, что собеседник не мог ей не поддаться. В манерах Анри не было ничего хищнического: тон его высказываний казался нейтральным – во всяком случае, в нем не ощущалось личной заинтересованности. Расплачиваясь за напитки, Родион поймал себя на мысли, что партнер Портмана произвел на него приятное впечатление.

Рекомендованному страховому агенту он позвонил лишь через неделю. Перед встречей пришлось порыться в научной базе исследовательского института и школы бизнеса INSEAD – там хранились отчеты финансовых аналитиков. После нескольких неудачных попыток он все же отыскал нужную информацию и связался с консультантом.

Тот уже успел получить письменные инструкции от Монтеня и принял потенциального клиента незамедлительно.

Задав основные вопросы по поводу страхования несуществующей русской коллекции, Родион перешел к тому, что его действительно

интересовало.

– Ну а если говорить о современном искусстве? Компенсация будет такой же, как и для старинных полотен?

– Смотря о каком художнике речь. Все зависит от калибра и рыночной котировки его работ.

– Есть у меня пара картин Жака Соланжа. Анри в свое время сосватал... Тогда они достались мне совсем недорого, но сейчас цены на его творчество прямо-таки взлетели – трагическая гибель мастера поспособствовала, – цинично ухмыльнулся Родион, глядя в маслянистые глаза агента.

– Узнаю почерк Анри, – отреагировал тот невозмутимо. – Когда речь идет о деньгах, он способен предвидеть будущее. Однако жаль, что вы не обратились к нам раньше...

– Я был в бесконечных разъездах, – сокрушенно вздохнул Родион. – Но ведь еще не поздно?

– Конечно нет. Кража или пожар могут случиться в любой момент. Анри наверняка рассказывал вам, как при перевозке из Парижа в Лондон повредили «Осколок солнца» – известную картину Соланжа. Мы выплатили за нее фонду крупную сумму. – Агент назвал цифру, от которой у Родиона потеплело на душе: чутье его не подвело!

Пообещав все обдумать в кратчайшие сроки, Родион вышел из офиса страховой и тут же примостился на бортике фонтана на площади. Достав из портфеля пачку документов – копий финансовых отчетов, обнаруженных в базе INSEAD, – он отыскал нужную строчку и удовлетворенно крикнул. Так и есть! Вот она, схема Монтеня в действии.

Финансовый советник состоятельных лиц, он же филантроп и меценат, опекавший начинающих художников, был предельно расчетлив. Убеждая подопечных выставить ту или иную работу на продажу за бесценок, «чтобы раздразнить аппетит публики и сформировать спрос», Монтень получал очевидную выгоду. Об этом свидетельствовала цифра страховой выплаты, только что названная агентом: она исчислялась из реальной рыночной стоимости полотна и в разы превосходила вознаграждение, полученное от галереи его владельцем. Об этом свидетельствовали финансовые отчеты, которые он держал в руках. И это наверняка лишь верхушка айсберга.

Пожалуй, стоит еще раз переговорить с «шоколадной вдовой» – вдруг она наведет его на свежие мысли?

Однако прежде чем просить мадам о новой встрече, он решил послать ей элегантный букет – в знак благодарности и искреннего расположения. Заказав цветы на сайте, на котором он часто покупал хризантемы для Оливии, Родион попросил доставить их в гольф-клуб на имя Адель Мерсье.

Альфонс Додю, администратор оздоровительного клуба, находился в этот день в приподнятом настроении. Дирекция одобрила его внеочередной отпуск, а значит, он сможет попасть на свадьбу друга в Бретани. Пропускать ее совершенно не хотелось: ну кто откажется провести несколько дней в шикарном пансионе, обустроенном в стенах средневекового замка с видом на океан? И главное, все удовольствия за счет хозяев! Он вспомнил обильные завтраки на террасе и изысканные ужины в каминном зале – ему уже довелось провести пару ночей в этом гостеприимном доме. И кровать с балдахином, расшитым флерде-лис, и ванную комнату размером с его парижскую гарсоньерку, и пушистые полотенца с монограммой, и призывный шелест волн за окном...

Трепетание воды было настолько близким и отчетливым, что администратор невольно втянул носом воздух, пытаясь ощутить йодистый аромат океана. Однако пахло дезинфицирующим раствором для бассейна и освежителем воздуха, который уборщица распыляла в подсобных помещениях, чтобы приглушить запах влаги и плесени.

За спиной бесшумно распахнулась входная дверь. К стойке регистрации подошел мужчина с конусовидной коробкой в руках.

– Букет для мадам Мерсье, – промямлил он.

– Она сейчас в бассейне, – ответил Додю. – Оставьте-ка их мне, я передам.

Кивнув, курьер протянул ему коробку, попросил расписаться в накладной и покинул клуб.

Додю с недоумением взглянул на упаковку – чего только не придумают, чтобы цену набить – понакрутили вензелей, бумаги тонну перевели. И все потом отправится в помойку!

Внезапно он заметил миниатюрный конвертик, аккуратно прикрепленный сбоку. Покрутив головой и убедившись, что за ним никто не наблюдает, Додю достал из него сопроводительную карточку и бегло взглянул на подпись. Фамилия показалась ему знакомой: ах, ну конечно, это тот «особый» русский гость, для которого мадам недавно заказывала пропуск. Битый час интимничали в гольф-кафе, о чем-то рассуждали... Пожалуй, этот букет стоит передать ей сразу – кто знает, что там за интрижка? А то, не приведи господь, увянут желанные цветочки, дожидаясь ее на выходе.

Вздохнув, он достал из ящика табличку «Перерыв», водрузил ее на стойку и поспешил по коридору в сторону бассейна.

В проеме открытой двери просматривалось камерное пространство, примыкавшее к сауне и СПА. Несколько шезлонгов с придвинутыми к ним столиками для напитков, мягкая подсветка, расслабляющая музыка, льющаяся из-под потолка.

На одном из лежаков примостились махровый халат и прозрачная косметичка с ключом от персональной кабинки для переодевания. Рядом на полу стояли изящные черные шлепанцы.

Однако бассейн безмолвствовал: вода казалась неподвижной, зеркально-мертвой.

Вдруг на широких кафельных ступенях, ведущих в хлористую синь, он заметил распластанный женский силуэт. Додю притормозил: возможно, мадам отдыхала, расслабившись после долгих процедур, и его появление в этот момент будет лишним... Но в позе ее было что-то настолько неестественное, что он сделал по инерции еще несколько шагов и замер.

В синевато-лиловой посмертной маске с трудом можно было различить знакомые черты: светлые глаза безобразно выпучены, сероватые губы обметаны отвратительной пеной. Пальцы рук свела предсмертная судорога – будто вдова пыталась уцепиться за ускользающую жизнь, да так и не смогла.

Проклиная все на свете, администратор помчался обратно на свое рабочее место: нужно срочно оповестить руководство и вызвать полицию. Какой дурдом сейчас начнется! Клуб закроют, придется проводить дезинфекцию, рассылать уведомления клиентам...

Забежав за конторку и протянув подрагивающую правую руку к телефону, Додю осознал, что левой по-прежнему прижимает к себе

злосчастный букет – последние цветы в жизни «шоколадной вдовы»:
Адель Мерсье.

XVIII

Провенанс

Это ж надо, в самый депрессивный сезон затянуть дом в леса! Теперь жди беды: воришки по сооружению этому, как мартышки по лианам, так и скачут. Ни на минуту окно открытым не оставить! А месье духоты не любит, дважды в день требует комнаты проветривать. Сам-то целыми днями в разъездах да на встречах, до вечера дома не появляется. Мадемуазель в университете пропадает, зачеты предновогодние сдает. И вся эта содомия ремонтная – скрежетание лебедок на ветру, забористая брань и безголосое пение – одной ей, Саломее, достались...

Закончив разбирать посудомоечную машину, она схватилась за тряпку и принялась полировать мутноватое зеркало. Неожиданно наверху что-то громыхнуло, затем раздался едва различимый стук. Подхватив подол длинной юбки, Саломея припустила по лестнице в кабинет.

В обстановке безупречного порядка, в котором месье содержал свое рабочее место, наметилась дисгармония. Саломея не сразу сообразила, что привносит ее в знакомый антураж. Пробежав глазами по всем поверхностям, она добралась до окна и содрогнулась от неожиданности – к стеклу припало смуглое лицо, которое кричало одними губами: «Мадам! Э, мада-ам! Открой окно! Раму красить буду».

Красить он будет! А ей, что же, сидеть сторожить его, что ли?! У месье тут документы секретные, компьютер и другие ценности – за ними присмотр нужен. Саломея нехотя распахнула окно и, чтобы не тратить даром время, взялась обмахивать метелкой пыль с книжных полок.

Тут раздался приглушенный возглас, мина в окне болезненно исказилась: по паркету зловеще растеклось озеро масляной краски. Опрокинутое ведро откатилось в сторону стола, оставив за собой отчетливый след.

– Имбецил! – рывкнула Саломея, надвигаясь грозой на маляра.

– @#*!!! – жалко возразил он на своем наречии, от испуга позабыв все французские слова.

Достав откуда-то канистру керосина и драную рубаху, рабочий приготовился было прыгнуть в комнату и исправить ситуацию, но Саломея остановила его решительным жестом. Отобрав у малохольного убогий инвентарь, она принялась яростно оттирать краску.

Оливия, вернувшись домой после занятий раньше обычного, застала эту сцену в самом разгаре: развернувшись к окну внушительной кормой и изрыгая страшные проклятия, Саломея размашистыми движениями устраняла последствия инцидента.

На подоконнике, безвольно свесив ноги, сидел мужчина в заляпанном комбинезоне: судя по удрученному выражению лица, он был виновником происходящего.

Приняв наконец канистру у взмокшей от усилий Саломеи, маляр полез по лесам вверх, приговаривая:

– Ну, мадам... Ура-га-ан... Торнадо, а не женщина!

Выдворив с благодарностями деятельную горничную, Оливия уселась за письменный стол и включила ноутбук. В электронной почте висело письмо, которое она отправила себе со смартфона: в послании содержалась одна лишь фотография. Развернув снимок во весь экран, Оливия впиалась в него глазами.

На блеклом штампе, украшавшем обратную сторону «Весны», значилось едва различимо: «З.К.Х.М. АВ-5742».

Поисковик, проглотив комбинацию, не прояснил ровным счетом ничего, и это было ожидаемо: раз уж искусствоведы Портмана не смогли выйти на след, то едва ли ей поможет Гугл... Но должен же быть способ разобраться!

Оливия откинулась в кресле и на минуту прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Однако сколько она ни сопоставляла детали, к четкому плану прийти не удалось. Пожалуй, стоит позвонить Габи – вдруг в записной книжке подруги найдется полезный человек: какой-нибудь старичок-архивариус или технический эксперт, который сумеет вывести ее из лабиринта?

С этой мыслью Оливия собралась выключить ноутбук и вдруг замерла, вперившись в экран. С заставки монитора, которую Родион не

менял больше года, на нее смотрела «Итея» – тот самый эскиз, с которого началась когда-то их авантюра с поисками утерянного в годы оккупации шедевра. «Итея» привела ее в Москву, а потом заставила изрядно помотаться по Франции.

Пожалуй, единственным человеком в кругу ее знакомых, который мог подсказать ей верный путь, был ее новый московский знакомый – коллекционер Ной Волошин. Но от одной этой мысли во рту появился привкус гнили – обращаться к манипулятору Оливии совсем не хотелось. Да и вряд ли Волошин захочет иметь с ней дело после того, как «Итею» увели у него из-под носа. Ведь он, расчетливый бизнесмен и увлеченный собиратель, уже представлял себя на вершине Олимпа. «Итея» должна была стать украшением его коллекции, однако мечте не суждено было сбыться – не по воле providения, а из-за того, что они с Родионом вмешались в это дело.

Во время поездки в Москву, куда год назад ее пригласил тот самый Волошин, она успела побывать на одном предаукционном показе... С минуту поразмыслив, Оливия отрыла ящик письменного стола и, пошарив в нем, извлекла свой рабочий блокнот. В боковом отсеке лежало несколько визиток, однако нужной среди них не оказалось.

Она потеряла кончик носа, что-то припоминая, затем поднялась и направилась в смежную с кабинетом спальню. Отыскав на верхней полке шкафа вечернюю сумочку, заглянула внутрь. Ничего. Но в небольшом кармашке, застегнутом на молнию, нашлась ресторанный зубочистка в целлофане и две визитные карточки. Первая принадлежала модному дизайнеру и жене русского олигарха, Арине. А вторая – Виталию Галину, арт-дилеру, которому представил ее Волошин.

Галин был скользким и малосимпатичным типом, консультировавшим людей той особой породы, которая ставит коллекционирование произведений искусства в один ряд с благотворительностью. В их глазах и то и другое служило признаком хорошего тона и атрибутом успеха. Галин подсовывал им второстепенные работы престижных художников вроде Айвазовского, не стесняясь вздуть цены. Если верить Волошину, среди картин нередко попадались и подделки.

Однако Галин много лет крутился в этом бизнесе и знал нужных людей. Даже если он не сможет ей помочь, то наверняка подскажет что-нибудь дельное.

Вернувшись из спальни в кабинет, Оливия поморщилась: казалось, запах керосина пропитал его насквозь. Отключив ноутбук от зарядки, она спустилась с ним в гостиную.

Посреди комнаты на стуле, как на постаменте, возвышалась статная фигура Саломеи. Горничная распыляла какой-то состав на леденцы барочной люстры и любовно оглаживала их тряпкой, выводя чувственным контральто популярный мотив.

На удивление, Галин вспомнил Оливию сразу. Ну или сделал вид. Так или иначе, на ее электронное письмо он ответил, предложив созвониться.

– Как же, как же, – суетился он, – Ной Яковлевич отрекомендовал вас тогда в самом выгодном свете: парижская журналистка, культуролог... Да и потом как я мог забыть такую эффектную женщину!

Поморщившись, Оливия проглотила комплимент.

– Виталий, мне нужна ваша помощь. Дело в том, что моему близкому другу достались от деда несколько работ русских художников. Он задумал продать одну из них, но вот с провенансом – беда. Дед вывез ее в двадцатых годах из России, но в то время как вы понимаете, было не до справок и бумаг... До Парижа она добралась практически чудом.

– Знакомая история! – оживился Виталий. – Что ж, в таком случае вы обратились по адресу. Арт-банкинг – моя специализация. Оценка и экспертиза, проверка и восстановление провенанса... Как говорится, любой каприз за ваши деньги!

Хохотнув, он добавил деловито:

– В общем, выкладывайте, что у вас есть. А там решим.

Приписав полотно русскому живописцу, чьи работы время от времени всплывали в европейских коллекциях, Оливия упомянула штамп с инвентарным номером и аббревиатурой.

– Фактически это все, что мы имеем. До смерти деда никто в семье и не знал, что скучные картинки на стенах квартиры старика представляют какую-то ценность.

– Это уже немало, – обнадежил ее Виталий. – Знаете что, скиньте-ка мне снимок. Для начала пробьем номер по госкаталогу и проверим шифр музея. А там видно будет.

XIX

Пора остановиться

Парадная дверь отеля выходила на одну из тех искривленных улочек, которыми, как венами, был опутан монмартрский холм. На фасаде здания отсутствовало кричащее название – лишь скромная табличка с четырьмя звездами. Пройдя сквозь лобби, всяк сюда явившийся оказывался перед стеклянной стеной, за которой красовался чудный сад. Мраморный парапет обегал небольшую террасу со столиками, за которыми в летних медовых сумерках любили проводить время не только туристы, но и парижские завсегдатаи.

Зимой терраса часто пустовала, и в солнечные дни Родион назначал здесь деловые встречи. Вот и сегодня, придвинувшись вплотную к обогревателю и поплотнее замотав шарф, он ждал одного важного человека. Медные листья облепили балюстраду, как полчище сонных мотыльков; блеклым золотом отсвечивали кроны деревьев.

Звонок с неизвестного номера отвлек Родиона от созерцания засыпающей природы.

– Я вас слушаю, – произнес он лениво, размешивая сахар в чашке с кофе. – Почему? Как вернулся?! Отказались принять?

Голос в трубке пробубнил что-то невразумительное, а затем растворился.

Наверное, это какое-то недоразумение. Сервис в Париже хромал, хотя в этом цветочном магазине курьеры были вышколены и подобных накладок раньше не случалось. Возможно, вдова просто не появлялась на этой неделе в клубе – мало ли какие недомогания случаются у женщин ее возраста... Оттого и букет ей передать не смогли.

Родион взглянул на часы: как назло, его «источник» сегодня задерживался. Подозвав официанта, он попросил проводить гостя за столик, если тот явится в его отсутствие, поднялся и направился в туалет.

Рядом с портьерой, отделявшей уборную от лобби, стояла хромированная газетница. Родион выдернул из нее свежий «Мондьяль», развернул его и обмер. С первой полосы на него смотрела

моложавая Адель Мерсье. Портрет был схвачен черной траурной рамкой, не оставлявшей сомнений в том, что букет вдове уже не понадобится...

– А почему без перчаток?!

– Я регулярно дезинфицирую руки, мадам. Не волнуйтесь, пожалуйста, – произнес фармацевт, поглядывая из-за прилавка на опрятную старушку. Та сидела на стуле у самых дверей аптеки, пристроив на коленях продуктовую сумку.

– Не волнуйтесь?! – Бабка стукнула о кафельный пол палкой. – Когда мою соседку увозила «Скорая», нам тоже говорили: «Не волнуйтесь, все обойдется!» И знаете что?

Фармацевт изобразил искреннюю скорбь и принялся пробивать лекарства.

– Не обошлось! Через две недели вернули змею – живую и здоровую. Теперь она вновь музицирует – бренчит с утра до ночи под истеричный лай своей паскудной собачки!

– Ну вот, ваши лекарства я сложил в пакетик, и рецептик там же, – с притворной любезностью выдал фармацевт и протянул ей сверток.

– Поставьте пакет на пол и пододвиньте ко мне ногой. Пол, я вижу, у вас почище остального будет.

Брезгливо подобрав попку, старушка поднялась и направилась к выходу.

– Все. Больше я в эту грязную аптеку не приду!

– В прошлый раз она то же самое говорила, – пожаловался аптекарь Оливии, которая дожидалась своей очереди. – Не прошло и недели, явилась снова. Но лекарства, похоже, помогают: с ее слов соседка уже дважды умирала, а вместе с ней и паскудная собачка. А теперь смотрите-ка – снова музицируют!

Доставая из сумки кошелек, чтобы оплатить раствор для контактных линз, Оливия заметила на экране телефона уведомление о пропущенном вызове. Это был Галин.

– Прошу прощения, что так долго молчал, – пробубнил тот в трубку, когда она наконец смогла ему перезвонить. – Сложную вы задали мне задачку.

– Вам что-то удалось разузнать?

– И да, и нет. Пробил вводные по нашим базам, но все очень туманно... Хотя насчет аббревиатуры есть у меня догадка: «З.К.Х.М.» – это, скорее всего, Зиминский областной художественный музей.

– Областной? Но ведь тогда не все буквы в сокращении совпадают.

– Чувствуется, что вы никогда не жили в России, – хмыкнул он. – Это в ваших Европах веками ничего не меняется. А у нас – был краевой, стал областной, завтра окажется республиканский... Как властям удобно будет, так и назовут.

– А насчет Зиминска... вы уверены?

– Абсолютно. Я проконсультировался с отделом научной экспертизы в институте Грабаря – они редко ошибаются. Однако вот что странно. Такого инвентарного номера ни в одном официальном каталоге не числится. Более того, аббревиатура «АВ» перед цепочкой цифр обычно используется как сокращение имени Андрея Вишневского. А вы мне называли совершенно другого художника...

Поняв, что промахнулась с легендой, Оливия замешкалась. Однако Галин расценил ее молчание по-своему.

– В этой истории чувствуется интрига, – подытожил он. – Отправьте мне детальные снимки полотна. Сверимся с фондами, поговорим с экспертами. Как-нибудь разъяснится!

Оливия рассыпалась в благодарностях и пообещала связаться с владельцем картины.

– Буду ждать, – усердствовал Галин. – Шлите все, не сдерживайте себя! Изучим, составим акт, подлатаем бреши в провенансе. Комиссия будет разумной. Я бы даже сказал, диетической!

Родион торопился. Огибая праздных прохожих на набережной Орсе, он мчался в сторону Американской церкви, возле которой его должна была дожидаться Оливия. Перед началом концерта они хотели выпить по бокалу вина в каком-нибудь симпатичном заведении, однако в конце рабочего дня сделать это было непросто. В квартале слишком много банков и адвокатских контор, чьи сотрудники любят пропустить по стаканчику «антр ами», обсуждая служебные перипетии. А потому после шести все бары и бистро забиты до предела.

Оливию он обнаружил на скамейке, с которой открывался вид на набережную. Созерцая стальные воды Сены, она о чем-то напряженно

размышляла. Он подошел к ней сзади, опустил руки на плечи и уткнулся носом в остроконечную макушку. Втянул ноздрями любимый запах – мед и облепиха. Не оборачиваясь, она потерлась об его руку щекой.

– Давай не пойдем ни в какое кафе, – неожиданно предложила она. – У меня был суматошный день: люди, люди, зачет по стилистике, разговор с Танги о новом проекте... А потом еще один важный звонок из России.

Оливия выложила ему все, что сообщил ей Галин, наблюдая, как вспыхивают цитрусовым цветом фонари на мосту Александра III, как льются золотые отблески по белой балюстраде, как оживает мертвенный свинец декабрьской воды.

– Я выяснила: Зиминск – небольшой городок в Сибири.

– Ну и?..

– Помнишь, на столике Зои в день ее смерти стояла коробка конфет – «Сибирский метеорит»? Знаешь, где их производят?

– Уже догадываюсь, – усмехнулся он. – В Зиминске?

– Да, одно крошечное частное предприятие. Каким образом они могли оказаться в Довиле? Их и в Москве-то не найти...

– Не могу понять: ты это связываешь с гибелью Зои или с фактом возвращения «Весны» в ее коллекцию?

– И то, и другое – звенья одной цепочки. И не смотри на меня с издевкой! Доказать не могу, но чувствую, что права.

Родион неожиданно убрал руки с ее плеч и опустился рядом на скамью.

– Мне кажется, нам пора остановиться.

– Ты о чем? – изумилась Оливия.

– Вчера умерла от сердечного приступа Адель Мерсье.

– Печальное известие... но какое отношение оно имеет к истории Зои?

– Я встречался накануне с одним человеком – имени называть не буду. Он работает на крупную аудиторскую фирму, которая проверяла недавно деятельность фонда Портмана. Так вот, – продолжил Родион, прикуривая, – за последние годы организация подписала с десятков агентских договоров. Условия в них разные, но суть одна: фонд получает полный или частичный доступ к частным коллекциям, определяет условия и сроки продажи работ, проводит сделки. То есть манипулирует чужим художественным капиталом на свое усмотрение.

В списке их доверчивых клиентов фигурируют Жак Соланж и Адель Мерсье.

– То есть их смерти все же были неслучайными...

– Это по-прежнему лишь гипотеза. Оба скончались от остановки сердца после заключения контракта. Обоим было в районе пятидесяти – не рановато ли?

– А Зоя? Ее имя упоминалось?

– Нет. И умерла она иначе.

– Что ж, пускай фонд не имеет отношения к ее гибели. Но в случае с Соланжем и Мерсье налицо криминал: не успели они подписать договор, как крышка гроба захлопнулась!

– Криминал возможен, – согласился Родион. – Но он не имеет общественного значения. Разбираться с ним – дело полиции.

– Но мы же провели предварительную разработку, выявили факты... Он обнял ее и прижал к себе крепко.

– Махинации фонда связаны с репутацией крупных и опасных дельцов. По-моему, нам нужно передать всю информацию органам и заняться чем-то другим. – Родион на секунду прервался, чувствуя, как напряглось ее тело в кольце его рук. – Акулы не защищаются, Иви, они нападают. Ты даже не заметишь, как тебе перекусят хребет... Я себе этого потом не прощу.

В готическом соборе царила тишина, нарушаемая негромкими покашливаниями и шарканьем ног. К алтарю бежали ряды деревянных скамеек, упирающихся в мраморные ступени, над которыми возвышался орган. Когда-то с этого подиума, который сейчас пустовал, проповедовал Мартин Лютер Кинг. Сквозь витражи, выполненные мастерами ювелирного дома «Тиффани», лился слабый вечерний свет – восьмиугольная люстра над святилищем молчала.

Когда по ступеням поднялись четверо мужчин со скрипками, Оливия заметила сотни восковых цилиндров, расставленных вокруг алтаря и вдоль стен. Пока вальяжный конферансье представлял музыкантов, по залу заметались, пригибаясь к земле, бестелесные служки. И мириады огней вспыхнули разом, осветив взволнованные лица гостей.

Вспорхнули смычки. Каменные стены множили звуки, взметая их в высоту, к сводам потолков. Сначала плавное кружение, слабые

всплески длинных нот, а затем – внезапный взрыв, извержение огненных искр!

Спустя мгновение уже невозможно было отличить свет полыхающих свечей от сияния скрипичных голосов: слившись в мощный поток, в литургическую золотую взвесь, они порождали внутреннее ликование, чувство благословенного озарения души... Оливия на мгновение зажмурилась: все суетное, мирское – все страхи и сомнения – вдруг отодвинулись на второй план. Остался свет и ясность цели: спокойная уверенность в том, что нужно идти до конца.

XX

Мартель

– Проходите, проходите. – Хозяин дома встретил ее приветливо. – Вы уж извините за творческий беспорядок – транспорт бастует, и моя уборщица вторую неделю не может добраться до Мезон-Лаффит... Знаете что, давайте-ка лучше в библиотеку. Там нас ничто не будет отвлекать.

Шагая через анфиладу дверей, Оливия смотрела по сторонам, подмечая детали. Каменный особняк Сержа Мартеля, второго мужа Зои Вишневской, напоминал огромную музыкальную шкатулку. В каждой комнате стояли золотые дискантовые ключи, глобусы, граммофоны и другие статуэтки, напоминавшие о победах маэстро. Посреди гостиной красовался рояль с развернутой нотной партитурой.

И только в библиотеке ничто не напоминало о том, что владелец дома – оscarоносный композитор, лауреат престижных музыкальных премий и автор самой узнаваемой французской киномелодии.

Сейчас ему было уже за восемьдесят, но движения его были точны, а речь и ясность взгляда выдавали человека, в котором не угасал интерес к жизни и не остывала любовь к профессии. С Зоей они прожили почти четверть века и расстались без скандалов и драм – как близкие и дорогие друг другу люди, чьи жизненные пути постепенно разошлись.

Библиотека оказалась светлой угловой комнатой, напоминавшей застекленную дачную веранду. Одна из стен была разлинована полками, на которых громоздились разномастные фолианты. Промеж корешков мелькали семейные фотографии и старые открытки: Биарриц, Довиль, Сент-Тропе.

Ко второй было придвинуто антикварное бюро с откидной крышкой. На нем возвышались лампа для чтения и бюстик древнегреческого мыслителя. Пахло книгами и табаком, отдавало ностальгией.

– Присаживайтесь, я принесу вам кофе, – дружелюбно предложил Мартель, указывая на диван, обитый кремовым трипом.

Устроившись, Оливия посмотрела в окно. За стеклом дрожали голые ветви деревьев, ветер устало перебирал листву, волоча ее по земле. В глубине обнажившегося сада чернела пустынная скамейка.

– В природе все как в жизни, правда? – услышала она голос композитора. Он стоял перед ней, протягивая блюдце с дымящейся чашкой. – Поздняя осень напоминает старость: ветер сдирает покров, а под ним – лишь остовы желаний... Ладно, простите словоблуда, – исправился он, – давайте лучше о деле. Вы хотели что-то разузнать о Зое? Ею часто в последнее время интересуются – журналисты называют практически каждый день. Я гоню их в шею: не люди, а падальщики.

– Почему же вы согласились поговорить со мной?

– Дело в том, что я близко знал Дору, наследницу и музу Октава Монтралея. И помню, сколько лет она пыталась разыскать исчезнувшую в годы войны «Итею». То, что не удалось ей, получилось у вас! Каждый раз, когда я прохожу по саду Тюильри и любуюсь этим шедевром, вспоминаю лицо одной талантливой журналистки. – Он взглянул на Оливию с симпатией. – Год назад оно мелькало на каждом телевизионном канале, в каждой газете. И вот теперь я вижу его перед собой. Чудо же, правда?

Заметив, что смутил этой тирадой гостью, Мартель поспешил сменить тему.

– Итак, Зоя... Признаться, мне нелегко о ней говорить – так мало времени прошло с момента смерти. Кто бы мог подумать, что я ее переживу!

Глаза композитора заблестели.

– Понимаете, так получилось, что я виделась с ней в день смерти, – призналась Оливия. – Мы снимали материал для юбилейного фильма об ее отце.

– Тот, что показывали на канале «Arte»? Отличная работа, – одобрил Мартель. – Я пересматривал его дважды.

– Так вот, в перерыве между съемками Зоя рассказала мне о «Весне».

– О той акварели, которая исчезла в конце войны?

Оливия кивнула.

– Не поверите, но кто-то анонимно вернул ее Зое. Незадолго до смерти.

– Что ж, я рад, что «Весна» сохранилась... Этот рисунок стоил всей коллекции Вишневого – так утверждала Зоя. В сорок четвертом вместе с парой других работ родители передали его на хранение своему семейному доктору – Осипу Штерну. Сами они в тот трудный период переезжали с места на место и рисковать не хотели.

– Почему же они не законсервировали все в парижской квартире?

– Во время оккупации пустующее жилье в центральных кварталах занимали офицеры рейха. Они же вывозили оттуда все ценности – вам ли не знать!

– Вы правы... Так что же случилось с доктором? И куда подевались картины?

– Длинная история. Вряд ли вам захочется вникать в семейные перипетии, – неожиданно замкнулся Мартель.

– Наверное, я должна была рассказать вам сразу... В общем, это я обнаружила тело Зои и вызвала полицию. С тех пор постоянно об этом думаю.

Он взглянул на нее удивленно, но углубляться в подробности не стал.

– Признаться, и у меня сердце не на месте. Газеты во всем винят алкоголь, которым она в последнее время злоупотребляла. Что ж, может, в этом и есть доля правды. Однако свой последний вечер Зоя проводила не одна, а ее таинственный компаньон пожелал остаться неизвестным...

Он замолчал и поднялся из кресла.

– Знаете, я все время пересматриваю старые записи. Какая она была, когда мы встретились! Юная, искренняя, ранимая... совершенно безыскусная. Только взгляните.

Он протянул руку к пульту, лежавшему поверх бюро, и нажал на кнопку. В книжном шкафу вдруг вспыхнул монитор, на который Оливия сначала не обратила внимания. На встроенном экране появилась заставка: «Парижский фестиваль театральных миниатюр».

Затем на белом фоне возникло черное пятно, которое по мере приближения камеры превратилось в женский силуэт. Тонкая фигура в темном платье стояла спиной к зрителю. Наконец тихо, словно издали, зазвучал знакомый голос. Медленно разворачиваясь к камере лицом, юная Зоя читала стихи. Чистосердечно, без драматического

надрыва и театральных интонаций, как будто делаясь сокровенным с кем-то очень близким.

Я думала, Россия – это книжки.
Все то, что мы учили наизусть.
А также борщ, блины, пирог, коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола. И темные иконы.
И светлой Пасхи колокольный звон.
И эти потускневшие погоны,
Что мой отец припрятал у икон.
Все дальше в быль, в туман со стариками.
Под стук часов и траурных колес.
Россия – вздох. Россия – в горле камень.
Россия – горечь безутешных слез^[19].

– Такой я ее увидел впервые. Мы провели за разговорами пару вечеров, но дальше этого дело не пошло. У меня дети, семья. Да и она была тогда обручена. Ее первым мужем стал старый приятель отца. Он часто бывал в их доме, знал Зою еще подростком. Когда Вишневский умер, тот очень поддерживал и опекал ее. Для Зои уход отца стал настоящей трагедией. Она была невероятно, почти болезненно, привязана к нему: складывалось ощущение, что они – два края раны, стянутые нитью судьбы.

– Тот ее брак... Он ведь долго не продлился?

– Они разбежались буквально через год. Я тогда еще об этом не знал. Пришел однажды в «Театр Старой Голубятни» и увидел ее на сцене. Имя Зои не было заявлено в афише – она подменяла заболевшую актрису. Играла какую-то русскую барышню, гибнущую от тоски в эмиграции. Что-то в духе набоковской «Красавицы». После спектакля я заглянул к ней в гримерную. Мне казалось, я выгляжу пошло: старый павиан окружает вниманием молодую самку. Сейчас она обернется, произнесет пару вежливых реплик и выставит меня за дверь. Но вместо этого она поднялась, сняла с плечиков плащ, сказала буднично: «Пойдем, уже поздно». С того вечера мы не расставались.

Оливия хотела было поинтересоваться причинами их развода, но вдруг смутилась.

– Нет-нет, дело было не в изменах. – Мартель оказался проницателен. – Я любил Зою неистово, ни о ком другом и подумать даже не мог. Этим я напоминал ей отца – она нас часто сравнивала. А вот в себе черт собственной матери она не замечала. Говорила пренебрежительно: «От нее мне досталась только внешность».

– Они были похожи?

– Неотличимы!

– Почему же вашу жену так напрягало это сходство?

– Трудно сказать. Может, потому что красота не принесла Ольге счастья.

Оливия удивленно округлила глаза.

– Да-да, ведь на самом деле их брак с Вишневым было сложно назвать удачным. Он страстно любил жену, мечтал о совместном ребенке, а та... – Мартель махнул рукой. – Впрочем, вряд ли я имею право об этом распространяться.

– Ну а Зоя... маленькая Зоя догадывалась, что между родителями неладно?

– Не думаю. Правда через несколько лет после смерти матери, уже подростком, она нашла на чердаке дома в Довиле какой-то саквояж. Представляете, как в кино: среди хлама, мольбертов и подрамников пылилась древняя багажная сумка. В ней мундштуки, перчатки, манишки, сплюснутые шапокляки и прочие атрибуты довоенного прошлого. На самом ее дне лежал несессер для письменных принадлежностей. В нем хранилось несколько свернутых листов, исписанных Ольгиным почерком. Я не знаю точно, о чем там говорилось – Зоя эту тему упорно обходила молчанием. Однако с того момента ее отношение к матери резко переменилось – она словно стала для Зои чужим человеком.

– Ну а как же доктор Штерн? Неужели никто не пытался его разыскать?

– Отчего же... Ольга ведь была близка со Штерном – он лечил ее от жестоких мигреней. После освобождения Парижа она наводила справки, отправляла запросы и сумела кое-что выяснить. Дело в том, что жена доктора была еврейкой. Почти всю войну им удавалось это скрывать – она не носила нашивки в виде желтой звезды на одежде. В

конце концов кто-то написал на нее донос. Зоя утверждала, что это сделала одна из пациенток Штерна – между женщинами вспыхнул конфликт. Словом, в сорок четвертом мадам арестовали и депортировали. Над самим Штерном сгустились тучи. Фамилия, смахивавшая на немецкую^[20], долгое время его выручала, но после высылки жены перестала служить надежным прикрытием. Сосед Штерна по лестничной клетке был полицейским. Однажды он зашел к доктору и посоветовал исчезнуть из города как можно скорее – шла очередная зачистка. Штерн уехал из Парижа незадолго до вывода немецких войск. С собой он прихватил и работы Вишневого, включая «Весну».

– И потом он так и не объявился?

– Я вижу, история не оставила вас равнодушной, – грустно усмехнулся композитор. – Долгое время нам ничего не было известно. Но в семьдесят восьмом опубликовали «Мемориал» – список имен депортированных евреев, даты их ареста и названия лагерей, куда они попали. Зоя отыскала там жену Штерна, а вот судьба самого доктора так и осталась под вопросом. Однако через десять лет случилось чудо: всплыли две работы Вишневого, пропавшие вместе с «Весной». Одна богатая швейцарская семья одолжила их для ретроспективной выставки в Париже. Картины привезли в столицу, и тут оказалось, что они давно разыскиваются европейской комиссией по вопросам реституции.

– Как же эти люди заполучили полотна?

– Оказалось, в сороковые годы их дед заведовал госпиталем в Безансоне. В конце войны туда устроился работать один приезжий русский доктор. Они подружились. Доктор рассказывал о своих планах: обратиться в советскую репатриационную миссию и подать заявку на выездную визу. Однако для реализации плана ему нужны были деньги. Тогда он продал все свое имущество, включая эти картины.

– Постойте... Вы хотите сказать, что Штерн покинул Францию?

Композитор кивнул.

– Полагаю, что «Весна» отправилась с ним – акварель ничего не стоило спрятать в личных вещах.

– И больше о докторе вы ничего не знаете?

– Только то, что его след теряется в момент пересечения границы СССР в сентябре сорок пятого.

Оливия опешила.

– Неужели белоэмигрант Штерн вернулся в Советский Союз, да еще в такой момент?! Это же чистое самоубийство!

– У вас ведь русские корни, верно? – вдруг уточнил Мартель.

– Мама родилась и выросла в России. Выйдя замуж за моего отца, в начале девяностых она оказалась в Греции. По-русски я говорю благодаря ей.

– Тогда, возможно, вы в курсе, что после войны миллионы русских были репатриированы. Многих из них выслали из Европы принудительно, но нашлись и те, кто поверил обещаниям Сталина и захотел отправиться в СССР добровольно. Например, французские коммунисты и белоэмигранты, страдавшие неустроенностью и так и не выучившие язык. А также французы и француженки, вступившие в брак с советскими гражданами, угнанными на работы в Германию. Если верить Зое, клиентами Штерна были в основном свои – полностью ассимилироваться ему не удалось. В Париже хватало врачей, кому нужен какой-то приезжий доктор? Так что после трагической смерти жены он вполне мог устремиться в Советский Союз – в державу, спасшую мир от фашизма. В страну, во главе которой стоял выдающийся человек...

– И все-таки это звучит абсурдно – ведь уже тогда было известно об ужасах сталинского режима. Как человек в здравом уме мог на такое решиться?

– Милая моя, – вздохнул композитор, – вы молоды, а потому плохо себе представляете настроения, которые владели Европой в конце войны. После победы под Сталинградом в глазах многих СССР превратился в супердержаву, способную спасти мир от фашизма. Советское государство казалось идеальной моделью общества, в котором каждому доставались кусок хлеба, рабочее место и крыша над головой. И даже «белые русские», люто ненавидевшие коммунизм, но тосковавшие по Родине, подверглись этой эйфории. Пользуясь благоприятной ситуацией, Сталин вскоре издал декрет о восстановлении в гражданстве подданных бывшей Российской империи^[21].

– Ну и как много народу клюнуло на эту приманку?

Мартель неопределенно пожал плечами:

– Увы, я знаю об этом лишь из рассказов Зои. Она ведь всегда поддерживала связь с русской общиной – даже когда стала знаменитостью. Кажется, желающих уехать набралось тысяч семь или восемь... В кругах эмиграции тогда царил раскол – одни утверждали, что возвращенцев ожидает ад. А другие искренне верили, что им предоставляется шанс обрести родную землю и помочь стране восстановиться.

Тут лицо композитора исказила гримаса. Он вытянул перед собой левую ногу и потер колено.

– Правда состоит в том, – добавил он, когда боль отступила, – что человек всегда надеется на чудо. Уж такова его суть. «Родина ждет вас!» – провозглашали агитплакаты, обещая трудоустройство, бесплатную медицину, образование и материальную помощь. Похожие слова звучали и в советском посольстве, в котором проходили показательные приемы. В то же время истощенная Франция ничего не могла предложить своим приемным детям... В сорок пятом вновь ввели продуктовый паек – он был скуднее, чем в годы оккупации. Да и с работой было плохо.

Мартель тяжело поднялся и, прихрамывая, подошел к окну.

– Конечно, сталинским призывам поверили не все, – продолжил он. – «Родина ждет вас, сволочи!» – так шутили на своих тесных кухнях люди, потерявшие уже однажды землю, близких, средства к существованию... Те, кто лишился всего, кроме безрассудной надежды. Но именно она заставляла их терзаться вопросом: а что если действительно ждет?? В общем, после капитуляции нацистской Германии несколько тысяч добровольцев решили вернуться домой. Среди них, вероятно, оказался и доктор Штерн...

XXI

Акцент

Главный редактор журнала «Эритаж» Поль Танги пребывал в скверном настроении. После собрания акционеров, на котором обсуждались финансовые результаты полугодия, ему пришлось целый час отбиваться от нападков руководства. Рейтинги, а с ними и продажи журнала молниеносно падали.

– Даже у «Этуаль де Франс» ситуация лучше. Докатились! – гремел генеральный директор, метаясь по кабинету. – Такое ощущение, что вы потеряли нюх! Где разоблачения, мой друг, где сенсации?!

– Скандалы и сплетни – удел желтой прессы, – сухо возражал Танги. – Мы публикуем только качественный контент.

– Так вот и сделали бы качественно! Все издания нашего холдинга в октябре написали о Вишневских: у него был юбилей, а она вообще умерла. О таком инфоповоде можно лишь мечтать!

Генеральный плюхнулся в кресло и пододвинул с себе лэптоп.

– Теперь-то, конечно, уже поздно. Но я отправлю вам ссылку на общий архив медиагруппы: там фрагменты из интервью Зои Вишневской, которые не вошли в фильм об ее отце. И множество свежих фотографий. Может, найдете, за что зацепиться. Поговорите с пиарщиками, Танги, срежиссируйте что-нибудь! Не мне вас этому учить!

Запершись в кабинете и достав бутылку арманьяка, редактор принялся просматривать присланные материалы. Щелкая по иконкам и разглядывая лица людей, он вяло размышлял о том, что до пенсии ему не дотянуть. Оставалось еще три года, но с каждым днем он все острее ощущал, что время честной журналистики закончилось. Теперь постоянно требовалось что-то фабриковать, инсценировать и раздувать – по-другому удержаться в топе было невозможно.

Ткнув на первый попавшийся видеофайл, он принялся слушать рассказ Вишневской об артистическом Париже. Речь ее была внятной, умело поставленной, но намеки на сенсацию в повествовании

отсутствовали. «Чему удивляться, – злился главред, – в этой информационной свалке разве отыщешь жемчужину...»

И тут он насторожился. В голосе журналистки, задававшей актрисе вопросы за кадром, ему почудилось что-то знакомое. Танги усилил звук и припал ухом к динамику. «Оч-чень интересно, – пробормотал он. – Так-так... Где тут дата записи?»

Через секунду он уже разговаривал со своим секретарем, уточняя, в каких числах сентября стажерка Оливия Илиади была направлена с редакционным заданием в Довиль. Да-да, на русский творческий фестиваль, помните?

Полученный ответ его несказанно обрадовал.

Звонок босса застал Оливию в электричке – единственном пригородном экспрессе, на котором теперь можно было вернуться из Мезон-Лаффита в Париж. В последнее время забастовки транспорта стали делом обычным, так что удивляться этому не приходилось.

Вагон шумел, возмущался, надсадно кашлял, поэтому разговор с Танги пришлось свести к нескольким репликам. Однако из них стало понятно, что главреду не терпелось обсудить что-то важное: он просил «обязательно зайти к нему в понедельник».

Родиону о своем визите в Мезон-Лаффит она рассказывать не стала – к чему эти подробности, если дальнейшей разработкой темы он заниматься не намерен? По большому счету они теперь и ей были не нужны...

Однако на следующий день ситуация изменилась.

Когда Оливия, сдержанно постучав в дверь, заглянула в кабинет главреда, тот сидел на корточках возле шкафа и выдергивал одну за другой какие-то папки.

– Я занят! – рявкнул Танги, не оборачиваясь.

– Но вы просили зайти...

– А, Илиади! Присаживайтесь. – Он жестом указал ей на стул. – Есть разговор.

Редактор поднялся, облокотился на спинку кресла и уставился на нее из-под седых, тщательно подстриженных бровей.

– Вам нравится у нас работать?

– Конечно, – осторожно ответила Оливия, понимая, что такая прелюдия ничего хорошего не сулит.

– И вы хотели бы через год попасть в постоянный штат, верно?

– Мы обсуждали с вами такую возможность...

– Так какого же черта, – побагровел он, – вы, стажерка, позволяете себе работать на два фронта? В оплачиваемое редакцией время?!

Танги развернул к ней свой компьютер и ткнул пальцем в экран.

– Интервью у Вишневской в Довиле брали вы?

Отпираться было бесполезно...

– Я сразу узнал ваш голос, – нагнетал редактор. – Вас выдает акцент! Да-да, вы чудесно интонируете. Знаете, в этом даже есть свой шарм, свой узнаваемый стиль. Но в данном случае он вас подвел!

Нервничая и сбиваясь на ненужные детали, Оливия рассказала ему предысторию.

– Что ж, готовность прийти на помощь другу – похвальное качество. Однако по условиям договора с «Эритаж» вы не имеете права работать на другое СМИ. Даже если оно относится к нашему медиахолдингу. Так что зайдите в отдел кадров и получите расчет – мы с вами прощаемся.

Возразить было нечего. Поднявшись, Оливия направилась к выходу.

– За эти месяцы, – неожиданно бросил ей в спину редактор, – за вами закрепилась репутация моей любимицы. Должен признать: вы мне действительно нравитесь. У вас пытливый ум и нет предубеждений. Такие люди беспокойны и неутомимы: они всегда стремятся сделать больше, чем от них ждут. Именно поэтому, Илиади, я готов дать вам второй шанс.

Оливия обернулась: неужели не шутит? В медийной среде Танги был лицом влиятельным – при желании он мог бы легко испортить ей карьеру. То, что главред «Эритаж» намерен закрыть глаза на ее промах, казалось настоящим чудом.

Однако вскоре выяснилось, что чудеса в исполнении босса были небескорыстными.

– Раз уж вы успели встретиться с Вишневской, – произнес Танги, полируя ногти о бортик вельветового пиджака, – то многое знаете об их семействе. Нам нужен материал. Не биографическая лирика, не глянец, а сильная, бьющая по эмоциям история. С эффектным

финалом! Давайте думайте, как нам встряхнуть читателя. Это ваш шанс!

Гладильную доску в этот день пришлось пристроить в кабинете: в спальне, где Саломея обычно приводила в порядок хозяйские вещи, находиться было нельзя. Между месье и мадемуазель разгорелся спор, грозящий перейти в скандал. За годы работы в «мезон Лаврофф» и появления в его стенах Оливии подобное Саломея наблюдала впервые.

– Ты даже не представляешь, в каком положении окажешься, – втолковывал ей месье. – Старый лис Танги – отъявленный манипулятор. У его штатной команды разработка темы отнимет слишком много времени и сил, все остальные дела встанут. Кроме того, история эта скользкая и запутанная – слишком велик шанс оскандалиться. Вот он и решил свалить все на стажерку!

– Вполне возможно. Но ты забываешь об одном обстоятельстве: мне действительно многое известно. Танги просто верит в меня, осознает мою ценность...

– Ценность? А что он теряет, если ты не справишься? Не сумеешь собрать в срок материал – от тебя просто избавятся, и все. Припомнят случай «нарушения профессиональной этики» и выставят за дверь. С такой характеристикой о работе в солидных изданиях можно будет забыть!

– Вот мы и добрались до сути. – Ее голос задрожал, завибрировал, как случайно задетая струна. – Ты всегда ставишь под сомнение мои таланты, мой шанс на успех. Да-да, не отпирайся: так было и с «Итеей»! Ты ведь отговаривал меня от поездки в Москву и от встречи с коллекционером Волошиным. Поэтому я поначалу не посвящала тебя в свои планы и вела расследование в одиночку...

За стеной с возмущенным шепотом сомкнулись шторы. Скрежетнул по полу стул – месье, по-видимому, потребовалось сесть.

– Молчишь? – продолжала Оливия, все больше распаляясь. – Значит, я права. Мы разыскали шедевр великого скульптора, он украшает теперь сад Тюильри. Однако это не является в твоих глазах ни заслугой, ни доказательством того, что у меня есть чутье!

– Да не говори ты ерунды! В эпопее со статуей хотя бы не было криминала. А из-за смерти Вишневецкой тебя задержали почти на двое

суток. Все это разбирательство, жандармы, адвокаты... ты понимаешь, чем это могло закончиться? Взгляни на вещи трезво: ты ведь не первый раз позволяешь себя использовать. Сначала Волошин с поиском нужных ему бумаг, затем Габи с интервью, а теперь еще и Танги. Твой авантюризм – порождение нездоровых амбиций, которые черт знает куда тебя заведут!

– Да без них ничего не добьешься! – парировала она. – Сегодня побеждает не тот, кто опытнее и умнее, а тот, кто смелее и быстрее! Ты просто потерял гибкость, увяз в своей архаике: в глобальных политических расследованиях и прочих «значимых» делах, в которых можно ковыряться годами, а потом еще столько же писать об этом книгу. И даже не замечаешь, что широкой публике это все до фонаря!

– Поступай, как знаешь, Иви, – сдался он. – Запретить я тебе не могу. Но поддержки от меня не жди. Ты кашу заварила, тебе и расхлебывать.

XXII

Такое кино

– А что, остросюжетно! – Танги поплотнее затворил дверь, чтобы не случилось утечки информации. История, которой поделилась с ним Оливия, казалась многообещающей. – Журналистскими расследованиями, как вы знаете, «Эритаж» не занимается. Мы пишем о взаимоотношениях поколений и столкновении культур. Но если вам удастся собрать материал о том, как акварель великого художника попала из Парижа в Сибирь и через семьдесят лет вернулась к своей владелице, да еще накануне ее трагической смерти, – это будет бомба!

Заметив сомнение в ее лице, главред решил подкинуть аргументов.

– Ваше имя мы поставим прямо под заголовком. И с контрактом на работу в сентябре все срастется – я об этом позабочусь.

– Что ж, – решила Оливия, – можно попробовать. Мне удалось уже кое-что выяснить: следы «Весны» ведут в один сибирский городок...

– Вот и поезжайте туда! Оформим вам командировку. Помощь с визой нужна?

Девушка качнула головой.

– Ну и славно. – Танги послал ей ободряющий взгляд. – Отпрашивайтесь на факультете, бронируйте билет – и в путь!

Как только Оливия исчезла, энтузиазм сошел с его лица. Редактор устало потер веки и, подперев вялую щеку, уставился в окно. Никакого открытия эта девочка, конечно, не сделает. Но ведь за ней стоит Лаврофф с его колоссальным опытом и связями. На пару крепкую историю они соорудят – получилось же у них наделать шума с «Итеей». Столько потом было восторгов в прессе, столько хвалебных статей! Может, сложится и на этот раз? Хотелось бы верить.

Оливия сморщила нос – из университетской столовой опять тянуло гарью. Вытащив из сумки сэндвич, она уселась на банкетке в фойе и уставилась в конспект. Подготовиться к занятию ей не удалось – вчерашняя ссора с Родионом вывела ее из равновесия, словно кто-то

выбил из-под ног опору. Всю ночь она проворочалась, так и не сомкнув глаз, а наутро, едва рассвело, собрала вещи и вышла в город.

До «CELSA»^[22] ей пришлось добираться на своих двоих: перед Рождеством общественный транспорт встал окончательно. После долгого петляния по промозглым, пропахшим собачьей мочой переулкам оказалось, что можно было не спешить: преподаватель и сам опаздывал.

Гнилая декабрьская тоска, в которой сливались недосып и обида, накрыла ее с головой. Еле сдерживая слезы, Оливия жевала свой суховатый бутерброд и вчитывалась в лежащий на коленях текст: «Формируя псевдореальность, которая транслируется массовому адресату, современная журналистика...»

– Лекции по риторике не будет! – произнес кто-то заговорщицки, опускаясь рядом на банкетку.

Это был ее приятель Франсуа. Оливия уставилась на него, не сразу поняв, о чем речь.

– Отменили, говорю, лекцию. И защиту проектов перенесли. Преподы не смогли выбраться из своих пригородов, так что гуляем!

– Я как-то не настроена сегодня гулять, – буркнула она и уткнулась обратно в конспект.

Он покосился на нее, вытянул из кармана пластинку мятной жвачки и сунул в рот.

– Так давай я тебя подброшу! Не потащишься же ты на свой Монмартр пешком...

Оливия помрачнела еще больше. Родион работал сегодня дома, встреч у него не намечалось. К новым разговорам, как и к любой другой форме общения с ним, она была не готова.

– Слушай, а как насчет кино? Мне тут рассылка пришла: в «Студии 28» крутят новый фильм с Касселем. Может, сходим? – предложила она, запихивая тетрадь в сумку.

Франсуа, не скрывая радости, натянул мотоциклетный шлем и подмигнул ей: погнались!

Целую четверть часа они простояли в пробке на бульваре Батиньоль, недалеко от Монмартра. Город гудел и вибрировал в неистовых порывах декабрьского ветра, дребезжал карнизами, хлопал проржавевшими ставнями. Тонкое пальто, которое Оливия схватила с

вешалки в утренней спешке, совсем не спасало от холода: все внутри нее сжалось в мучительном спазме, не дававшем свободно вздохнуть.

– Прижмись ко мне, согреешься! – прокричал Франсуа через плечо, почувствовав, как она дрожит. – Сейчас попробуем проскочить... Держись!

Повернув ручку газа, он сорвал мотоцикл с места и принялся прошивать ряды стежками, пробираясь между стоящих машин, вспрыгивая на тротуар и вновь скатываясь с него на трассу. Вслед раздавались автомобильные гудки и грубые комментарии; пешеходы шарахались, вскидывали руки в возмущенных жестах...

Наконец, они миновали затор и оказались на финишной прямой. Неожиданно солнце пробило завесу облаков, хлынуло им навстречу с холма, отражаясь в сотнях оконных стекол и рассыпая позолоту по тусклой брусчатке. Оно катилось на них дрожащим переливчатым шаром, обтекая припаркованные у обочины фургоны, пыльные легковушки, городские велосипеды. Накатывало сверкающей волной, ослепляя, как вспышка случайного чувства.

Наконец, Франсуа притормозил у невысокого дома. Нижний этаж его занимал кинотеатр, ставший когда-то местом встреч парижской богемы. Вход в заведение обрамляла декоративная арка, к которой вели ступени, покрытые ковровой дорожкой.

Гонщик достал телефон.

– Приехали впритык. Рекламу пропустили, ну и хрен с ней... Илиады, а ты разрумянилась!

Франсуа повесил шлем на ручку мотоцикла, придвинулся к ней вплотную и навел объектив.

– Запилим снимочек на память?

Приятель обнял ее за плечи, и тут же раздался щелчок.

– Пойдем уже, папарацци, – поторопила Оливия, – у нас ведь еще билетов нет...

После сеанса они проболтали целый час во внутреннем дворе кинотеатра. Там были расставлены деревянные столики, кадучки с пальмами и газовые обогреватели. Потягивая панаше, Франсуа развлекал ее артистическими байками, которые так и сыпались из него одна за другой. О Клоде Лелуше, который не первый десяток лет приходит сюда на все премьеры; об эксцентричном Жане Кокто,

нарисовавшем когда-то эскизы светильников для зрительного зала, и о тех знаменитостях, чьи портреты украшают внешнюю стену «Студии 28».

Ближе к обеду Франсуа завез Оливию домой и прокричал ей сквозь рев мотора:

– До завтра, подруга! И не забудь прислать мне аналитику по проекту.

– Слушай, ты совсем обленился, – засмеялась она. – Ну так уж и быть, осчастливлю...

Помахав ему рукой, она набрала код и открыла калитку.

Покой в квартире нарушал лишь художественный свист, доносившийся с улицы. Скинув пальто и кроссовки, Оливия прошла внутрь и заглянула в холодильник. Обнаружив в нем коробку с суши, девушка обшарила глазами кухню – неужели соевый соус закончился?

– Ну, как твой зачет? – раздался с террасы голос Родиона. После окончания ремонта он снова просиживал там сутки напролет со своими документами.

– Все по плану, – буркнула она. – Ты уже поел?

– Конечно. Как-то не рассчитывал, что ты сегодня так рано вернешься, – проговорил он натянуто.

Оливия пожала плечами и вытащила из пакетика деревянные палочки – объяснение происходящему искать было бесполезно.

«Видимо, годы берут свое», – с горечью думал Родион, смахивая пепел со столешницы. Его уже давно не тянуло бессмысленно рисковать, экспериментировать, что-то доказывать себе и другим. А она лишь вступала в ту пору жизни, когда так хочется лететь навстречу приключениям, бросая миру вызов.

Некоторое время он сидел неподвижно, наблюдая, как корчится окуроч в стеклянной пепельнице. Точно так же извивалась и тлела его душа. Он вошел в «Фейсбук» и отыскал нужный кадр. Взглянув в который раз на сияющее лицо любимой, прильнувшей к незнакомому молодому мужчине, не удержался и кликнул: «Нравится».

Судя по количеству алых сердец, фотография, на которой некий Франсуа Г. отметил Оливию, у многих вызывала восторг: улыбчивая пара стоит в обнимку на входе в «Студию 28», наслаждаясь солнечной

погодой. Игривые, беззаботные, они посылают миру вопрос: «Ну а как провели это утро вы?»

XXIII

Мама

Весь полет Оливия спала, прижавшись виском к иллюминатору. Рождественская неделя на Корфу, где жили ее родители, отняла много сил.

Отец был нездоров. Из-за бессонницы и мучивших его болей он был подавлен, еле вставал и, главное, ничему не радовался. Даже ее приезде.

– Это лекарства, – тихо объясняла ей мама, когда они вдвоем стояли на кухне. – Они притупляют все эмоции, все ощущения. Но без них он не справится...

Когда отец совсем ослаб и без посторонней помощи обходиться уже не мог, мама бросила преподавание в Афинах и перебралась к нему на Корфу. О сиделках он и слышать не хотел, поэтому ей пришлось целиком взять на себя и дом, и уход за бывшим мужем.

– Он практически ничего не ест, – продолжала она, помешивая в кастрюльке какую-то серую бурду. – Вот варю ему каждый день овсяную кашу, делаю пюре из овощей. Но ничего, может твое присутствие встряхнет его немного... Посидим за праздничным столом, как в старые времена!

Но и в сочельник с постели отец не поднялся. Лежал, повернувшись к ним спиной и изучая невидимый узор на стене. Дождавшись, когда он уснет, женщины вышли во двор, где стояли чугунная скамейка и столик с мозаичной столешницей.

Мама грустно улыбнулась.

– Помнишь, ты подарила его отцу на юбилей? Он ведь тогда поверить не мог, что ты сложила узор сама. А потом хвастался перед гостями – каждому демонстрировал, какая талантливая у него дочь!

Оливия погрустнела. Папин праздник она хорошо запомнила...

Всей семьей они еще жили в Афинах. Родители между собой давно не ладили, но Оливия скрепляла этот союз – до поры до времени. Отец неделями пропадал на работе: брался за внеурочные, ночуя в своем кардиоцентре, и постоянно уезжал на конференции. Ею занималась мама, но виделись они в основном днем в

хореографическом училище, где та преподавала. По вечерам мать частенько отсутствовала: у нее то и дело возникали «неотложные встречи, подработки и консультации».

Правда открылась неожиданно.

В школе отменили два последних урока, и Оливия помчалась домой – вот повезло, куча свободного времени! А там – никого. Отца с утра вызвали к тяжелому пациенту, а мама была на занятиях.

Ключа у нее не оказалось, а потому пришлось тащиться на перекладных в училище в надежде застать маму.

– Так Илиади у нас по средам не работает, – ошаршила ее женщина-администратор, сидевшая на входе. – У нее уроки только по понедельникам и пятницам. Плюс еще субботняя группа...

Поразмыслив, Оливия решила ни о чем мать не спрашивать: раз ей не объяснили всего сразу, значит, была какая-то причина. Смущало то, что не знал об этом и отец. Он полагал, что у жены полная занятость, и не раз предлагал найти какую-нибудь женщину, которая могла бы присматривать за ребенком в ее отсутствие. Но мама лишь отмахивалась – девочка у нас уже большая, справится.

И Оливия справлялась: сама подогревала себе обед, сама делала уроки, сама добиралась до училища, где проходила балетную подготовку.

Зато впоследствии, когда она оказалась одна в парижском балетном пансионе, ей не пришлось ни к чему привыкать – ранняя самостоятельность выручала всегда. Единственное, с чем Оливия не могла сжиться, – это гнетущее чувство одиночества, незащищенности, душевной пустоты.

Оно зародилось в тот день, когда на отцовский юбилей в их доме собрался народ: приятели, коллеги и даже бывшие пациенты. В гостиной брэнчало фортепьяно – кто-то из гостей музицировал, фальшиво выводя старую мелодию. Отовсюду раздавался смех, то и дело хлопали двери, а из отворенных окон доносились дружеские тосты.

Наконец, раскрасневшийся, слегка захмелевший от вина и радости отец пригласил всех «в патио» – закуток во внутреннем дворе, где за плетеной оградкой в тени приземистых фигов скрывались садовые кресла и небольшой инкрустированный столик. Его преподнесла в качестве подарка любимая дочь – Оливия. Целую зиму она собирала

осколки керамической плитки вокруг школы и училища, а потом сажала их на специальный клей, следуя своему замыслу.

– Напоминает авангардный стиль Вишневого, – заметил один из гостей, изучая рисунок. – Посмотрите: та же контрастность, те же формы...

– Да брось ты, Никос, какой абстракционизм, – возразил отец. – Это образный мир детской души: только она так бесхитростно и прямолинейно может выразить сущее. У Анны, кстати, на этот счет была своя теория, давайте ее спросим...

Он осмотрелся в поисках жены, но во дворе ее не обнаружил.

– Оливия, сердце мое, не знаешь, где мама?

Оливия пожала плечами и отправилась на разведку в дом. Однако ни в одной из комнат матери не оказалось. Поддавшись озорному любопытству, девочка распахнула входную дверь и выглянула наружу.

На улице было пустынно – день выдался знойным, и большинство семей отправились к морю или же коротали время в затемненных квартирах. Вдруг в отдалении, рядом с детской площадкой, она заметила знакомое авто. Это был спортивный «Ауди», который уже не раз попадался ей на глаза рядом с училищем. В нем сидели двое: мужчина с чуть резковатыми чертами лица и ее мать. Они о чем-то разговаривали, и Оливия решила не мешать – наверное, заскочил по делу знакомый с работы.

Неожиданно мужчина выбрался из машины, обошел ее и помог маме выйти. Та подняла лицо и взглянула на него с доверчивой улыбкой – в ней сквозила такая нежность, такая пронзительная искренность, такая теплота, что Оливии стало не по себе. Мир завертелся, замелькал перед глазами, словно кто-то ударом опрокинул ее навзничь...

Они стояли, не сводя друг с друга глаз. Мать протянула руку и приложила ладонь к его груди, словно пытаясь нащупать под рубашкой сердце. Он обхватил ее пальцы и прижал к себе крепко, не проронив ни слова. Через мгновение мать развернулась и, опустив глаза, зашагала к дому.

В душе Оливии что-то всхлипнуло и тут же захлебнулось. Не разбирая дороги, она бросилась в свою комнату и захлопнула дверь.

Прошло много лет, но эта немая сцена до сих пор стояла у нее перед глазами. Но даже теперь она не решалась расспросить мать об

этом человеке. Только ночами в припадке неукротимой щенячьей тоски, которая накатывала на нее без предупреждения, Оливия вжималась лицом в подушку и шептала: «Как ты могла... А мы?!»

Дождавшись своей очереди в зоне ожидания такси, Оливия наконец запрыгнула в просторный «Ситроен». Температура в Париже опустилась до нуля, воздух наполнился свинцовой гарью, и ей тут же захотелось вернуться назад, на Корфу. Причина крылась не только в погоде, тоске по родителям, тревоге за отца, но и в том, что с Родионом за время Рождественских каникул они ни разу не разговаривали. Он уехал в Нормандию и давал о себе знать лишь короткими сообщениями: они были вежливы, но напрочь лишены эмоций.

Праздничный город выглядел пустым, и до Монмартра от аэропорта они долетели за полчаса. Таксист высадил ее у калитки и застрекотал шинами вниз по проспекту Жюно – его уже ожидал новый клиент.

На входе в дом, к которому примыкала их пристройка, стояла немолодая женщина. На голове ее красовалась синтетическая шапка-ушанка, а сухопарые лодыжки были обмотаны полевыми гамашами, какие носили солдаты времен Второй мировой.

Негнушима от холода пальцами она пыталась нащупать в сумке сигареты, бормоча себе под нос: «Ну погодка... что твои Альпы! Наверное, опять холодный фронт «Москва – Париж». Одного я не пойму: как они там в Сибири курят?!»

Поднимаясь по ступеням, Оливия усмехнулась про себя: каким образом курят в Сибири, ей предстояло выяснить.

В почтовом ящике ее ждали счета за коммунальные услуги, рекламные листовки и плотный конверт с множеством штампов. Это был долгожданный ответ на запрос, который она послала в Госархив РФ еще месяц назад. Из сводки следовало, что Осип Семенович Штерн пересек советскую границу в сентябре тысяча девятьсот сорок пятого года. Он прибыл эшелоном с возвращенцами, следовавшим через Германию и Польшу. После проверки в фильтрационном лагере НКВД, Штерн направился в Брянск, где проживали его родственники. Дальнейшая судьба гражданина Штерна доподлинно была неизвестна.

XXIV

В путь

Попытка освежиться с дороги провалилась: из душевой насадки тонкой струйкой сочилась ржавая вода. Саломея, умевшая одним звонком решать любые коммунальные вопросы, как назло, уехала на праздники в Овернь. И с управляющей компанией связываться было бесполезно: до окончания каникул их телефон стоял на автоответчике.

Натянув одежду, Оливия вышла из ванной и спустилась в прихожую. На бретонском резном сундуке, который Родион отыскал весной на барахолке, валялись в беспорядке рекламные буклеты. Их ежедневно опускали в почтовый ящик или просовывали в зазор калитки. Среди ненужных листовок нашлась и такая: «Потомственный санитарный техник, специалист высшей категории. Ремонт, замена, профилактика водоснабжающих систем. Возможен срочный выезд». Набрав отпечатанный на бумажке номер, Оливия вызвала мастера и принялась разбирать чемодан.

Вскоре запиликал домофон.

– Сантехник, – прохрустел в микрофон мужской голос. – Мне в какой лифт идти – в левый или в правый?

– Поднимайтесь по лестнице, у нас лифта нет...

Через минуту на пороге квартиры стоял мужчина в кепке и свалывшемся шарфе.

– Уф, – выдохнул он, – крутые у вас ступеньки! Ну, давайте показывайте, где трубопровод.

Втиснувшись в каморку под лестницей, он отодвинул заслонку и принялся осматривать нутро стояка. Вслушиваясь в болезненный стон труб, Оливия подавала ему разводные ключи и зажимы. Наконец что-то скрежетнуло и охнуло. Подозрительно запахло тухлым яйцом.

Устранив проблему, мастер принялся выписывать счет на имя владельца квартиры, которое было указана на дверной табличке.

– Лаврофф... Фамилия какая необычная. Польская?

– Нет, русская.

– Ру-у-усская?.. – протянул он. – Холодно у вас там, поди? Потому и президент суровый. Я вчера в газете прочитал: в России нефть

закончилась, так он поехал вскрывать подводный шельф. И Норвегию из-за этого накрыло цунами – поднял волну! Но ему хоть бы хны – у самого-то денег миллионы. Не зря американцы против него свои ракеты направили... А вот женщины ваши мне нравятся. На сайтах знакомств их много, и все, кстати, хотят замуж за французов. Я бы женился, но они ж сюда едут ради документов. Нет, говорю я себе, это не любовь!

Взглянув на оторопевшую Оливию, потомственный специалист убрал деньги в карман и направился к выходу. На пороге обернулся.

– Скажу вам как хирург канализационных труб: не жалейте кислоты! Развели ее водичкой – и в водослив. Но аккуратнее: мне один раз в лицо брызнула, так я чуть не ослеп. Ну, до новых встреч!

Ужинать она отправилась с Габи – та на праздники осталась в Париже. Слушая Оливию, подруга заходила безудержным хохотом. Сидящие за соседними столиками люди поглядывали на них с недоумением.

– Илиади, да тебе еще повезло, что он вас не ограбил! Кто же вызывает мастеров по номерам из рекламных листовок? Мог запросто оказаться не сантехник, а какой-нибудь домушник или секс-рецидивист. Придется вам теперь сменить замки!

– Ну, а что мне было делать, – оправдывалась Оливия. – Родион в отъезде, а воды в доме нет...

– Пропадешь ты без своего Лаврова, – подначила ее Габи.

Оливия насупилась.

– Вот и ему так кажется. «Разбирайся сама и на мою поддержку не рассчитывай», – так и сказал, представляешь! Думает, без него я не справлюсь...

– Так. – Габи опустила вилку и подлила им обеим вина из кувшинчика с отколотым носом. – С этого места попрошу поподробнее. Что у тебя там стряслось? О чем вообще речь?

Стараясь оставить эмоции в стороне, Оливия подробно рассказала подруге все, что произошло за минувшие недели: и в деле Вишневских, и в ее с Родионом отношениях.

– Как интересно, – задумчиво произнесла Габи. – Значит, Штерн, а с ним и «Весна» оказались в России. Но тогда кто и зачем прислал Зое эту акварель? Доктор-то наверняка уже умер.

– Да, – согласилась Оливия, – трудно себе представить, что после всех скитаний он оказался долгожителем. Не знаю, Габи, в этой истории много вопросов. Единственная ниточка, которая у меня есть, – город Зиминск и его областной музей. Но, если честно, я не уверена, можно ли полагаться на эту наводку. Хорошо бы отыскать подтверждение тому, что не только биография «Весны», но и судьба самого Штерна как-то связана с Зиминском.

– Думаю, Илиади, тебе стоит туда съездить. Напиши для начала директору учреждения – придумай какой-нибудь убедительный повод. А там найдешь, за что зацепиться. Ведь твой Лаврофф внушал нам на каждом занятии: журналистское расследование начинается с гипотезы. И даже если предположение ошибочно...

– ...в ходе проверки оно может привести на еще более интересную версию.

Оливия удивилась, насколько точно ей удалось воспроизвести интонации Родиона – видимо, они отпечатались на подкорке. Отчего-то эта мысль была ей неприятна.

– Да и потом, что ты теряешь? – продолжала Габи. – «Эритаж» оплатит тебе поездку в Сибирь. Это, кстати, хороший способ дистанцироваться, взглянуть на ситуацию со стороны... Я имею в виду тебя и Родиона. Скорее всего, у вас настал критический период. Такие кризисы закономерны, их просто нужно осмыслить и пережить. А разлука в этом деле, кстати, лучший помощник!

– Наверное, ты права, – грустно отозвалась Оливия. – Последнее время мы что-то совсем не ладим. Родион постоянно твердит, что опасается за мое будущее, за репутацию, за безопасность... Но мне кажется, дело не в этом. Просто он привык принимать за меня решения и все контролировать. С одной стороны, это довольно естественно, когда у людей такая разница в возрасте... Но скажи, кому понравится, если любая инициатива, любая попытка добиться чего-то самостоятельно воспринимается как детский каприз?

– Ты перегибаешь палку, – возразила Габи. – Уж на что я твоего «Гумберта» не люблю, но он тебя всегда поддерживал. Даже если речь шла об абсолютных причудах – вроде того интервью, что ты тогда задумала взять у русского олигарха, как его там...

– Ноя Волошина.

– Вот-вот, Волошина. Родион ведь не только организовал для тебя встречу с ним, но и мотался потом в Грецию в поисках «Итеи», рылся в архивах, структурировал гипотезу. Уже забыла?

– Все так, – согласилась Оливия, слегка покраснев. – Наверное, дело не в нем, а во мне... Ты верно говоришь, Габи, – нужно сделать паузу и проветрить мозги! А там видно будет.

Лежать на диване было неудобно. Оливия приподнялась и попыталась взбить плоскую подушку, которая служила цветовым акцентом в их аскетичном интерьере, но по сути дела была вещью совершенно бесполезной. В спальню ей подниматься не хотелось: в пустой кровати она чувствовала себя неуютно. Накануне православного Рождества Родион сообщил, что останется еще на некоторое время в Нормандии: его включили в аттестационную комиссию университета города Руан.

Прочитав это суховатое послание, Оливия вздохнула с облегчением: еще на какое-то время можно отодвинуть разговор о путешествии в Россию. Для себя решение она уже приняла и полагала, что Родион догадывается о ее планах. Но мысль о том, что нужно сообщить ему скорую дату отъезда, отчего-то удручала. Правда, у нее имелось оправдание для такой поспешности: российская виза, полученная год назад, истекала в двадцатых числах января.

Неожиданно за окном послышались нетрезвые девичьи голоса, визгливый хохот, а вслед за этим запричитал, застонал слезливый голос исполнительницы, чей сингл возглавлял хит-парады уже не первый месяц.

Захлопнув фрамугу, Оливия принялась просматривать в YouTube записи программ с участием Зои Вишневской.

Они оказались довольно однообразны: складывалось ощущение, что актриса умело защищала свою личную жизнь от любопытных взглядов. «Странно, – размышляла Оливия, – в Довиле Зоя казалась довольно открытой и выложила мне немало семейных подробностей. Видимо, потому что речь шла о ее обожаемом отце...»

Через час, когда внимание начало рассеиваться и невыносимо захотелось есть, Оливия решила выключить планшет и передохнуть. Но в последний момент натолкнулась на любительский ролик, отснятый год назад в русской церкви Парижа во время рождественской

службы. В описании к видео упоминалось имя актрисы и стояли метки. Оливия кликнула на одну из них, однако вместо утонченного лица Вишневской на экране возникло расплывчатое пятно.

Затем камера дернулась, и в объектив попала церковная лавка, расположенная на входе в храм: православные книги, карманные календари с изображением святых, нательные крестики... За прилавком стояли две женщины в светлых платках, покрывающих головы. Оливия присмотрелась: одна из них была полноватой, с мягким лицом и благостными глазами. Во второй легко было узнать Зою. Она улыбалась, что-то дружески нашептывая своей собеседнице. Та кивала и часто крестилась, поправляя посеребренные иконки на прилавке.

Время от времени к стенду ходил кто-то из прихожан. Незнакомка принимала деньги, а Зоя протягивала мирянам восковые свечи. Понаблюдав за происходящим еще несколько секунд, Оливия открыла поисковик и заглянула в расписание текущих богослужений в русском соборе на улице Дарю – том самом месте, где венчались когда-то родители актрисы и где она сама, очевидно, частенько бывала.

XXV

Помянник

Перед началом литургии в храме было безлюдно. У стены примостились несколько дряхлых старушек, а в углу, возле иконы Богородицы, тихо всхлипывал, осеняя себя крестным знамением, пожилой мужчина в старомодном пальто.

Оливия подошла к прилавку с церковной атрибутикой, однако там никого не оказалось.

– Вы свечку купить хотели или записочку подать? – вдруг прошелестел где-то рядом тихий голос с выраженным французским акцентом.

Оливия обернулась. Перед ней стояла та самая женщина, которую она видела в видеоролике накануне вечером. Правда, в жизни знакомая Зои оказалась значительно старше.

– Записку... об упокоении. – Оливия взяла из стопки листок с восьмиконечным крестом у верхнего края. Написав на нем что-то крупным почерком, она протянула его незнакомке.

– Положите вон туда, в свечной ящик, – указала та подбородком, взглянув мимоходом на прошение. В нем значилось одно-единственное имя.

– Боже мой... вы знали Зою? Каждый день о ней, голубушке, молюсь!

Оливия коротко рассказала об обстоятельствах своего знакомства с актрисой. Точнее, только о том, что она брала у нее не так давно интервью для документального фильма об Андрее Вишневском. Этим она сразу расположила к себе собеседницу.

Утирая слезы кончиком палантина, покрывавшего ее голову, та поведала свою историю.

Ее звали Нина Воронцова. Она была ровесницей Зои – тоже родилась в самом конце войны. Отец Нины, борец Сопротивления, был добрым знакомым Андрея Вишневского. В тридцатых он принадлежал к художественным кругам Парижа, но так и не смог ничего добиться на этом поприще. В конце концов он нашел себе применение в роли оформителя витрин магазинов и бистро. А еще отец рисовал панно для

украшения интерьеров питейных заведений, в которых проводила время монпарнасская богема. Однажды кто-то из приятелей привел его в студию на набережной Уаз, хозяином которой оказался Андрей Вишневский.

– Русские в Париже тогда жили тесной коммуной, – вспоминала Нина. – Мы собирались на общие праздники, литературные вечера. Многие были участниками патриотических ассоциаций, но главной объединяющей силой была все же не политика, а церковь. Вера держала нас на плаву, подпитывала, укрепляла. Моя мать, например, двадцать лет прослужила при соборе свечницей. Со временем это стало и моей добровольной обязанностью.

– Значит, Зою вы знали с детства?

– Да, росли мы вместе. Правда, Вишневские были довольно обеспеченными людьми, а мои родители перебивались с хлеба на квас... Но, когда мы оказывались здесь, в церкви, все условности теряли значение. Зоина мать трудилась одно время в канцелярии настоятеля храма: вела административную переписку, следила за порядком в библиотеке собора...

– Скажите, а семейный доктор Вишневских, Осип Штерн, на службах бывал?

Нина неопределенно покачала головой.

– Не уверена... Лично я его не знала – он уехал из Парижа накануне моего рождения. А вот Ольга Вишневская была с ним очень близка.

– Почему вы так думаете? Об этом рассказывала Зоя?

– Нет. Она как раз не любила на эту тему говорить. Но раз вы интересуетесь... Пойдемте-ка, я вам кое-что покажу.

Подозвав хромого служку, который прибирал на клиросе, Нина поручила ему присмотреть за лавкой и повела Оливию в церковный двор. А оттуда к небольшой двухэтажной пристройке.

– Подождите минутку, – попросила женщина и исчезла за крашеной дверью.

Через минуту Нина появилась на пороге с какой-то книжицей в руках.

– Вот взгляните...

Оливия взяла потрепанный томик и прочитала на обложке: «Помянник». Бережно, боясь, что он рассыпется от старости у нее в

руках, развернула и попыталась прочесть несколько строчек. Эта была молитва на церковно-славянском. Текст ее выцвел от времени и стал неразборчив.

– Помяни, Господи, благостию Твоею вся ближняя моя... – удалось ей разобрать на одной из страниц.

– В такой синодик вписывают имена живых и усопших для поминовения, – пояснила Нина. – Раньше помянники были в каждой семье и передавались из поколения в поколение. Тот, что вы держите в руках, принадлежал Ольге Вишневской.

Оливия перевернула листок. Справа, под заголовком «О упокоении» присутствовал длинный список имен. Левая страница – «О здравии» – содержала лишь несколько записей. Последние две были выполнены тщательно, четким бегущим почерком.

– Это рука Ольги? – уточнила Оливия.

– Да, ее...

Оливия задумалась. Выходило, что единственными людьми, о благополучии которых заботилась Вишневская, были «младенец Зоя» и «раб божий Осип».

О родном муже перед Всевышним она не хлопотала.

– Как-то странно, верно? – спросила Нина, придерживая рукой слетающий на ветру палантин. – Ведь муж в ней души не чаял...

Оливия не знала, что ответить.

– А почему эта вещь хранится у вас? Разве для домашней молитвы она была не нужна?

– Ольга всегда оставляла помянник в церкви и просила перед каждой литургией подавать его в алтарь.

– Ну а Зоя? Неужели не хотела забрать семейную реликвию себе?

– Я ей предлагала. Но она заглянула однажды внутрь, оттолкнула книжицу и так побледнела, что я за нее испугалась. Больше об этом мы с ней не разговаривали.

Проводив Нину до паперти, на которой сидел, демонстрируя изувеченную ногу, испитой калека, Оливия поблагодарила ее и пообещала вскоре зайти.

На прощанье она все же решила спросить:

– Значит, о послевоенной судьбе Штерна вам ничего неизвестно?

– Только в общих чертах. Кажется, он уехал в СССР с эшелонам возвращенцев. А там с ним что-то стряслось...

– Но Вишневецкие ведь наводили о нем справки?

– Не знаю... Зоя однажды рассказывала, что обнаружила на чердаке их дома в Довиле какую-то переписку. В ней вроде объяснялось, что произошло. Увы, подробностей я уже не помню... Ну прощайте, милая, – заторопилась Нина. – Храни вас Господь!

Выйдя из храма, Оливия повернула направо. Вскоре из-за череды домов показались ворота парка Монсо. В этот ветреный день все скамейки сада пустовали, и даже возле подсвеченной музыкальной карусели с ее старомодными лошадками и монгольфьерами стояло всего две прогулочные коляски. У окошка кассовой будки, украшенной надписью «Бель Эпок», толкались несколько малышей.

Купив в киоске стаканчик кофе и горячую бельгийскую вафлю, Оливия направилась в сторону пруда. По дальнему краю он был огорожен коринфскими колоннами, а по левую украшен горбатым венецианским мостом. На этих ступенях они с Родионом не раз устраивались прошлым летом с корзинкой для пикника. Но сейчас, в январе, сидеть на камне было холодно.

Примостив свой завтрак на перилах, Оливия вытянула шею и посмотрела вниз. В пасмурной воде ручейка неспешно кружились сухие листья. И точно так же, плавным хороводом, вихрились в ее голове сумбурные мысли.

Итак... Осип Штерн покинул страну в сорок пятом и отправился в Советский Союз. Если верить справке из Госархива, он направлялся в город Брянск к своим родственникам. «Весна», по словам Мартеля, путешествовала вместе с ним. Но почему же тогда акварель оказалась в каком-то Зиминске, в тысячах километров от пункта назначения доктора?

Оливия отломил кусок остывшей вафли и нехотя принялась ее жевать. Тесто было непропеченным и приторным. Попытавшись отлепить его от неба языком, Оливия поморщилась: рабочая версия была такой же сырой и сомнительной, как этот «деликатес». Конечно, многое могли бы прояснить письма, о которых говорила Нина... Но теперь искать их бесполезно: к имуществу Вишневецкой доступа нет, да и спросить о случившемся больше некого. Что ж, придется положиться на Галина – вдруг он все же дал ей дельную наводку? В пользу гипотезы московского арт-дилера говорил и еще один факт: конфеты

«Сибирский метеорит», найденные полицией в доме Зои, производились все в том же Зиминске.

После длинного и скучного дня в университете она вошла в квартиру и столкнулась с Саломеей. Та уже закончила уборку и поправляла перед зеркалом в прихожей макияж.

– Я вам суп из чечевицы сварила, с курицей и овощами, – сообщила горничная. – На пару дней должно хватить. Вы за праздники вон как похудели! Уже прозрачней, чем мое прошлое!

– Спасибо, Саломея, – улыбнулась Оливия, глядя, как та застегивает утепленный жакет, который едва сходил на ее сдобной груди.

– Месье, кстати, только что звонил, – присовокупила домработница, подкрашивая губы. – Дал мне хозяйственные поручения... А заодно он просил передать, что вернется не раньше понедельника.

Оливия вздрогнула – понедельника! Но она больше не может ждать... Учебный план позволял выкроить буквально несколько дней, чтобы смотаться в Россию. Да и Танги ее постоянно поторапливал – ему не терпелось получить материал. Что ж, может, оно и к лучшему: разъехаться без лишних разговоров, продышаться, а дальше – жизнь покажет. И все-таки... До чего обидно!

После сытной стряпни Саломеи ее неодолимо клонило в сон. Пересилив себя, Оливия включила ноутбук и отыскала сайт Зиминского художественного музея. В разделе «Контакты» были указаны телефон, электронный адрес и имя директора: И.О. Горский.

Собравшись с мыслями, Оливия составила короткое послание на русском, в котором изложила вполне правдоподобную легенду. Она была уверена, что при необходимости Поль Танги возьмется ее подтвердить. Редактор «Эритаж» любил повторять: капелька лжи лишь усиливает вкус достоверности.

Из письма следовало, что она – культурный обозреватель одного из старейших французских изданий. И направляется в ближайшие дни с редакционным заданием в столицу Сибири. Время позволяет ей посетить и Зиминский музей, где сейчас – если верить анонсу на сайте – проходит выставка работ Василия Кандинского. Возможно, господин

Горский сумеет выкроить немного времени, чтобы побеседовать с ней о творчестве великого художника, а также дать короткий комментарий для журнала «Эритаж»?

Перечитав текст, Оливия осталась довольна – турне работ Кандинского по городам России оказалось как нельзя кстати. Ведь Андрей Вишневский принадлежал к тому же художественному течению и к той же эпохе, а значит, его имя может удачно вписаться в разговор об абстракционизме. А также о судьбах творческих людей, покинувших Россию в начале прошлого века.

Она представила себе морозный вечер, ледяные узоры на окнах, потрескивающую голландскую печь. И немолодого мужчину в овчинном жилете, сидящего за письменным столом. Каким удивительным и нереальным покажется ему это письмо из Франции! Как долго он будет подбирать слова, чтобы ей ответить...

Тут в почту невесомой снежинкой влетел конверт. В ответном послании на старомодном, но в остальном безупречном французском языке директор Зиминского музея сообщал, что будет рад увидеться на следующей неделе – в любое удобное для Оливии время.

Добро пожаловать в Сибирь, мадемуазель.

И подпись: Илья Горский.

XXVI

Калифорния

Оказаться в Шереметьево одной за час до полуночи было боязно. Но других билетов на воскресенье не оставалось, поэтому Оливия решила переночевать в какой-нибудь недорогой гостинице неподалеку от московского аэропорта. А уже наутро, как следует передохнув, отправиться в Сибирь.

Система интернет-бронирования предложила ей удачный вариант: семейный пансион «с номерами, оформленными в строгом стиле». Расположен на окраине деревни в шести километрах от аэродрома. Оливию смутило лишь название подворья: «Калифорния-хаус». Впрочем, администрация отеля предлагала бесплатный трансфер и круглосуточное ресторанное обслуживание, а потому на условностях внимания заострять она не стала.

На выходе из терминала Оливию ожидал низкорослый мужчина азиатской наружности. В руках он держал табличку с ее именем. Приняв чемодан, встречающий покатил его к выходу. Автоматические двери распахнулись, и на Оливию обрушилась московская зима.

Оглядевшись, ее проводник достал из кармана телефон, набрал какой-то номер и доложил, словно секретную шифровку отбил: «Францусинк перелетел. Садисна сечас машин».

Некоторое время они стояли молча, но Оливии даже нравилась эта пауза в начале большого путешествия. Перед глазами бесконечной вереницей тянулись одноликие, покрытые бурой накипью автомобили. Их дверцы то и дело открывались, выплескивая тусклый свет и обрывки мелодий. Сверяясь с экранами смартфонов, к машинам спешили измотанные перелетом путешественники. Они проваливались в нутро такси, как цирковые кролики в шляпу иллюзиониста.

Вдруг спутник Оливии засуетился, замахал руками, и тут же к обледеневшей обочине подъехал мини-фургон, плотно забитый людьми.

– Трансфер-вател, – произнес скороговоркой восточный человек и распахнул перед ней дверцу.

Она пригнула голову и нырнула в салон. Пахло крепким парфюмом, чесноком и автомобильной резиной. Пассажиры потеснились и освободили для нее место, пристроив чемодан между сидений.

– Ну что, помчали! – произнес с энтузиазмом водитель, выжимая педаль газа. – Вы у нас в списке последняя. Хорошо, что в этот терминал прилетели – остальных ждать не пришлось.

– Это точно, – вздохнула женщина в дальнем ряду. – А то мы намаялись в расчете на трансфер, лучше бы такси взяли. Но встречающий уговорил-таки потерпеть...

– Да-а, он кого хочешь уломает, – согласился водитель. – Потому его в службе размещения и держат. Он у них в должности «разводящего».

– Разводит только так! – подтвердил сосед в мохнатой шапке. – За полтинник предлагал в листе ожидания на две строчки повисить. Порусски, чудила, еле лопочет! Но втирает ловко!

Они покинули территорию аэропорта и вырулили на автотрассу. За стеклом в пепельной мгле спешили куда-то фонарные столбы, частил снежок, мелькали неоновые вывески. Возле торгово-развлекательного центра «Шаурма. Аккумуляторы. Интим» фургон резко сдал вправо.

После десяти минут гонки по обледеневшей трассе вдоль укрытого снегом поля универсал влетел в ворота гостиничного комплекса «Калифорния-хаус».

К трехэтажному особнячку, окруженному запорошенными клумбами, вели заботливо расчищенные ступени. Оливия затащила по ним чемодан и остановилась отдышаться. Спешить, так или иначе, было некуда: пассажиры фургона брали штурмом стойку регистрации, над которой подрагивала в нервном тике световая вывеска «Отель-Сауна-Бар».

Наконец подошла и ее очередь. Администратор сверилась с экраном компьютера и произнесла:

– Одноместных номеров не осталось, извините. Сейчас ведь новогодние праздники, приезжих много... Но не волнуйтесь, выделим вам жилье получше, – она посмотрела Оливии в глаза с честностью агитплаката. – Переночуете сегодня на эковилле.

Женщина сняла с крючка ключ с брелоком в форме пивного бочонка и протянула его Оливии.

– Сейчас позову мальчика, он вас проводит.

Оливия не успела ничего возразить – из-за спины, как черт из преисподней, выскочил «мальчик». Судя по намечающейся лысине и мешкам под глазами ему давно перевалило за сорок.

– Экодомик совсем рядом, – сообщил он, подхватывая ее чемодан и ловко преодолевая с ним скользкие ступени. – Вот увидите, вам понравится. Там даже есть свой сад!

Обойдя особнячок, они двинулись по обледеневшей тропинке вдоль забора. Чемодан скользил по ледяной колее, дребезжа колесиками и разбрызгивая ледяное крошево. Из-за кирпичной стены доносился запах костра. Вдруг из невидимой радиоточки раздался бой курантов.

– Полночь, – заметил «мальчик». – В парную пойдете?

Оливия помотала головой.

– У меня совсем ранний рейс.

– Ну тогда включать на прогрев ее не буду. На вилле и так тепло...

Наконец за стволами голых яблонь показался деревянный сруб.

Вилла представляла собой двухэтажный домик с застекленной террасой. С минуту поковырявшись ключом в замке, «мальчик» распахнул массивную дверь и пригласил гостью внутрь.

Щелкнул выключатель. Под потолком трепыхнулась лампочка, комнату залил желтоватый свет.

– Ну вот, все удобства в вашем распоряжении, – гостеприимно вымолвил ночной портье. – Спальня и душевая наверху.

Оливия ответила ему молчанием – ей вдруг показалось, что она забыла русский язык. Интерьер эко-виллы был выполнен в брутальном гангстерском стиле, щедро сдобренном охотничьей атрибутикой. На стенах из необработанного дерева висели декоративные ружья, латунные валторны, полевые бинокли, мотки бечевки и олени рога. Посреди дубового стола красовались самовар и чучело фазана. А на шестке за красным кожаным диваном торчал, как срочник на дозорной вышке, пучеглазый филин.

Посреди гостиной была расстелена шкура бурого медведя, источавшая застарелый пивной аромат. Его объемная голова с хищно

распахнутой пастью была обращена к барной стойке, рядом с которой игриво поблескивала хромированная труба. О том, что эта конструкция служит не подпоркой для потолка, а пилоном для стриптиза красноречиво свидетельствовала адресная табличка: «Place de L'Amour».

Любовью на вилле было пропитано буквально все: и широкая постель с пурпурным балдахинном, и желтоватые банные полотенца, и эмаль примыкающей к спальне джакузи.

Содрогнувшись, Оливия поспешила вниз, чтобы попросить номер худшей категории – самый простой, «в строгом деловом стиле». Однако след мальчонки давно простыл. Она растерянно взглянула на циферблат – до вылета в Сибирь оставалось всего несколько часов...

Смирившись, Оливия заварила чай и устроилась с чашкой на террасе, где имелись бильярдный стол, обитая дерматином банкетка и плетеное кресло-качалка. В углу возвышалось чучело лося с остекленевшими от увиденного в «Калифорния-хаусе» глазами.

В ватной ночной тишине Оливия раскачивалась взад и вперед... За окном в молоке снегопада дрейфовал одинокий фонарь. Это зыбкое пятнышко постепенно набухало, росло и оформлялось: все четче просматривались кружевные наличники, схваченное морозным узором стекло, вязаные шторы над пунцовыми помпонами герани... И уже мерещились ей треск сосновых поленьев в печи и убаюкивающее бормотание транзистора:

Зимней ночью за окном
Нет и памяти о звездах.
Мягкий снег, уснувший дом,
Над асфальтом рыхлый воздух
Спит недвижимым талым сном... [\[23\]](#)

Очнулась она от нервного трепыхания будильника. На часах было шесть утра – пора собираться. Обрато Оливия решила добраться на такси и позавтракать уже в аэропорту. Наскоро умывшись, она взяла чемодан и вышла за порог эковиллы.

Захлопнув за собой дверь, с трудом повернула в замерзшем замке ключ. Дробно стукнул о косяк деревянный брелок-бочонок. Оливия

поднесла его к глазам и прочла доходчивое, как березовый веник,
слово: «Баня».

XXVII

Сибирь

Весь полет Оливия проспала. По поводу прибытия в Сибирь она не беспокоилась: мама связалась накануне со своим старым московским знакомым, Вадимом. Прожив в столице двадцать лет, он недавно решил вернуться в родные сибирские края. «Подработка Вадику сейчас явно не помешает, – рассуждала мама. – Созвонюсь с ним, пускай тебя встретит».

Вадим оказался плотным мужчиной с застенчивой детской улыбкой на обветренном лице.

– На мать-то вы как похожи! – восхитился он искренне. – Сто лет я ее не видел... Ну, давайте, помогу с багажом. И вот, держите подарок!

Он протянул Оливии шерстяные рукавицы с припудренной снегом гроздью рябины, вышитой на тыльной стороне. Поблагодарив, Оливия натянула теплые варежки и зашагала вслед за Вадимом на выход.

В ломком стеклянном воздухе кружились хлопья снега – все вокруг было словно укутано пуховым платком.

– Пять минут перекурю, и поедем. – Вадим сунул руку во внутренний карман дубленки. Достав пачку сигарет, чиркнул зажигалкой и затянулся.

– Значит, до конца дня вы пробудете здесь, а потом отправитесь в Зиминск?

– Осмотрюсь немного и покачу в глубинку... Сможете меня подбросить?

– Предлагаю перейти на «ты». – Он выпустил из ноздрей едкие струйки дыма. – Поговорю со своими наукоидами... Думаю, отпустят.

– Согласна на «ты». А кто они, эти... «оиды»? – поинтересовалась Оливия.

Сообразив, что перед ним человек неподготовленный, Вадим пояснил.

– Я в Москве раньше в ядерном институте работал. Не по научной части, конечно... Так, техническое обеспечение. Но распорядок их меня извел: смена с шести утра, пообедать тоже некогда. Короче,

нажил язву, развелся с женой и решил свалить домой. Устроился здесь водителем в Институт геологии. Выдали мне здоровенную «шишигу» – мотаюсь на ней в экспедиции с научным составом. А в свободное время на своей тачиле шоферу...

Вдруг сбоку раздался устрашающий звериный рык. Они обернулись. Подрагивая мускулистым телом, на них пристально смотрела служебная овчарка. Собаку удерживала на поводке женщина в полицейской форме.

– Курение в аэропорту запрещено, – отчеканила она. – Пройдемте для оформления штрафа.

– Да вы что?! – изумился Вадим. – Мы ж на допустимом расстоянии!

– По закону вы должны находиться в пятнадцати метрах от здания, – проинформировала женщина ледяным тоном. – А здесь не будет и десяти!

– Но послушайте, – вмешалась Оливия, – не могли же мы все до сантиметра рассчитать...

– Граждане, не тратьте мое время! У меня сегодня задержание за задержанием. Пойдемте, заполним протокол. Оплатите государству штраф и свободны!

Воздух в дежурной части был липковатым и мутным, как холодец. Пахло растворимым кофе, настоявшимся потом и пылью.

– Так, давайте ваши корочки, сейчас все по-быстрому оформим, – распорядилась женщина, скидывая тяжелую куртку.

– И мои документы тоже? – робко переспросила Оливия.

– Конечно. Вы же соучастница.

Вздрогнув от такой формулировки, Оливия достала паспорт.

Сотрудница правопорядка уставилась на него в недоумении.

– Вы что, иностранка?

– Немного...

– Так. А по-русски почему говорите?

– Ну е-елочки зеленые... – не выдержал Вадим. – Девушка вообще-то того... из Парижа! Она не ку-ри-ла!

Глаза женщины налились свинцовой тяжестью.

– А вы не вмешивайтесь в международные вопросы, гражданин. За оскорбление представителя власти у нас полагается статья...

В эту секунду дверь с грохотом распахнулась, и в отделение ввалился расхристаный мужчина в сопровождении двух полицейских. Гость окинул участок диким взглядом и проревел:

– А я грю, свидетелей давай!

– Кудашкин, неужели опять ты? – изумился старший по званию, спокойно заполнявший в углу какую-то форму. – И не надоело тебе митинговать, пикетчик хренов?

– Ну сорян, командир, – цинично осклабился Кудашкин, выдавая крепкий спиртовой выхлоп, – у нас в стране свобода слова! Ладно, амба... глушу контрабасы!

Он согнул ноги в коленях и повис на руках полицейских, пытавшихся удержать его сзади. Потеряв равновесие, группа качнулась и завалилась на письменный стол, возле которого жались «злостные курильщики».

Переполошившимися птицами разлетелись в стороны протоколы, бланки и квитанции. Сотрудница правопорядка бросилась их собирать.

Через несколько минут разборка закончилась – «хронического» затолкали в изолятор. Выдав еще пару выразительных реплик через зарешеченную дверцу, тот потряс кулаками, затем упал на скамью и отрубился.

«Тачила» Вадима оказалась серебристым универсалом марки «Тойота». Хозяин содержал ее в строгой армейской чистоте. Сиденья были заботливо обтянуты чехлами, а руль схвачен нарядной кожаной оплеткой. Под панорамным зеркалом болтался бумажный освежитель воздуха в форме шишки, источавшей крепкий хвойный аромат.

Оливия пристегнула ремень и повернулась к окну. По обе стороны от трассы простирались заснеженные поля с обтаявшей грязной кромкой. Вдоль линии горизонта тянулись вереницей, подобно бурлакам, ошетилившиеся смурные перелески.

Наконец полыхнул огнями сибирский мегаполис: широкие проспекты, монолиты торговых центров, ряды неразличимых между собой новостроек, среди которых робко проглядывали припорошенные куполки церквей. Город-великан смущал своими габаритами, ревом снегоуборочных машин, скрежетом высотных кранов и размахом промышленных зон.

Потолкавшись по пробкам, они въехали в центр. На празднично убранных улицах чувствовалось оживление: до Старого Нового года оставался всего один день...

Ровно в десять она ждала Вадима во дворе гостиницы, в которой провела предыдущую ночь. Земля была студеной, и Оливия принялась приплясывать на месте, пытаясь хоть немного согреться. В желудке ворочался плотный сибирский завтрак, который она запила двумя чашками горячего чая. Но и это не помогло...

После снегопада ударил мороз, сугробы немного осели, покрылись зернистой коркой.

Лицо болезненно горело. Оливия пыталась спрятать его в мохнатый шарф, который купила в Москве еще в прошлом году. Наконец, не выдержав, она достала телефон и набрала негнущимся побелевшим пальцем: «Вадим, ну ты где? Замерзаю!»

Ответа не последовало.

Тут послышался нарастающий звук мотора. Оливия схватила чемодан и в нетерпении сделала несколько шагов навстречу, ожидая, что из-за угла вот-вот покажется серебристый нос «Тойоты».

Однако вместо нее во двор гостиницы на циклопических колесах вкатился военно-полевой грузовик. Вздымая столпы развороченного снега, многотонный ковчег подлетел к зданию и, устрашающе взвывая, затормозил. Дверца кабины распахнулась.

– Подвела меня «япона-мама», – простодушно сообщил Вадим, спрыгивая с приступки вниз, – не завелся с утра космолет. Но я побыстрому в институтский гараж метнулся, «шишка» выдернул и вжарил за тобой. Почти не опоздал...

Забросив ее чемодан в крытый кузов, добавил:

– Не очкуй, француженка! ГАЗ-66 – это русский «Хаммер». Докатим на нем до Зиминска за несколько часов. На всю жизнь впечатления останутся!

Выбора не было. Оливия забралась в кабину и поднесла онемевшие руки к печке.

– Достань-ка термос. – Вадим покосился на рюкзак, пристроенный за пассажирским сиденьем. – Заварил нам в дорогу кофейку. И живицы кедровой туда плеснул – для общего тонуса.

Порывшись в отсеке для документов, он вытащил аккуратную коробку. Оливия присмотрелась. Золотистые брызги по темному фону

и тисненная надпись: «Сибирский метеорит».

Она надкусила коричневый шар, обсыпанный вафельной крошкой. Заманчиво хрустнула шоколадная оболочка. Ответным эхом затрещала ледяная корка под исполинскими колесами тронувшегося с места вездехода.

– Отличные конфеты, – искренне похвалила Оливия. – Их делают в Новосибирске?

– Нет, «Метеорит» производит одно частное предприятие. Оно, кстати, находится в Зиминске. Я ведь в этот городок часто по службе мотаюсь – у нас там своя производственно-техническая база. В прошлый раз приехал, а у них сейсмический томограф полетел...

Слушая геолого-технические байки Вадима, которые произрастали одна из другой, Оливия смотрела в окно. Сначала мелькали однообразные панельные и кирпичные постройки, монументальные памятники, тепловые трубы и выцветшие рекламные щиты. Но вскоре «шишига» выкатилась за пределы города, и пейзаж изменился.

Вдоль дороги зачастили строительные подворья, дачные кооперативы, земельные участки с парниками и хлипкими дощатыми постройками, крытыми рубероидом.

Вскоре их сменили деревеньки с крашеными домиками, прижавшимися к трассе. У облупившихся оград скучали старушки в пуховых платках. Они торговали безрукавками, рейтузами, носками и варежками собственной вязки. Некоторые из них беспомощно взмахивали руками, пытаясь привлечь внимание к своему товару.

На переезде через железнодорожное полотно они простояли с четверть часа: один за другим ползли товарняки, груженные лесом. «Шишига» оказалась зажата между двумя забрызганными фурами. От скуки Оливия принялась разглядывать рекламу, нанесенную на распашную дверь стоящего впереди продуктового грузовика. На ней был изображен сочный шницель с картофелем и кудрявым листком зеленого салата. Сверху бежала надпись, смысл которой от Оливии ускользал.

– Полуфабрикаты из мяса местных фермеров, – прочел вслух Вадим и затрясся от хохота. – С юмором у нас народ... Сибиряки! Слушай, француженка, может остановимся на перекур? Заодно и перекусим?

Ответить она не успела. На поверхности приборной панели задергался телефон.

Стараясь не отвлекаться от дороги, Вадим включил громкую связь. Из трубки сквозь помехи донеслось:

– Вадик! Ну ты чего не звонишь? Еще в четверг обещал набрать!

– Ой, прости, Пал Семеныч... Закрутился! Еду сейчас в Зиминск.

– Ты на трассе? Какой километр?

– Сто восьмидесятый...

– Так и заскочил бы! Завтра все выйдут на работу, а документации нет.

Вадим поскреб затылок.

– Да не с руки сейчас, Пал Семеныч...

– Синицин! Тебе за что деньги платят? Давай, сверни на Томилино, оттуда до базы рукой подать! – отрезал собеседник и бросил трубку.

– Бешеной собаке семь верст не крюк... – буркнул Вадим, покосившись на Оливию. – Ведущий технолог звонил. Хороший мужик, но нетерпеливый. Я еще до праздников должен был у него проектную документацию забрать, но то одно, то другое... В общем, затянул. Тебе в Зиминске во сколько нужно быть?

– Музей открыт до шести, так что еще время есть.

– Заедем тогда в «Геогност»? Это по пути. От силы час потеряем...

– Геогност – это городок?

– Да нет, спортивно-оздоровительная база для сотрудников института. Летом там благодать: лодочная станция, столы для пинг-понга, волейбольная площадка. Хочешь рыбачь, хочешь за грибами ходи. А зимой в основном лыжи в сосновом бору. Ну и это, – он щелкнул пальцем по кадыку, – доступные радости...

XXVIII

Старый Новый

За деревней Томилино, состоявшей из десятка домов, кладбища и полуразбитой автобусной остановки, торчал покосившийся указатель «База отдыха». Сразу за знаком дорога круто забирала вверх, потом неслась вниз, сворачивала вправо и врезалась стрелой в заснеженный лес.

С обеих сторон от проселка выстроились титанические сибирские сосны. Казалось, они подпирают стволами низкий потолок набрякшего неба. С их провисших под тяжестью снега игольчатых лап то и дело срывались грузные валуны и бесшумно падали вниз.

Наконец показалось ограждение с железными воротами, над которым горел фонарь. Вадим посигналил, и вскоре двери распахнулись – медленно, как бы в натяг.

«Шишига» двигалась по расчищенной дорожке между крошечных коттеджей, которые были рассыпаны, как игральные кубики, по всему бору. Каждый домик представлял собой типовую избенку с высоким крыльцом и двускатной крышей, из которой торчал черенок дымящейся трубы.

Мимо них, натужно урча, прополз снегоход с прицепом, груженным поленьями. Он остановился у одного из крайних домов. Водитель в камуфляжной куртке соскочил с сиденья и начал укладывать дрова под навесом крыльца.

– Елизаров, ты чего, своих не узнаешь? – крикнул Вадим, высунувшись из кабины.

– Вадик, чертяка, вот так сюрприз! – обрадовался бородатый Елизаров. – А я думаю, кто это на «шишаре» к нам прихилил! Ты какими судьбами?

– Да какими-какими... трудовыми. Не знаешь, как мне ведущего найти? Документы у него принять надо.

– Семеныча? Так он, наверное, в бане парится. – Елизаров махнул рукавицей, указывая на застывший водоем, который просматривался сквозь частокол деревьев.

Добравшись до прямоугольной площадки, на которой выстроились ряды машин, они оставили грузовик и пошли по турбазе пешком.

– Вон там, – рассказывал ей Вадим, – за домиком кастелянши общаковый пищеблок.

Оливия захлопала глазами: значение фразы ей было непонятно.

– Ну общая кухня, она же столовая, – терпеливо пояснил он. – В коттеджах только печки-буржуйки да конфорки походные – так, чайку соорудить. Но обед-ужин на них не приготовишь.

– А душ... в смысле, вода горячая там есть?

Вадим загоготал.

– Ну ты даешь, француженка! Мы ж на природе. Тут тебе и ванна, и душ!

Он ткнул рукой в овчинной варежке в сторону бревенчатого домика, выглядывавшего из-за сугробов.

Они подошли поближе. У крыльца толкалась группа женщин и детей. Малыши в разноцветных комбинезонах сооружали снеговика. Подростки прилаживали электрическую гирлянду на елку, уже переливающуюся шарами и мишурой.

На вкопанном в снег мангале закипала огромная кастрюля. Заметив вновь прибывших, одна из женщин сказала:

– О, у нас гости! Хотите чайку?

– Да мы на минутку, – ответил Вадим. – Пал Семеныча ищем.

– А он в парной, – сообщила женщина, – подождите немного. Давайте я хоть девушке налью... Это ж иван-чай, от него сплошная польза!

Зачерпнув половником отвар из котелка, она плеснула его в кружку и протянула Оливии. Та обхватила ее ладонями – наконец-то тепло!

В эту минуту скрипнули дверные петли, и на пороге постройки в клубах целебного пара показался мужчина в плавках и с красным, как раскаленный уголь, лицом. На его груди темнел прилипший дубовый лист.

Крякнув, мужчина припустил по дощатому помосту, обрывом уходящему в прорубь. Скинув фетровый колпак, он замер на самом краю. Отблеск елочной гирлянды лег на его шишкастую лысину,

заиграл всеми оттенками палитры. Коротко выдохнув, мужчина провалился в темноту.

Увидев, как смыкается стылая вода над его головой, Оливия затаила дыхание. Через секунду мужчина вынырнул и, шумно отфыркиваясь, выбрался на мосток. Кто-то подал ему махровый халат, в котором он разом приосанился и уверенной профессорской походкой двинулся обратно к бане.

Заметив стоящего у перил Вадима, купальщик воскликнул:

– А, Синицин! Хорошо, что заскочил. Загляни к нашим дамам в пищеблок – они тебе мультифору отдадут. Ну, давай, ага... с наступающим!

Новый год приближался стремительно, наступая на пятки старому. Ощущалось это и по низкому, заваливающемуся за верхушки сосен солнцу, и по тем невыносимым праздничным ароматам, которые обволакивали «общаковую» кухню.

Она представляла собой барак с тщательно законопаченными щелями и дерматиновой дверью. Внутри было просторно: по правую руку тянулись длинные столы со скамьями, застеленными байковыми одеялами. В самом углу стояла шаткая этажерка со стеклянными банками, из которых торчали оловянные ножи, вилки и ложки. По левую, вдоль окон, проклеенных поролоновым утеплителем, гудели электрические плиты. На них бурлили, шкворчали, брызгали маслом разнообразные сковородки и кастрюли.

На табурете перед эмалированным ведром с надписью «Отходы» сидела, ссутулившись, старушка в ворсистом вязанном берете, с невероятной ловкостью очищавшая крупные картошины и бросавшая их в кастрюлю с водой.

Топчась на пороге, Вадим принялся объяснять цель их визита.

– Да вы пройдите, что ж в дверях-то встали, – ответила ему востроносая дама в очках. – Дорежу сейчас селедку и сбегая за вашей папкой. Она у нас в доме лежит. А пока, давайте, кедровицы домашней попробуйте!

– Так я за рулем... – возразил Вадим, коротко глянув на Оливию. – Доставляю импортный груз!

Он по-дружески приобнял ее за плечи.

– Ну тогда перекусите чего-нибудь. – Женщина посмотрела на них с любопытством. – Праздник все же! И не какой-нибудь, а Старый Новый год!

Легкий перекус превратился в изобильное застолье. Откуда-то повылезали тарелки с салатами, банки скользких маринованных грибов и пупырчатых огородных огурчиков, противень с мясной запеканкой, завернутая в кухонное полотенце кулебяка и рассыпчатый курник.

Потом нарисовалась пузатая бутылка, и посиделки обернулись полноценными проводами года.

Через несколько часов, уставившись глазами в больничный потолок с бурыми разводами плесени, Оливия будет вспоминать лицо Вадима: покрасневшее то ли от мороза, то ли от кедровицы, то ли от смеха, которым он заходился, рассказывая очередной курьез.

И то, как стремительно стемнело за окном, как уже никуда не хотелось ехать... Сидеть бы и сидеть за этим клеенчатым столом, слушая, как потрескивает печь и шумит электрический чайник, как дробно стучат ножи и призывно звенит посуда.

И то, как швыряла в лицо хлопья лютая метель, пока они шли к парковке. Как нехотя оползал с лобового стекла оцепеневшего от холода ковчег. Как надсадно заскрежетал, завыл его мотор, пытаясь выпутаться из морозной летаргии. Как неохотно распахнулись ворота и прощально мигнул фонарь, провожая их в путь – по неосвещенному зимнему тракту, зажатому между гигантских деревьев.

«Шишига» неслась по дороге, приминая снег широкими колесами. Вадим сжимал руль и молча всматривался в темноту, которая затекала в салон густой чернильной массой. Лучи фар хватывали пирамидки квартальных столбов и пустынные перекрестки просек.

Вдруг в простой архитектуре зимнего леса что-то нарушилось. От шеренги стволов отделилась расплывчатая тень и на скорости, опережавшей человеческое сознание, метнулась наперерез грузовику.

«Твою же мать», – без выражения сказал Вадим и, пытаясь уйти от столкновения, бросил машину вправо. Оливию подкинуло, затем накренило и ударило виском о дверную раму. Не помня себя, она открыла дверь и выпала наружу.

Когда она открыла глаза, в небе качались звезды. Они водили ангельский хоровод, переливались, как огни новогодней елки. Оливия с трудом повернула гудящую голову. Что-то острое – то ли стекло, то ли сосновые иглы – впилося ей в шею.

Она попыталась сфокусировать взгляд. Неподалеку лежал на снегу, скрестив копыта, здоровенный сибирский лось. Из его расплющенной горбоносой головы толчками выходила кровь.

Поодаль, завалившись набок, коченел на морозе побежденный «русский хаммер».

Оливия разлепила запекшиеся губы, чтобы позвать Вадима. Но в мозгу словно что-то лопнуло, полыхнуло огнем. Окружающая картинка тут же сжалась до крошечного пятнышка и погасла.

Тем временем неподалеку, на туристической базе «Геогност», взрывались фейерверки, лилось по бокалам шампанское – за наступающий! Счастливым! 2020 год!

XXIX

Озеро

Дважды Оливия приходила в себя, поднимала голову, перекатывалась на бок, пытаясь встать на четвереньки. Но это ей не удавалось. В глазах моментально темнело, руки и ноги проваливались в рыхлый снег, который, казалось, не хотел ее отпускать. С третьей попытки она доползла до обочины. Обессиленная, перевернулась на спину и замерла. Чьи-то прохладные цепкие руки мягко сомкнули ей горло. Вкрадчивый, как свистящий в кронах ветер, невыносимо ласковый и страшный голос зашептал, уводя ее туда, где она еще никогда не была:

Зимней ночью за окном
Нет и памяти о звездах.
Мягкий снег, уснувший дом,
Над асфальтом рыхлый воздух
Спит недвижимым талым сном...

Как затрещали вдали моторы снегоходов, Оливия уже не слышала. Она лежала, раскинувшись, под неохватным небом – как в тот памятный день в конце «индейского лета», когда они с Родионом оказались на берегу озера под Парижем. Им тогда казалось, что этот сияющий мир – навсегда. И вспышка счастья продлится вечно...

– Пока в отключке, но будем надеяться – не навечно, – вдруг произнес рядом с ней какой-то мужчина.

Выждав еще несколько секунд, пока сознание окончательно вернется, Оливия разлепила веки. Рядом стоял пожилой человек в белом халате и что-то записывал в толстую тетрадь.

– Вадим... – позвала она не своим голосом.

– Ну наконец-то, – к ней подскочила полная медсестра и заботливо поправила капельницу. – Такая молодая еще... мы уж испугались!

Под сердитым взглядом врача сестра замолчала.

Доктор присел на край кровати, та недовольно скрипнула.

– Побудете у нас немного. Мы вас обследуем и решим, что да как, – сообщил он. – Возможно, вызовем машину из Новосибирска и переведем вас в центральную клинику.

– А где... я?

– В городской больнице Зиминска. У вас сильнейшее переохлаждение, ушибы и порезы. Есть подозрение на сотрясение мозга.

– Скажите, – вмешалась медсестра, – кому позвонить из ваших близких? Мы не нашли при вас паспорта.

В голове так шумело, что Оливия разобрала лишь конец фразы.

– Паспорта? Он был в сумке...

– Вот в этой? – Женщина протянула ей знакомый предмет.

Оливия кивнула.

– Посмотрите во втором отделении.

Медсестра щелкнула замком и достала пластиковый конверт. В нем действительно оказался паспорт. Женщина развернула документ.

– Синицин Вадим Сергеевич, – прочитала она с расстановкой. – На фотографии вроде как не вы...

Оливия замешкалась. Потом наконец нашла в себе силы объяснить.

– В милиции, наверное, перепутали. В аэропорту. Нас там арестовали. Потом пьяный этот... Все упало со стола.

– Ну ничего, – утешила ее женщина, погладив по волосам, как больного, запутавшегося ребенка. – Разберемся.

– Скажите, а где Вадим? – настаивала Оливия.

– Спутник ваш? Так его реанимобиль еще ночью в столицу увез. Тяжелый случай...

– Ларочка, дайте пациентке отдохнуть, – забеспокоился врач, заметив, как нехорошо побледнела Оливия. – Вы поспите немного. Мы к вам попозже зайдем.

И они действительно заглянули попозже. Но уже не лично к ней, а с общим обходом палаты, в которой лежало несколько человек. На соседней койке в полном забытьи постанывала иссохшая старушка. Когда медсестра откинула одеяло, оказалось, что та крепко привязана к кровати.

– У бабки инсульт, нарушение сознания, – пояснила Лариса. – Ночью шевелится, пытается встать. Вот и приходится подстраховывать...

Следующая кровать оказалась свободной. А у самого окна угасал молодой парень с забинтованной головой. Он не двигался и, казалось, даже не дышал.

– У вас очень тихая палата, – заметила сестра. – Этот – совсем овощ. Драка после новогодней пьянки... Стукнули бутылкой по голове, а потом спустили с лестницы. Во время праздников у нас больница алкашами под завязку забита. Вам еще повезло, что досталась койка.

В эту минуту дверь распахнулась. Поскрипывая колесиками, мимо прогромыкала медицинская каталка. На ней громоздился мужчина средних лет с загипсованными руками и ногами.

– Э-э, поаккуратнее! Соображать же надо! – заорал он, когда медбратья попытались сгрузить его на вакантное место.

– А сам-то ты соображал, Кулибин, когда «ватрушку» к чужой машине тросом цеплял и бухой на ней по шоссе катался?! – осадил его санитар, с грохотом пододвигая капельницу.

Тем временем врач наклонился к Оливии.

– Как вы себя чувствуете?

Она облизнула сухие губы и пробормотала:

– Все время тошнит, хочется спать...

– Вот и отдохайте. Мы должны сообщить вашим родственникам, что вы здесь. Как с ними связаться?

– У меня в России родных нет. Я... французский репортер, в Сибири по работе.

– Час от часу не легче, – всплеснул руками врач. – Но кто-то же должен был вас тут встречать!

– Да. Директор Зиминского художественного музея, Илья Горский. Может, получится ему позвонить?

– А, ну вот, уже кое-что, – обрадовался врач. – Это ж надо, как вам не повезло. Такое паршивое начало года...

К утру она почувствовала себя чуть лучше. Сердобольная нянечка принесла ей стакан какао с липкой пенкой и тарелку манной каши.

Затем под села к травмированному соседу и принялась кормить его с ложки.

– И как же ты здесь оказалась, милая? – сочувственно спросила она, оглядываясь через плечо. – Правда, что ли, с самого Парижа приехала?

– Да, – вздохнула Оливия. – По делу. Так получилось...

– А у нас в селе есть своя француженка. Зовут Клава, – оживился любитель скоростного тубинга. – Она из ссыльных...

Нянечка взглянула на него тревожно. Потом приложила ладонь ко лбу, прикидывая, нет ли у больного жара.

– Да-да, – продолжил сосед, отгалкивая нянькину руку. – Клава, точнее, Клодин, родом из какого-то приграничного французского городка. Работала во время войны сестрой в больничке. Там у них оказалось несколько русских. Ну и закрутила она с одним парнем, Степаном. Году в сорок пятом они поженились и поехали в Советский Союз, с новорожденным ребенком на руках. Месяца два добирались в скотных вагонах до его родной деревни. Младенец за время пути чуть не помер – подцепил какую-то кишечную инфекцию. Как они его выходили без лекарств и проточной воды, одному Богу известно. А когда прибыли на место, оказалось, что у Степана есть еще одна семья. Клава, конечно, плакала, проклинала себя, пыталась вернуться домой... Но из страны ее уже не выпустили.

– Ох, и как же она дальше-то?.. – искренне огорчилась нянька.

– Да никак. Вскоре Степана этапировали в исправительно-трудовой лагерь, а Клаву с ребенком – на спецпоселение в Пермский край.

– За что?!

– Он был из оstarбайтеров – тех, кого немцы угнали на принудительные работы в рейх. После проверки НКВД его осудили по пятьдесят восьмой статье – за контрреволюцию... Ну или что-то в этом роде. Короче, из лагеря Степан живым не вышел. А Клава после смерти Виссарионыча освободилась и поселилась у нас под Зиминском. Все мечтала, говорят, вернуться домой во Францию... Не получилось.

– Почему? – удивилась Оливия. – Теперь-то препятствий нет...

– Так у нее пенсия мизерная. Только на хлеб с молоком да на вязанку дров хватает. Сколько ни копи, на билет до Парижа не

наберешь. А теперь к тому же Клава совсем невыезная стала: который год лежит, не подымается. Вот такая получилась, – подытожил он, – международная любовь!

Только на следующее утро Оливия включила свой телефон. Головокружение исчезло, в глазах перестали плясать тошнотворные точки, и она решила прочитать накопившиеся сообщения.

Первым, как ни странно, объявился Франсуа.

«Ну как там, за «пределами мира»? Давай, не застревай в снегах надолго. Проект стоит, да и вообще...»

«Даже не знаю, с чего начать, – быстро набрала Оливия. – Сибирь – такое место... понимаешь, тут все привитые нам стереотипы рассыпаются. Ладно, расскажу при встрече. Не грусти. Скоро буду!»

Она на секунду отложила аппарат. Да уж, «скоро буду»... Как и, главное, когда она отсюда выберется? У нее ведь даже паспорта нет.

Следующим шло сообщение от Габи: Аврелий загрузил в общий архив еще несколько кусков отснятого в Довиле материала. В фильм о Вишневском их включать не стали, а значит, они в полном распоряжении «Эритаж». Впрочем, главред Танги наверняка уже об этом знает.

Дальше следовали многочисленные смс от редакции, анонсы зимних распродаж и, наконец, послание Родиона. Оливия наморщила лоб, припоминая: кажется, в последний раз они списывались, когда ее самолет приземлился в московском аэропорту...

Вместо текста в сообщении оказалась фотография – того самого райского озера, которое рисовалось ей в полубреду, пока она замерзала на обочине мертвой трассы.

На снимке его поверхность выглядела тусклой и безжизненной. Над водой застыла пелена тумана. Оливия моментально ощутила запах прелой листвы и гнилой, пробирающей до дна души сырости.

На дне старой лодки, ржавеющей под морозящим дождем на берегу, темнела позабытая кем-то книга. Оливия увеличила масштаб картинки, чтобы разглядеть ее получше. Судя по всему, это был роман в жанре мелодрамы – черно-белая обложка с изображением влажных от дождя крыш, а сверху тоскливое, как январское небо Парижа, название: «После тебя».

Сердце сжалось в комок и покатилося прочь. Она свернулась под одеялом, подтянув колени к подбородку. Сколько же всего за последнее время произошло... ни в каком письме не расскажешь. И поговорить по телефону невозможно – вокруг лежат измученные люди, которым нужны тишина и покой.

Оливия уткнулась лицом в подушку, чувствуя, как бегут по щекам горячие слезы. Они вымывали из сердца сожаление и тоску. Невыносимую тоску человека, который вдруг осознал, что, кажется, больше... не любит?

От этого открытия ее буквально передернуло. Да нет, не может такого быть. Наверное, она еще не отошла от пережитого шока: от близости смерти и от того нутряного, жуткого страха, который охватывает человека, когда он остается наедине с собой. В глухом лесу. Зимой. В бескрайней ночной Сибири...

Но мысль точила ее, как неутомимый жучок, и отмахнуться от нее было уже невозможно: правда состояла в том, что за истекшие дни о Родионе она почти ни разу не вспомнила.

XXX

Аритмия

В приемной кардиологического кабинета на улице Третьяк, недалеко от кладбища Монмартра, сидели в ожидании шесть человек. Родиону показалось странным, что большинству из них было немногим больше пятидесяти.

Вскоре подошла и его очередь. Ассистентка, принимавшая телефонные звонки и оплату от пациентов, указала ему на нужную дверь.

– Итак, что вас ко мне привело? – Пожилой врач взял в руки формуляр, заполненный Родионом.

– Кажется, аритмия...

– Правда? А что вы называете этим неприятным словом?

– Часто просыпаюсь по ночам от ощущения, что у меня выскакивает сердце. Ну, будто бы меня смертельно испугали. Или накрыло какое-то жуткое предчувствие.

– Хм... Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку.

Снимая рубашку, Родион взглянул на свое отражение в дверце стеклянного шкафа, в котором стояли десятки научных трудов и исследований, посвященных самому таинственному и уязвимому человеческому органу. Увиденным он остался недоволен. За последний год его сухое подтянутое тело начало меняться – словно увядать.

– Вы курите?

– Да, но не так уж и много.

– Спортом занимаетесь?

– От случая к случаю.

– Понятно, – вздохнул врач, наклеивая на него ледяные присоски. – Лежите спокойно, не шевелитесь.

– Знаете, такое чувство бывает, будто бы я тону. Из легких выкачивают кислород, сердце начинает метаться...

– Скажете тоже, – скептически отреагировал доктор, изучая электрокардиограмму, в которой чередовались зубчатые пики и впадины. – Я бы назвал это трепетанием. Ну, знаете, такой приятный тонизирующий тремор, как в момент первой любви...

Первую любовь Родион помнил уже довольно смутно. Гораздо больше его волновала сейчас последняя – та, которой он жил и которой спасался... Та, которая в последнее время от него ускользала.

– Стресс алкоголем запиваете? – Врач отцепил от его запястий и щиколоток зажимы с проводами.

– Бывает. Но умеренно. И только хорошим вином.

– А как у вас с наследственностью? Сердечно-сосудистые заболевания у родственников есть?

Родион скупо кивнул – имеются.

– Вот что... – задумчиво протянул специалист, усаживаясь за стол и что-то заполняя в его медицинской карте. – Пока не буду вас пугать преждевременными диагнозами. Проведем суточное мониторирование и нагрузочные тесты, а потом и лечение подберем. Я предпочитаю подходить к этому вопросу с осторожностью, особенно у пациентов вашего возраста...

– А что, мой возраст считается критическим? – иронически осведомился Родион.

Врач вытянул губы трубочкой и откинулся в рабочем кресле.

– В целом – нет. Но в последнее время наблюдается рост смертности среди довольно молодых мужчин. Приблизительно ваших лет. Все они принимали препараты, содержащие один и тот же компонент. К счастью, в заполненном вами формуляре я их не вижу.

– Эти лекарства негативно влияли на сердце?

– У некоторых пациентов их действующее вещество вызывало нарушение сердечного ритма – так называемую «пируэтную» тахикардию.

– И они от этого умирали?..

– Долгое время никто не мог установить связь между участвовавшими смертями и каким-то конкретным препаратом. Но потом провели дополнительные исследования и выявили закономерность. Понимаете, ведь мужчины, особенно молодые, не любят ходить по врачам. И на всякие там «трепыхания» сердца внимания не обращают...

Он протянул Родиону два направления.

– В общем, как будут готовы результаты, – милости прошу. Моя ассистентка вас запишет.

– А среди женщин что же, подобных случаев нет?

– Да сколько угодно! Просто женщины к своему здоровью внимательнее относятся. Поэтому среди них и процент смертности ниже.

– Понятно. И как же называется это страшное лекарство? – спросил Родион с интонациями законченного ипохондрика, который не особенно разбирается в вопросе, но тем не менее «желает знать».

– Я же говорю: препаратов было несколько, все на основе одного и того же вещества... Да не накручивайте вы себя, – попытался успокоить его врач. – Средства с фенотеканом скоро снимут с производства. Мы подберем вам совершенно безопасное лечение – будете порхать!

Выйдя на улицу, Родион обнаружил, что погода окончательно испортилась. Шел холодный дождь, от которого не спасал ни плащ, ни новый зонтик. Штанины мгновенно промокли и прилипли к ногам. Подошвы кожаных ботинок жалобно захлюпали.

Уже на подходе к дому он заскочил в винный погребок, куда в последнее время часто навещался. Хозяин встретил его улыбкой.

– А, месье Лаврофф... Как ваши дела? Сегодня настрой на красное, белое или игристое? – полюбопытствовал он, выходя из-за прилавка навстречу постоянному клиенту.

– Приветствую вас, Лоран, – ответил Родион, засовывая мокрый зонт в чугунную подставку. – Вино сейчас как-то не по погоде... Давайте лучше кальвадос.

– Очень правильное решение! – одобрил владелец лавки, доставая из деревянного ящика, набитого сухой соломой, две пыльные бутылки. – У меня как раз новый поставщик из Нормандии – у него исключительный бренди! Вот, выбирайте: яблочный или грушевый?

– Ну, раз исключительный... – усмехнулся Родион, разглядывая этикетки, – то возьму оба.

Заворачивая покупки в тонкую бумагу, подобно заботливой матери, пеленающей новорожденного младенца, «кавист» заметил:

– Удачный выбор, месье Лаврофф. Как говорил Бонапарт, в случае победы мы заслуживаем хорошей выпивки. А в случае поражения – просто нуждаемся в ней!

С трудом удерживая зонт, который норовил вырваться из рук и улететь, Родион подошел к дому. На въезде в их переулок стоял, клокоча двигателем, автомобиль жандармов. Родион нервно повел подбородком – после недавнего задержания Оливии даже случайное столкновение с органами охраны правопорядка вызывало у него дискомфорт.

Обойдя машину, он приблизился к калитке и хотел набрать код. Но дверца неожиданно распахнулась. Перед ним в блестящем плаще стояла Саломея.

– Вечер добрый, месье. Я чуть пораньше сегодня закончила, – пробормотала горничная сконфуженно. – На концерт вечером собралась...

– Рад за вас, Саломея, – ответил Родион с нескрываемым облегчением. Настроение у него было пасмурным, как раз хотелось побыть одному.

Сверкнув благодарной улыбкой, горничная выскользнула наружу. Родион поднялся по ступеням пристройки и достал из кармана ключи. Стоя на пороге дома, он окинул напоследок взглядом сумрачный переулок... и замер.

Размашистым армейским шагом к Саломее приблизился мужчина в форме жандарма. Распахнув над ее головой зонт, он проводил горничную до машины. Брызнув фарами, служебный «Рено» сорвался с места и канул в ночь.

XXXI

Паспорт

– Послушайте, это за гранью добра и зла – мужчины и женщины в одной палате... Здесь же не военно-полевой госпиталь!

– Понимаете, больница переполнена. У нас люди в коридорах лежат. Мы постарались создать наилучшие условия – у девушки очень спокойные соседи. Сегодня поставим ширму, чтобы не смущать ее видом тяжелых больных.

Оливия приоткрыла глаза и прислушалась. Один из звучащих за дверью мужских голосов был ей знаком. Второй принадлежал неизвестному.

– Но почему же вы не позвонили мне раньше? – давил незнакомец. – У меня был ее электронный адрес, но на письма она не отвечала... Я уж и не знал, что думать.

– Француженку вашу привезли к нам без сознания. Паспорта при себе у нее не оказалось. Вернее, он нашелся потом, но это чужой документ.

– В смысле, чужой?

– В момент аварии она была в машине с другим человеком. Он сейчас находится в реанимации центральной клинической больницы Новосибирска. До сих пор в коме. Видимо, их документы как-то перепутались...

– Ясно. Ну а как она? Скоро пойдет на поправку?

– У девушки сотрясение мозга. Ушибы мягких тканей и мелкие порезы. Но переломов, на удивление, нет. Водитель принял основной удар на себя. По большому счету ей нужно просто соблюдать постельный режим. Много спать, избегать психических и физических нагрузок. Ну и оставаться под медицинским наблюдением. В общем-то, для этого необязательно быть в больнице...

В эту минуту по коридору застучали шаги.

– Иван Алексеич, опять Каренина у нас! Тяжелая! Подойдите пожалуйста, надо срочно решать!

– Прошу меня извинить, пациентка поступила... железнодорожная травма, – сообщил врач, поспешно удаляясь. –

Ларочка, прошу вас, только без истерики! Сейчас разберемся с вашей толстовщиной...

– Ну все, «суповой набор» завезли, значит утреннего обхода не будет, – сердито проворчал загипсованный сосед. – Внимания от этих врачей не дождешься!

В палату, шурша целлофановыми бахилами, вошел мужчина средних лет. Оливия сразу догадалась, что это к ней. Она приподнялась и села, опершись спиной на подушку. Подтянула вверх одеяло – больничная роба в пасторальных букетиках ее сильно смущала.

Мужчина пододвинул к кровати единственный стул и спросил:

– Вы позволите?

– Здравствуйте, господин Горский... – Она выдавила подобие улыбки.

– Рад вас видеть, мадемуазель. – Он снял очки, протер их носовым платком и водрузил обратно на нос. – Нет, серьезно... очень рад.

– Вы извините, что я вам даже не позвонила. Но все планы покатались в тартарары. Я даже не уверена теперь, что смогу улететь вовремя. Билет у меня на послезавтра...

– Ну рейс-то мы вам поменяем, не тревожьтесь. Вот только документов, я слышал, у вас нет.

– Их перепутали в отделении полиции.

– Полиции? А что вы там, простите за любопытство, делали?

– Оплачивали штраф за административное нарушение. Мы курили. Вернее, Вадим курил.

– Вадим – это тот человек, что был с вами в машине? – попытался разобраться Горский.

– Да, старый знакомый мамы. Мы ехали в Зиминск, и по дороге все это случилось.

На глаза Оливии вдруг навернулись слезы.

– Господин Горский...

– Для вас Илья, – мягко поправил ее мужчина и снова снял очки. Его неяркие глаза с короткими ресницами смотрели на нее сочувственно.

– Вы не свяжетесь с новосибирской больницей? Я очень за него волнуюсь. Ведь это я заставила его тащиться в Зиминск. Аварии могло

бы и не быть...

– Не выдумывайте, Оливия. Зима в Сибири – время суровое. У нас на трассах гибнут тысячи человек. А про Вадима вашего я справки наведу. И с паспортом мы разьясним.

Вдруг рядом что-то загрохотало и с протяжным звоном откатилось под кровать. Невыносимо запахло мочой.

– Ну еханный бабай! – взвился загипсованный сосед. – Вынесите ж бабкину утку! Здесь и так не продохнуть!

Вскоре вошла санитарка в голубом чепце и резиновых перчатках. В руках она держала швабру и цинковое ведро с мутной жидкостью, источавшей запах хлора.

– Поднимите-ка ноги, – приказала она Горскому, – растеклось ведь все...

Когда уборка закончилась, и зловонное судно исчезло, Горский предложил:

– Оливия, послушайте... в таких условиях вам не стоит оставаться. Зиминск – городок провинциальный. У нас здесь все обставлено, как бы это сказать... по-простому. Если врач разрешит, давайте я устрою вас на время у себя? Патронажная сестра сможет приходить для осмотра хоть каждый день.

– Спасибо, – смутилась Оливия. – Но это как-то неудобно...

– В вашем распоряжении будет целый дом. К тому же он расположен недалеко от музея. Как только почувствуете себя лучше, осмотрим вместе экспозицию. Должны же вы отсюда увезти хоть какие-то хорошие воспоминания!

Она взглянула на него с благодарностью.

У Горского было довольно обычное лицо. Нос «уточкой», тонкие нервные губы. Правильный овал с чуть поплывшим подбородком. Словом, как и положено музейному работнику, – ничего героического.

Однако ему было присуще одно очень редкое качество, которое не ускользнуло от ее внимания: директор Зиминского музея был естественно элегантен. На первый взгляд он выглядел старомодно, но держался прямо и уверенно, отчего казалось, что на нем не свитерок с растянутыми локтями, а сидящий по фигуре твидовый костюм.

Практически весь день она проспала. А когда проснулась, за окном уже сгущались сумерки. На прикроватном столике стоял

остывший ужин: бледная паровая котлета и картофельное пюре. Однако есть совсем не хотелось.

Повернувшись лицом к стене, Оливия принялась разглядывать скол на штукатурке. По форме он отдаленно напоминал французский «гексагон». Оливия шмыгнула носом: как же теперь быть? Если не найдется паспорт, она застрянет здесь надолго. Нужно будет связываться с консульством. Пропадет авиабилет, в университете начнутся неприятности. А российская виза... она же истекает через несколько дней!

Мысли мельтешили, как снежинки, окутывали плотной пеленой. Но этот умозрительный кокон не мог защитить ее острого, как ледышка, осознания: Родион был прав... Желание угодить главреду обернулось для нее большими неприятностями. «Однако, – говорила она себе, – дело ведь не в престижной работе и не в личных амбициях. Умер достойный яркий человек, умер внезапно, нелепо, и никто не захотел разбираться в произошедшем... Как же можно этого не понимать?!»

Быстро утомившись, Оливия уткнулась в телефон. Пролистывая яркие картинки винилового мира, в котором идеальные люди проживали идеальную жизнь, она постепенно успокоилась и начала засыпать.

В самом зените ночи, когда округлая и спелая, как кустодиевская купчиха, луна возникла в оконной раме, в палате кто-то застонал. Оливия резко села на кровати. Из-за ширмы, которую накануне водрузили между ней и немощной старушкой, раздавалось учащенное хриплое дыхание.

С трудом поднявшись, Оливия вышла в коридор. Ее ослепил резкий электрический свет. Медленно переставляя босые ноги, она добрела до медицинского поста. Рядом с дверью в процедурную за стойкой сидела медсестра. Она раскладывала пасьянс.

– Простите... Моей соседке, кажется, нужна помощь.

Женщина нехотя оторвала глаза от карт.

– Это которой? Старухе, что ли?

– Да. С ней что-то нехорошее происходит...

– Да обделалась, наверное, опять. – Глаза сестры соскользнули вниз, в призывно раскинувшиеся карты: они сулили ей любовь и долголетие.

– Послушайте, это срочно! – попыталась настоять Оливия, чувствуя, как темнеет в глазах.

– Вы, девушка, прилягте! А то не дай бог что, – раздраженно отреагировала медсестра. – Я через минутку подойду.

В это мгновение потолок накренился и развязно подмигнул Оливии неоновым глазом. Дрожа от мелкого озноба, кое-как она добралась до кровати и уже слабеющим голосом вновь позвала сестру. Коридор молчал.

Луна в ответ сочувственно качнулась и погасла.

Утром ее разбудили голоса и шум за перегородкой. После непродолжительной возни задремезжала медицинская каталка, увозя из палаты накрытое простыней тело.

Оливия спустила ноги с кровати и нащупала пол. Покачиваясь, обогнула ширму и, взглянув на пустую койку со смятой грязной простыней, вся сжалась, будто ее ударили под дых.

– Кранты, – по-свойски сообщил переломанный сосед, – кончилась бабулька. Санитары сказали, часов семь тут пролежала – заоченела конкретно.

– Как семь часов?! Я же звала медсестру в районе полуночи! Она обещала подойти...

– Так у нас обещанного три года ждут, – невозмутимо заметил сосед. – Вот бабка-то и преставилась.

Он говорил что-то еще, гудел басовито, но Оливия его уже не слушала. Привычную утреннюю суету со скудным завтраком на пластиковом подносе, замером температуры и сменой белья заслоняла совершенно дикая мысль: целую ночь в полуметре от нее лежало остывающее тело человека, до которого никому не было дела...

Она схватила в руки телефон и набрала сообщение: «Илья, если ваше предложение еще в силе, я с удовольствием им воспользуюсь».

Но Горский не откликнулся.

Около двенадцати он возник на пороге палаты – в том же вязаном свитере и мохеровом шарфе.

– Придется подождать, когда ваши данные в систему внесут. Я им паспорт подвез...

– Мой паспорт? Вы его отыскиали?!

– Да, смотрался с утра в Новосибирск. Кстати, ваш приятель пришел в себя и передает привет. Ну что, будем собираться?

XXXII

Лекарство

Да бред. Совершеннейший бред, в который трудно было поверить. Однако некоторые совпадения казались уж слишком очевидными: Адель Мерсье и Жак Соланж были почти ровесниками. Смерть настигла их обоих внезапно, однако кто знает, какими заболеваниями они страдали? У скоропостижной кончины может быть множество причин...

Родион присел на корточки и поворошил угли в дотлевающем камине. Затем подкинул еще дров, которые неделю назад привез ему на тележке алжирец из соседней лавки. Торговали в ней всем подряд – от экзотических фруктов до складных зонтиков и собачьих поводков.

С момента отъезда Оливии камин он развел впервые. Как, впрочем, и впервые приготовил себе горячий ужин.

Усевшись за стол, Родион нехотя ковырнул вилкой рубленый бифштекс. Из него вытекла тонкая струйка крови.

Отложив столовые приборы и сдернув с себя салфетку, он налил себе кальвадоса и растянулся на диване. Чиркнув зажигалкой, затаился. Оливия терпеть не могла запаха дыма в квартире, а потому в любую погоду он был вынужден торчать на террасе...

И вот теперь можно снова побыть холостяком: негромкая классическая музыка, плотный табачный дым, нормандский бренди в хрустальном бокале, ленивое потрескивание камина... И никакой суеты!

Словно насмехаясь над этим фальшивым гедонизмом, на барной стойке заклокотал телефон. Какая-то неведомая сила подбросила Родиона в воздух, потащила к трубке.

– Да! – почти выкрикнул он, надеясь услышать родной голос.

– Вечер добрый, месье, – извиняющимся тоном пропела Саломея, – я завтра с утра немного задержусь? Дело в том...

– Да без проблем. Приходите, когда сможете, – процедил Родион. – Всего хорошего.

А хорошего было мало. За истекшие дни Оливия прислала ему лишь два смс, в которых сообщала, что все у нее в порядке. И от этой словесной скупости, демонстративного сухого безразличия ему хотелось выть...

Несколько раз Родион порывался набрать ее номер, но что-то его останавливало. В конце концов, прикончив пачку сигарет, он подтянул к себе планшет и решил сосредоточиться на работе. Это средство всегда помогало – и от скуки, и от бессильной тоски, и от любых навязчивых мыслей.

Для начала он пролистал последние публикации, связанные с фенодеканом и его воздействием на сердце. Оказалось, что уже полтора года идут дискуссии о том, насколько опасно это вещество и способно ли оно в действительности вызывать фатальную аритмию. Ситуация накалялась до тех пор, пока Европейское сообщество кардиологов не выделило средства на проведение исследований. Их результаты были опубликованы на веб-портале организации.

Картина складывалась неприятная: по всему выходило, что десятки лекарственных средств от кашля, отита и синусита, которые можно было приобрести даже без рецепта, могли привести к смертельному исходу...

Спустя полгода, когда следствие придет к окончательным выводам по поводу виновности подозреваемых и вынесет соучредителям фонда обвинительный приговор, а конфискованная «Весна» займет центральное место в одном из залов Государственного музея современного искусства в Париже, Родион будет давать интервью ведущему французскому изданию.

Журналист, который окажется вдвое его моложе и втрое наглее, поинтересуется: в какой момент предположение превратилось в рабочую гипотезу? И что послужило спусковым крючком?

Он и сам толком не знал. Возможно, сработал так называемый «эффект перелома». Ведь пока сам не получишь какой-нибудь травмы, не заметишь, сколько людей носят гипс или просто хромают...

Выйдя из кабинета кардиолога, он долго пытался отмахнуться от уж слишком очевидных совпадений, которые гудели растревоженным роем у него в голове и так и просились на бумагу.

В конце концов он создал в компьютере таблицу с перечнем всех зарегистрированных лекарственных препаратов, содержавших фенотекан. Немного поразмыслив, напротив каждого названия выписал заболевания, для лечения которых использовалось средство, а также список противопоказаний. Для порядка указал и концентрацию действующего вещества.

Поначалу этот документ выглядел скучной матрицей, в которой не просматривалось особого смысла. Но Родион всегда придерживался простого, но действенного правила: для того чтобы что-то обнаружить, нужно это искать. Однако для начала все же требовалось понять, что именно он ищет...

Распечатав новую пачку сигарет, Родион открыл файл со ссылками на публикации по исследуемому вопросу. Самые значимые он выделил красным цветом.

В одной из них приводилось мнение известного польского кардиолога. Тот ставил под сомнение все выдвигаемые в адрес фенотекана обвинения, утверждая: только очень высокая его доза может нанести пациенту вред. В большинстве же препаратов для лечения ОРВИ и бронхита, которые продаются в аптеках, действующее вещество присутствует в низкой концентрации.

За окном заняла шарманка. Сначала звучание ее было далеким и невнятным, но постепенно мотив приближался, нарастал и в конце концов заполнил собой всю комнату. Родион поспешно надел наушники, соединил их с телефоном и отыскал в записной книжке нужный номер.

На первый звонок никто не ответил. Но уже со второй попытки он услышал голос одного из лучших кардиологов Греции, который приходился Оливии... родным отцом.

Харис Илиадис был кардиохирургом уникальной специализации. В свое время он часто выступал на международных конференциях, а некоторые европейские клиники приглашали его оперировать своих самых безнадежных больных. В конце девяностых он возглавил крупнейший кардиоцентр страны. Но, когда Оливии только исполнилось тринадцать, плановая проверка выявила несколько сотен фальшивых счетов за исследования и диагностику. Этой алхимией занимались рядовые сотрудники отделений, однако вместе с ними карьерой поплатился и ее отец.

Кое-как пережив грандиозный скандал, он перебрался из Афин на Корфу, где старые родственные связи и репутация опытного хирурга позволили ему найти новую работу.

Однако десять лет спустя профессор Илиадис все же свернул свою практику: у него обнаружили опасное, быстро прогрессирующее заболевание.

Оливия летала к родителям в конце декабря, под Рождество. Вернулась она в подавленном настроении – отец уже почти не вставал и вяло реагировал на ее присутствие...

Однако по телефону его голос показался Родиону довольно бодрым. Возможно, он застал Хариса в момент кратковременного просветления, какие изредка случались между мучительными болевыми приступами. Кратко обрисовав ситуацию, Родион попытался сформулировать интересующие его вопросы.

– Да уж сколько лет об этом говорят, а толку-то, – отреагировал Харис, дыша с присвистом. – Я еще в Афинах работал, когда впервые подняли этот вопрос. Средства с фенодеканом даже собирались отозвать из аптек. Однако тогда производителю удалось доказать, что в малых дозах вещество безвредно.

– И это правда? – усомнился Родион.

– Все относительно... Понимаете, в зрелом возрасте у многих целый букет хронических заболеваний. Люди принимают за самолечение, начинают смешивать коктейли из пилюль на свое усмотрение. Это очень опасно. Датчане, например, сумели недавно доказать, что фенодекан совершенно несовместим со снотворными средствами. Такая комбинация оказывает угнетающее действие на сердечную деятельность, особенно во сне.

– Значит, дело не столько в дозировке, сколько...

– И в ней тоже. Есть несколько медикаментов, которые прописывают для лечения заболеваний дыхательных путей, протекающих в острой форме, – излагал Харис с доходчивостью опытного докладчика. – Среди них и французский «Пневмостин». Вот с ним ситуация абсолютно критическая. По-хорошему врач просто обязан предупредить пациента, что препарат содержит высокую концентрацию фенодекана и сочетать его со снотворными или транквилизаторами нельзя! Однако могу предположить, что так поступают немногие.

Поблагодарив отца Оливии за консультацию, Родион распрощался. Он очень опасался, что разговор свернет в семейное русло. И тогда придется рассказывать, как у них обстоят дела и каковы планы на наступивший год...

Зачем огорчать пожилого и к тому же тяжело больного человека? Ведь за последние три недели они с Оливией не только не виделись, но толком даже и не разговаривали. Она пропала в сибирских снегах и хлябях, своим молчанием давая ему понять, что хочет побыть одна.

XXXIII

Дома

Вязаные шторы – точно такие, как представлялись ей муторной ночью, проведенной в отеле «Калифорния-хаус», были единственной деталью, которая сближала вымысел с реальностью.

Зиминск оказался настолько крошечным, что о центральной или окраинной части и говорить не приходилось. Кроме больницы, Дома культуры, Горжилуправления и районной администрации каменных построек в этом отдаленном поселении фактически не было. Из окошка заляпанных «Жигулей», сиденья которых, казалось, одеревенели от мороза, Оливия жадно разглядывала новый для нее мир.

Стоял гудящий, ослепительно синий день. Нападавший за ночь снег вдоль дороги казался неестественно белым, а сама трасса – мерцающей и зыбкой, как Млечный Путь. Но поразила ее не эта идиллическая, почти утрированная сибирская красота, а то, насколько пустынными выглядели улицы-фантомы. За все время им повстречалась лишь пара собак, передвигавшихся подмороженной трусдой, да женщина в громоздкой лисьей шубе, чье лицо боязливо выглядывало из пухового платка, а руки в мохнатых рукавицах прижимали к себе какой-то заледеневший сверток.

– И где же люди? – не выдержала Оливия.

Горский, неповоротливый и грузный в своей безразмерной куртке и кроличьей шапке с обтрепанными завязками, взглянул на нее с недоумением.

– Так на улице за тридцать. Вы, наверное, не успели почувствовать – я ж машину к самому крыльцу подогнал. Дети сидят по домам, а родители – кто как... Многие все же на работе. У нас к тому же пенсионеров много. Они в такую погоду и вовсе не выходят.

Оливия пошевелила пальцами ног и скривилась от боли: всего за несколько минут езды по городку на машине, в которой, как ни странно, на пределе жарила печка, ее стопы совершенно онемели.

– Потерпите немного. – Горский сочувственно покосился на ее ботинки, которые на альпийских горнолыжных курортах считались

морозоустойчивой обувью. – Приедем домой, я вам унты дам.

– Унты?..

– Отличные зимние сапоги. Такие носят на Крайнем Севере. Олений мех, толстая подошва, двойной рант... И размер, кажется, подходящий.

– У меня большая нога, – смутилась Оливия. – В отца. Он у меня такой великан...

– Для Сибири в самый раз. Тут крепко за землю держаться надо, а то северным ветром сдует, – пошутил Горский. – Вы очень бледны, Оливия. Прямо под стать пейзажу. Как приедем, ляжете передохнуть. А я чего-нибудь приготовлю...

Она повернулась к нему и произнесла с детской серьезностью.

– Вы даже не представляете себе, как я вам благодарна. Приютили постороннего человека с кучей проблем: еще утром у меня не было даже паспорта! К тому же я могу застрять у вас надолго – вряд ли в ближайшие дни сумею сесть в самолет. В Сибири у меня совсем нет знакомых, и если бы не вы...

– Послушайте, Оливия, это все лишнее. Так поступил бы любой порядочный человек.

Горский засунул руку в карман и вытащил оттуда небольшой сверток из фольги.

– Вот, съешьте пока домашний сгибень. Там лучок и картошка. А то, не дай бог, сознание потеряете... Рановато я, конечно, вас из больницы выдернул. Но в таких условиях вы бы еще долго в себя приходили.

Однако к тому моменту собеседницу в лице Оливии он уже потерял. Она не отрывала глаз от мутноватого окна, то и дело протирая его едва согревшейся ладонью. Ей хотелось разглядеть, запомнить, зафиксировать каждую деталь: и разноцветные наличники с растительным орнаментом, и аккуратные фасады, обшитые крашеным тесом, и кружевные фриззы, над которыми переливчатой радужной гирляндой нависала бахрома сосуллек.

Домики в общей массе были одноэтажными, но встречались и двухъярусные постройки. В каждом окне – обязательный атрибут семейного уюта: горшок с махровым цветком, толстомордый сметанистый кот или же трехлитровая банка с брусничным морсом.

Сквозь ажурный рисунок штор улавливалась размеренная жизнь, которая была неподвластна ходу времени: мерцающий в углу телевизор; остывающий на придвинутой к окну доске уют; дымящаяся на подоконнике кастрюля со свежесваренным супом и мельтешение детских голов в новогодних масках.

Возможно, в тысячах других российских городков залетный гость застал бы похожую картину. Но Зиминск отличался тем, что в нем не ощущалось сонливой лени, вязкой скуки провинциальной жизни, характерных для типичных энсков из романов и повестей русских классиков.

Все эти нарядные фасады, отсыревшие застрехи, под которыми пытаются согреться рябые воробьи, вся эта живописная прелесть русской провинции, где время остановилось вечность назад, где тянет то ли выпивать, то ли молиться, конфликтовала с очевидными приметами времени.

Вот мелькнула карамельная вывеска салона красоты «Еще не замужем»; за ней – выкрашенное в радикальный цвет крыльцо караоке-бара «Глухой медведь». Следом старый дом с обвалившейся крышей и заколоченными фанерой окнами, которые приспособила под рекламу артель «Теперь не дует». Судя по наклеенным поверх композита плакатам, фирма занималась установкой «морозоустойчивых пластиковых рам и утепленных натяжных потолков».

Реклама в городке висела практически везде: на покосившихся заборах, на автобусных остановках, в витринах газетных киосков, на досках объявлений и даже на постаменте памятника Ермаку.

Складывалось впечатление, что зиминцы – народ не только предприимчивый, но и не чуждый развлечений. Бетонные тумбы, смахивавшие на циклопические нитяные катушки, торчали на каждом углу. Они были обклеены афишами КВНов, спектаклей, круглых столов и выставок-экспозиций.

Вдруг мелькнула баннерная конструкция с уже знакомой Оливии картинкой: золотистые брызги по темному фону и алая надпись «Сибирский метеорит».

– Кстати, я попробовала эти конфеты, – заметила Оливия. – Просто отличные!

– Да, их делает один местный кооператив. Правда, дела у них идут не очень.

– Почему? Качество отменное!

– Малый бизнес здесь еле дышит. Одно время конфетники даже зарплату выдавали продукцией. Народ потом мотался в Новосибирск, пытался сбыть «Метеорит» коммерсантам по себестоимости. У меня сестра пару лет в этой фирме отработала, а потом ушла...

– Нашла себе другое занятие?

– Могла бы. Ведь у нее два высших и ученая степень. Но кому это теперь нужно? Да и здоровье работать ей уже не позволяет.

Он замолчал. Поправил шторы печки, направив поток горячего воздуха в ноги.

Машина свернула на кривую улочку, обрывавшуюся заснеженным склоном. Чуть в стороне, у кромки леса, виднелась деревянная церковь с подмерзшим куполком, увенчаным темным крестом.

Недалеко от нее из-за шершавого забора выглядывал дом с мансардой. Это был грубоватый сруб без какого-либо декора: ручка входной двери обмотана изолентой, окна прикрыты давно некрашенными ставнями.

Держа навесу чемодан, Горский бодро хрустел по утрамбованному снегу в направлении дома. Оливия следовала за ним.

Обстучав о ступеньки снег с ботинок, он поднялся на крыльцо и отомкнул дверь. Петли приветственно скрипнули, приглашая их внутрь.

Оливия вошла и огляделась.

Обстановка оказалась по-городскому сдержанной и практичной. По центру комнаты стоял круглый стол, накрытый простенькой клетчатой скатертью. К стене был придвинут кабинетный диван с высокой стеганой спинкой и верхней полкой, на которой теснились семейные фотографии. В углу, словно стесняясь своего потускневшего блеска, скучало старое пианино.

Под потолком висела лампа в плетеном абажуре, проливая теплый свет на пол, припорошенный по краю разлетевшимся от печки пеплом.

Откуда-то, цокая когтями, выскочила собачонка и бросилась к Горскому. Тот потрепал ее за ухом – ну, иди сюда, Бром. Что, дружище, соскучился?

В доме было сильно натоплено, и у Оливии вдруг поплыло перед глазами. К горлу подкатил тошнотворный комок. Она принялась поспешно разматывать шарф, соображая, куда можно бросить верхнюю одежду.

– Давайте я в сенях повешу, – предложил Горский, взглянув на нее с опасением. – А чемодан я закатил к вам в комнату. Она за лестницей, располагайтесь!

Через секунду Оливия была уже у себя. Обстановка «гостевой» оказалась непритязательной, но уютной. Она вздохнула с облегчением – и впрямь как дома. Присев на аккуратно застеленную кровать, она вытащила из-под покрывала подушку и прилегла.

Сквозь кружевные прорехи окна просматривался зимний пейзаж. Небо потемнело, набухло и словно из лопнувшего мешка на землю посыпалась мучнистая пыль.

Чувствуя, как наливается свинцом голова, Оливия закрыла глаза и впервые за эти дни заснула вольным, беззаботным сном.

XXXIV

Мансарда

Разбудил ее странный звук. Наверху в мансарде кто-то слабо постанывал. Потом зазвучали торопливые шаги, дзынькнули какие-то склянки. Раздался протяжный всхлип, затем стало тихо.

Оливия взглянула на часы – черт, половина восьмого! Значит, она проспала весь световой день... Однако теперь она чувствовала себя значительно лучше.

Неожиданно заворчал, заворочался пустой желудок, напоминая, что кроме пирожка с картошкой, который Горский назвал забавным словом «сгибень», с утра она ничего не ела.

Пригладив растрепавшиеся волосы перед прислоненным к стене зеркалом, Оливия вышла из комнаты. И тут же у лестницы столкнулась с хозяином дома.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Горский озабоченно. – Может, не стоило вставать? Завтра придет патронажная сестра, я с ней созвонился.

– Все в порядке, – улыбнулась Оливия. – Но если честно, ужасно хочется есть...

– А вот это отличная новость!

Он усадил ее за накрытый стол: потемневшие столовые приборы, две тарелки с выцветшим орнаментом, плетеная корзинка с ноздреватым деревенским хлебом...

Через минуту на столе дымилась кастрюля с куриным супом и блестело блюдо с мелко порубленной зеленью.

– Вообще-то, это был обед, – извиняющимся голосом произнес Горский. – Но раз уж вы его проспали...

– Да в самый раз! – успокоила его Оливия, сунув кусочек хлеба в рот, чтобы унять неприлично урчащий желудок.

Убирать со стола Горский ей не позволил – усадил на диван, сообщив:

– Я привык хозяйствовать один. Не люблю, когда кто-то толчется на кухне. Хотите, включу вам музыку? В шкафу у меня множество

художественных альбомов – берите, что понравится, не стесняйтесь.

Оливия подошла к застекленному стеллажу. Ноги едва ее держали, тянуло прилечь. Быстрым взглядом окинула полки: русская классика, немного современной прозы и куча книг на французском.

Взяв пару иллюстрированных изданий, сложенных стопкой в самом низу, она побрела неуверенным шагом обратно к дивану – комната раскачивалась, как шлюпка, и куда-то дрейфовала.

Оливия устроилась, вытянув ноги вдоль сиденья, и подсунула под голову одну из расшитых крестовыми стежками подушек. Дождавшись, когда шторм в голове уляжется, она раскрыла первый альбом. Он назывался «Зиминск: вчера, сегодня, завтра». Оливия переворачивала плотные, пахнущие яблочной пастилой страницы и разглядывала старые снимки.

Вот горбатятся вдалеке кривобокие избышки. В перспективе – черный лес, а на первом плане – тощая корова. А вот молодая женщина в платке укладывает поленницу. За ее подол уцепился чумазый хнычущий малыш. А вот в ту самую церквушку, с которой соседствовало жилище Горского, подпоясанные ремнями мужики затаскивают какие-то мешки. Над дверью отчетливая надпись: «Продуктовый склад».

Оливия взялась читать справку под снимком, но Горский ее отвлек. Он опустился в кресло напротив и принялся рассказывать.

– Зиминск вырос на месте деревни Зиминка. В ней когда-то было всего четыре десятка домов. Однако она считалась местом намоленным – в нашу церковь народ со всей округи собирался. В тридцатые годы в храме оборудовали продуктовый склад, затем медпункт. А в пятидесятых в нем была изба-читальня. Зиминка к тому времени сильно разрослась за счет бывших спецпоселенцев. Знаете, кто это такие?

Оливия сконфуженно промолчала.

– Люди, которых власти выселили из родных мест и отправили в отдаленные районы страны. В пятидесятых часть спецпоселений закрылась, в Зиминку перебралось несколько ссыльных семей. Среди них оказались и подданные Российской империи, бежавшие из страны после Октябрьской революции.

– А этих-то как сюда занесло? – спросила Оливия, пытаясь из вежливости сесть.

– Нет-нет, лежите, как доктором предписано, – воспротивился хозяин. – Вечер длинный, все успеем обсудить...

Он подал ей плед и продолжил.

– Если я правильно понял, вы выросли за пределами России? Тогда, конечно, всех подробностей нашей истории вы можете и не знать... Существует такое понятие – возвращенцы. Этим словом называют репатриантов. Среди них были и эмигранты, поверившие в то, что у них здесь может быть будущее. Начиная с сорок четвертого года они начали прибывать в Союз – кто-то в сопровождении семей, кто-то в одиночку. В их числе попадались и французы, вступившие в брак с русскими. А также отпрыски бывших белогвардейцев, которые взялись проводить своих стариков на землю обетованную. Они собирались помочь им обустроиться, а затем планировали вернуться на Запад. Вообще, мысль о том, что если прижиться не получится, то можно будет уехать обратно, подогривала многих.

– Не получилось?

– Конечно нет. Из нескольких тысяч лиц с французскими паспортами назад прорвалось человек двадцать.

– Ну а как же посольство? О своих не позаботилось?

– Дипломатам это было невыгодно. Портить отношения со страной-победителем из-за кучки неосмотрительных граждан никому не хотелось. Их просто бросили на произвол судьбы... К тому же у многих власти сразу же изъяли французские документы, выдав взамен советские бумажки. А дети, родившиеся здесь, и вовсе не имели шансов выехать с родителями – они считались собственностью советской системы.

– Эти люди, наверное, чувствовали себя черными овцами...

Горский грустно улыбнулся.

– Скорее белыми воронами. Так у нас называют тех, кто не вписывается в общую картину. На самом деле им приходилось очень туго. Дело в том, что всех возвращенцев ждала обязательная проверка НКВД. Некоторые по прибытии застряли в фильтрационных лагерях. Они месяцами ждали, когда органы выяснят всю подноготную и разрешат им отправиться к месту назначения. Однако домой попали единицы. Но и это им не помогло – «зачистки» проводились повсеместно. Одним словом, треть репатриантов погибла в первые же месяцы пребывания в Союзе. Кто-то сгинул в исправительно-трудовых

лагерях, кто-то был осужден и расстрелян, а кто-то просто не выдержал суровых условий и покончил жизнь самоубийством... Но все же были и те, кто сумел притереться к системе, выжить и кое-как наладить быт. Несколько таких семей обитают в Зиминске. Их предки отстроили этот городок, вырастили поколение советских граждан. Правда, почти никто из сегодняшних зиминцев не говорит по-французски.

– Невероятно... Кстати, вы меня очень удивили, ответив на мое письмо на элегантном, я бы даже сказала, литературном языке. Я в Париже уже восемь лет, но такими оборотами не владею.

– Приходится много читать, – уклончиво ответил Горский, покосившись на книжный шкаф. – К тому же французским владел мой отец. В детстве он не мог себе позволить обращаться ко мне на «неродном» наречии при людях, но дома мы практиковали довольно часто.

– Он был учителем?

– Да чем он только не занимался. Вырос в России, но школу окончил в Париже, куда после революции перебрались его родители. В сорок пятом, на пике победной эйфории, поддался на пропагандистские лозунги и обратился в репатриационную миссию. Приехал в Союз и почти сразу угодил в лагерь в Пермском крае – НКВД удалось раскопать информацию о том, что он работал врачом в госпитале в Безансоне, где лежало много немецких офицеров. И врачевал на дому какого-то нацистского бонзу. В местах заключения он пробыл до пятьдесят первого года: работал на лесозаготовке. Затем его перевели в спецпоселок на Каме, где он отстраивал медицинский пункт. Там впоследствии служил фельдшером. Была у них и своя школа – в ней учительствовала моя мать. После смерти Сталина родителей наконец сняли со спецпоселения, но в родные края уехать не дали, предложив на выбор несколько «адресов». Мама с папой и десяток семей других репатриантов оказались здесь. Отец начал преподавать французский детям. Однако через несколько лет, во время хрущевской оттепели, местная администрация решила создать краевой музей, и его назначили заведующим.

– Поразительная история! Ну а вы во Франции бывали?

Облик ее собеседника странно изменился. Лицо неожиданно смялось, глаза потемнели, а руки, до этого момента спокойно

лежавшие на коленях, вдруг ожили, задвигались, заплясали, будто бы не находя себе места. Наконец он справился с собой и произнес:

– К сожалению, средства не позволяют. Однако надеюсь, что...

В эту секунду наверху что-то звякнуло, затем раздался глухой дробный стук. Горский вскочил и, ничего не объясняя, бросился к лестнице.

Ощущение, что он пытается подогнать факты под гипотезу, не покидало Родиона до тех пор, пока он не решился снова позвонить двоюродной сестре Адель Мерсье. Несколько лет назад благодаря Сесиль он оказался на юбилее «шоколадной вдовы», где впервые увидел Марка Портмана.

С Сесиль его связывал краткосрочный роман, который довольно быстро сошел на нет. Она оказалась отъявленной карьеристкой – человеком, для которого профессиональный успех стоял выше личных отношений.

Возраст этой жизнерадостной, энергичной женщины не взялся бы определить даже самый опытный физиономист. Она была по-мальчишески subtilна, по-девичьи свежа и по-женски прагматична. Родиону многое в ней нравилось. Однако ее стремление сразу же загнать отношения в рациональные рамки, любить по четкому графику, в котором свидания приравнивались к «культурной программе» и случались только по выходным, породило в нем вскоре ощущение пустоты и собственной ненужности.

Расстались они буднично и бесконфликтно, что при необходимости оставляло за ним право на телефонный звонок в нерабочее время.

Услышав голос Родиона, Сесиль обрадовалась. Это было неожиданно: пару месяцев назад, когда он обратился к ней с просьбой организовать для него встречу с «шоколадной вдовой», Сесиль приняла его довольно сухо.

Но после внезапной смерти сестры настроение у нее было подавленное – Адель она очень любила. Та не раз подставляла ей плечо в трудные моменты, помогая и словом, и делом, и деньгами...

– Понимаешь, – искренне печалилась Сесиль, – она ведь не планировала отправиться на тот свет. У нее только-только все началось налаживаться. Она слегка воспряла после смерти мужа, продала компанию и вспомнила о своем увлечении искусством...

– Скажи, а с самочувствием у нее было все в порядке?

– В том-то и дело, что да. Правда, после смерти Шарля она жаловалась на бессонницу. Но это объяснимо: мало того что осталась одна, так еще и бизнес начал рассыпаться. Адель была такая непрактичная! Но, слава богу, нашелся человек, который помог ей выкрутиться.

– Ты про Анри Монтеня?

– Да... Ты тоже с ним знаком?

– Очень поверхностно. Твоя сестра посоветовала мне поговорить с ним насчет продажи картин, которые достались мне по случаю.

– Что ж, он полезный человек. Анри способен утрясти любой юридический и финансовый вопрос – у него масса связей...

– Это правда. Он мне даже своего страхового агента посоветовал. Такое ощущение, что он знает всех и вся.

– Да, Монтень – ходячая записная книжка, – подтвердила Сесиль. – Сестра сменила по его совету управляющего имуществом, садовника и даже лечащего врача.

– Кстати, врача он мне тоже нахваливал. Только я его визитку куда-то подевал. Имя у него еще такое...

– Всех имен в голове, конечно, не удержишь, – фыркнула Сесиль, – но могу пойти посмотреть. Бумаги сестры у меня, в том числе и папка с медицинскими документами.

Через несколько минут она вернулась к трубке.

– Ги Ле Труа, верно? Звучит забавно, как детская считалка – un, deux, trois nous irons...

– Точно! А ты не знаешь, Адель в последнее время часто к нему обращалась?

– Послушай, Лаврофф! – рассердилась она. – Ну нельзя же считать всех вокруг дураками. Ты мне до этого несколько лет не звонил, ни с одним праздником не поздравил. И вдруг объявляешься, приторный, как прошлогодний мед, и начинаешь засыпать странными вопросами. Либо выкладывай все начистоту, либо проваливай!

Родион не смог сдержать улыбку. Вот что ему в ней всегда нравилось: холодный ум и вопиющая прямолинейность. Жить рядом с таким человеком, наверное, невозможно, а заполучить Сесиль в деловые партнеры он бы не отказался.

В нескольких словах он обрисовал ей картину. Точнее, ту ее часть, которая касалась бесконтрольного приема фенодекана и его летальных последствий.

– Говори я сейчас с кем-то другим, – отреагировала Сесиль, – посчитала бы, что человек не в себе. Какая-то дремучая конспирология, ей-богу... дело врачей-убийц!

– Так я пока никого и ни в чем не обвиняю. Просто собираю информацию, чтобы понять, насколько верна моя версия.

– Не кокетничай, Лаврофф. Могу предположить, что за этим всем стоит интрига посерьезнее, чем смерть моей бедной сестры. Иначе бы ты мне не названивал.

– Ты права, – охотно признал Родион. – Не одолжишь на время медицинскую папку Адель? Если там, конечно, нет ничего конфиденциального...

– Как будто тебе можно в чем-то отказать, – проворчала Сесиль. – Ладно, заскочи ко мне завтра в офис. Я буду мотаться со встречи на встречу. Документы оставлю секретарю.

– То есть на кофе я могу не рассчитывать...

– По будням я пью кофе только с деловыми партнерами, – ответила она совершенно серьезно. – А вот в воскресенье, если хочешь, можем где-нибудь посидеть. Внести тебя в расписание?

XXXVI

Un, deux, trois

В офис Сесиль, находившийся в людном квартале Сорбонны, Родион попал лишь к часу дня. Приняв от секретаря увесистую папку, он решил остановиться на обед в любимом месте, куда не заглядывал уже много лет.

Заведение под невыразительным названием «Парижский кофе» сильно отличалось от традиционных брассери и бистро. Четверть века назад эта забегаловка, оформленная в эстетике манхэттенского бара, всегда трещала по швам от наплыва клиентов. И неудивительно: ресторанов, предлагающих блюда американской кухни, на тот момент в столице было не так уж и много.

Истекающие мясными соками гамбургеры и острые куриные крылышки Родиона привлекали мало. А вот яйца бенедикт с густым маслянистым желтком, политые сливочным соусом, и хрустящий «хашбраун», совершенно неотличимый от бабушкиных драников, были его слабостью со студенческих времен.

Устроившись за столиком в самом дальнем закутке, подальше от гомонящей барной стойки, Родион заказал еду и развернул любопытную папку.

В десятках пластиковых кармашков лежали медицинские счета, рецепты и клинические выписки. Просмотрев все бумаги, Родион отметил, что документы вдовы содержались в строгом хронологическом порядке.

На обороте отдельных рецептов были сделаны какие-то пометки. Вчитавшись, он сообразил, что это названия безрецептурных лекарств, отпускаемых в аптеках. Наименования в подколотых степлером чеках подтверждали его догадку.

Вытащив из папки все врачебные предписания, Родион разложил их на столе. Как и ожидалось, большинство было сделано терапевтом Ги Ле Труа. Самый первый его рецепт датировался маем две тысячи восемнадцатого года.

Родион открыл «Википедию». Так и есть, шоколадный магнат Шарль Мерсье скончался за несколько месяцев до этого. Если верить

рассказам Сесиль, то после смерти мужа ее сестра впала в депрессию, сопровождавшуюся хронической бессонницей. В этот трагический момент рядом оказался Анри Монтень: он не только нашел желающих приобрести гибнущий бизнес вдовы, но и помог грамотно оформить сделку.

А заодно и порекомендовал ей замечательного доктора, Ги Ле Труа.

Тот сразу предложил мадам грамотную схему лечения: курс легкого снотворного, а затем поддерживающую дозу антидепрессантов. Судя по тому, что последний рецепт Ги Ле Труа выписал в ноябре, вдова принимала эти лекарства вплоть до своей смерти.

– Ваш заказ! – объявил официант, ставя на стол красиво оформленную тарелку и бокал вина.

Надрезав ножом нежную яичную плоть, Родион наблюдал, как растекается по фаянсу тягучее золото желтка. Любуясь этой картиной, он продолжал обдумывать полученную информацию. Здравый смысл подсказывал, что в рекомендациях Ги Ле Труа нет ничего криминального. Скорее всего, схема лечения была стандартной и вряд ли могла нанести вред вдове.

Однако за рациональными выводами замаячило одно смутное предположение, которое стоило проверить...

Сделав снимок оборотной стороны рецепта, Родион послал его Сесиль с коротким комментарием и приготовился ждать ответа до позднего вечера. Но та отписалась практически сразу.

«Это почерк сестры. Наверное, список покупок для ее домработницы Эльзы».

«А Эльзу уже рассчитали?»

«Нет, она пока присматривает за домом Адель. Вот ее номер».

Родиону невольно подумалось: какая же умница. Все с лету понимает и лишних вопросов не задает. Редкое для женщины качество!

Попытка дозвониться до домработницы в дневное время ничем не увенчалась. Но около девяти, когда Родион уже собирался выключить компьютер и отправиться в душ, она объявилась сама.

Из первых же реплик стало ясно, что девушка удручена скоропостижной смертью хозяйки и никак не может смириться с

произошедшим. Выслушав Родиона, Эльза принялась всхлипывать, еле выдавливая из себя слова: да, в аптеку рядом с домом заходить приходилось часто. У мадам голова побаливала, и со сном были проблемы. А по осени она еще и простуду подцепила – бронхит вялотекущий. Чем лечилась? Да разве вспомнишь... Рецепты и квитанции в медицинской папке остались. Мадемуазель Сесиль забрала ее себе вместе с другими документами.

– Хотя... – Эльза вдруг задумалась, – подождите-ка минутку!

Застучали каблучки, вжикнула молния, зашелестели какие-то бумажки.

– Нашла! – обрадовалась девушка. – Мадам как приболела, сразу позвонила своему врачу. Тот ей лекарство порекомендовал. Вот у меня в блокнотике записано: «Пнев-мо-стин». Его без рецепта отпускают. Я сбегала, купила. Мадам эти таблетки некоторое время попила и на поправку пошла. Даже в оздоровительный клуб поехала: в сауне погреться, массажик горячими камнями сделать. Ну а там... вы и сами знаете...

Голос ее задрожал от близких слез. Эльза зашуршала бумажным платком. Решив, что узнал уже достаточно, Родион вежливо попрощался.

Утром ему пришлось отложить все дела, связанные с расследованием, и заняться подготовкой к научно-практической конференции, куда его пригласили в роли ведущего эксперта. Больше часа он просидел над вступительным словом, которое выходило каким-то уж слишком формальным.

Сделав глоток кофе, Родион принялся править текст, пытаясь привести его в приемлемый вид. Но тут под окном завизжала, захихикала, завозилась малышня. Судя по всему, соседка опять забрала двойняшек из школы пораньше и привела их домой на обед. После чего отправила мальчишек поиграть в общий палисадник.

– *Un, deux, trois nous irons aux bois; Quatre, cinq, six cueillir des cerises*^[24]...» – затараторил один из них, проглатывая в спешке слова считалки.

– Эй, Жиль! Так нечестно... ты слишком спешишь! – рассердился второй, не успев, видимо, придумать, где же ему спрятаться.

Что ответил на это торопыга Жиль, Родион не расслышал: он предпочел взять ноутбук и спуститься из кабинета в гостиную, окна которой выходили на другую сторону дома.

Закончив в тишине работу, он вошел в свою почту, чтобы отправить письмо организаторам. Ввел в адресную строку имя нужного лица, поставил в копию трех коллег, машинально повторяя считалку хитрюги Жилия: «*Un, deux, trois... nous irons aux bois...*»

И в эту минуту его осенило. От изумления Родион вскочил с дивана рывком, едва не опрокинув торшер.

Взяв себя в руки, он уселся на место и быстро вбил запрос в поисковик. Вместо ответа тот выдал ему черно-белую фотографию, опубликованную Ги Ле Труа в «Твиттере» больше года назад. На снимке пышный осенний лес, ломкая тропинка. По ней шагают два охотника. В седом мужчине с тяжеловесным южным лицом было легко узнать искусствоведа Жилия Ле Труа.

«Любимый тобою Ремарк говорил, что труднее всего пережить первые семьдесят лет, а дальше дело пойдет на лад. Но к тебе это не относится, пап. Ты всегда умел договариваться с жизнью – пускай так будет».

– Вот оно как... – процедил Родион, проклиная себя за невнимательность. Теперь понятно, что могло заставить солидного доктора с практикой в центре Парижа, с наработанной жирной клиентурой влезать в криминальную аферу. Тот факт, что один из соучредителей культурного фонда, Жиль Ле Труа, приходится родным отцом лечащему врачу Адель Мерсье и Жака Соланжа многое объяснял.

Основателей фонда Портмана в действительности было трое, но Родион ухитрился об этом забыть. Несколько месяцев назад, собирая информацию об их деятельности, он перетряхнул все подшивки материалов, в которых упоминалось имя Жилия Ле Труа. Но не обнаружил ни одного скандала, к которому бы тот оказался причастен. А потому фигура искусствоведа просто выпала из общей картины...

Просидев допоздна в Сети – на порталах «Инфогреф» и «Сосьете», опубликовавших годовые финансовые отчеты коммерческих организаций, – Родион выяснил кое-что еще. Жиль Ле Труа, всегда державшийся в тени, оказался мажоритарным акционером фонда

Портмана. Искусствоведу принадлежал контрольный пакет акций, а вместе с ним и право принятия ключевых решений.

Но это было еще не все. На пару с сыном Ги тот числился в списках инвесторов фармацевтической компании, выпускавшей десятки популярных препаратов, в том числе и... «Пневмостин».

XXXVII

Кальвадос

– Все это, конечно, звучит увлекательно. Однако тот факт, что домработница покупала для хозяйки «Пневмостин», совсем не означает, что Мерсье его принимала, да еще и вместе со снотворными, – рассуждал Вилар, потягивая грушевый кальвадос на террасе Родиона. – Чтобы инициировать следствие, понадобятся более веские основания.

– Я это понимаю, – согласился Родион. – Поэтому и хотел переговорить с вами тет-а-тет.

– По факту смерти вдовы ведь дело не завели?

– Насколько я знаю, нет.

– Однако Адель Мерсье была достаточно молодой женщиной, и ее скоропостижная кончина не могла не вызывать подозрений. Обычно в таких случаях тело вскрывают судмедэксперты. Эти ребята не только исследуют состояние внутренних органов, но и берут кровь на развернутый химический анализ. Он, по идее, выявляет все вещества, которые принимал человек накануне смерти. Однако если они не превышали терапевтической дозировки, значения этому не придают. Кроме того, судебники могли вообще обойтись простым тестом на алкоголь и не углубляться в поиски всего остального.

– А отчет о результатах вскрытия где-то хранится?

– Конечно. Акт судебно-медицинского исследования отправляется в архив. Но если честно, я бы на него надеяться не стал: связь между приемом двух медикаментов, которые свободно продаются в аптеках, и случайной смертью человека установить очень сложно.

– Даже если изначально были основания думать, что он скончался от каких-то лекарств? Например, снотворных?

– Это вы о ком?

– О Жаке Соланже. Я перечитал вчера все публикации, связанные с его внезапной гибелью. И даже очерк Оливии, написанный в сентябре для «Эритаж». Сорокасемилетний художник умер в своей студии на Монпарнасе. Родные полагали, что сердце Жака

остановилось, не выдержав передозировки сильнодействующего снотворного средства, который ему выписал личный врач.

– Доктор Ги Ле Труа?

– Он самый. Однако в результате вскрытия выяснилось, что передозировка была незначительной и сама по себе не могла привести к летальному исходу. Поэтому этот эпизод до сих пор расценивался как роковая случайность.

– Возможно, так оно и было? – ввернул адвокат.

– Если честно, до недавних пор я и сам так думал. А вот Оливия с самого начала настаивала на том, что в этой истории не все чисто...

– Упертая у вас подруга, – весело оскалился Вилар. – Я это еще в Довиле понял. Вы бы к ней почаще прислушивались, Лаврофф! Глядишь, была бы польза...

Родион промолчал. Поднявшись, он включил газовый обогреватель и подлил гостю ароматного напитка.

– Я общался недавно с сестрой Соланжа, Жанной, – продолжил он, будто бы не расслышав реплики адвоката. – Она воспитывает племянника одна – на те средства, которые зарабатывает, сдавая внаем старые баржи... От Жака им почти ничего не осталось.

– Как так? Он же был успешным живописцем!

– В последнее время – да. А вот десять лет назад о его перспективности догадывался лишь Анри Монтень. Со слов Жанны все эти годы он втирался к Жаку в доверие. Начиналось все с того, что он оказывал художнику мелкие услуги: устроить ребенка в престижную школу, снять достойное жилье, подыскать хорошего врача. Потом помог продать несколько картин. А затем посоветовал ему этот фонд. Жак ведь не знал, что незаменимый Анри – его соучредитель.

– А фонд тут при чем? – так и не понял Вилар.

– Организация Портмана любит брать под свое крыло начинающих художников, помогая им заработать и даже прославиться. Со стороны их деятельность выглядит настоящим меценатством, что обеспечивает основателям определенную репутацию в мире искусств. На деле же эти дельцы втираются в доверие к творческим людям, которые, как известно, бывают очень непрактичны. И постепенно добиваются того, что те сами просят фонд позаботиться об их художественном наследии.

– Вы хотите сказать, что Соланж добровольно отдал им свои работы? Так, что ли?

– К сожалению, да. Под давлением Монтеня, которому он доверял, Жак подписал агентский договор. И фонд получил право определять условия, сроки реализации его картин и проводить все сделки. О том, что он, по большому счету, попал в кабалу, Жак догадался лишь после того, как его «Парижский цикл» был продан за условную сумму фирмам, зарегистрированным в княжестве Лихтенштейн. Как потом выяснилось, род деятельности этих контор не имел никакого отношения к искусству, однако они охотно приобретали полотна через галереи Анри Монтеня.

– Я, кажется, начинаю догадываться, к чему вы подводите... Эти подставные конторы принадлежат кому-то из владельцев культурного фонда?

– Почти. Они зарегистрированы на имя Клод Монтень, племянницы Анри Монтеня. И по совместительству дамы сердца Марка Портмана. Дело в том, что по законам Лихтенштейна имя владельца предприятия может оставаться в секрете. Мне пришлось поднять все свои связи, чтобы докопаться до истины.

– Да у них там просто семейный бизнес! Все повязаны со всеми, – с искренним восхищением заметил адвокат.

– Так и есть. Мозгом организации является, конечно же, Монтень. Я встречался с ним и могу сказать, что он обладает особым талантом располагать к себе людей. Монтень втирается в доверие не только к творцам, но и к богачам, в чьих руках сосредоточены уникальные коллекции. Покойная Адель Мерсье, например, считала его коммерческим гением с особым нюхом на таланты. Она утверждала, что благодаря Анри она удачно вложила деньги в восходящих звезд и нашла покупателей на ненужные ей картины. Правда, ей пришлось «отдать несколько работ за номинальное вознаграждение, чтобы потом, когда публика войдет во вкус и оценит художника, взвинтить цены до предела». Догадываетесь, кто заполучил эти полотна?

– Подставные фирмы из Лихтенштейна?

– Естественно! Через некоторое время лоты ушли с молотка по бешеной цене. Она в разы превышала ту сумму, которую получила за них вдова. Но для миллионерши Мерсье эти деньги оказались незначительной потерей. А вот с Соланжем дело обстояло иначе. Жак

плохо разбирался в финансовых вопросах и доверил ведение дел своему советнику – Анри Монтеню. А тот сбыл за его спиной целую серию картин за гроши. Жак такого удара в спину не ожидал. Он впал в депрессию и по совету лечащего врача, Ги Ле Труа, начал принимать психотропные препараты...

– И до кучи «Пневмостин»?

– Думаю, да. У этого лекарства широкий спектр показаний. Ги Ле Труа мог запросто присоветовать его по какому-нибудь случаю.

– Ну а зачем Ле Труа это было нужно? – все еще сомневался Вилар.

– Затем, что по контракту в случае смерти «лицензиара» фонд становится единоличным распорядителем его наследия.

– Откуда вам это известно? Вы что, видели договор?

– На днях я повторно встречался с Жанной Соланж. Погода стояла мерзкая, на душе кошки скребли... Оливия укатила в Россию, и я места себе не находил. В общем, не усидел дома, поехал. И знаете, мы славно с ней поговорили! Я рассказал ей о своих догадках. Она зашла в их общую с братом папку на «Гугл диск» и отыскала там черновик контракта. Он был составлен на таком запутанном канцелярском языке, что даже человек подкованный не смог бы разобраться. Но ведь Соланж был уверен, что его друг Анри – опытный юрист и все проверил. А потому подмахнул бумагу не глядя...

– Печальная история. Но, увы, трудно доказуемая.

– Понимаете, Вилар, вполне возможно, что на совести фонда десятки махинаций и множество смертей. У меня есть контакт в аудиторской фирме, недавно проверявшей деятельность фонда. Со слов этого человека за последние годы организация подписала с десятком похожих соглашений. Условия в них разные, но суть одна: фонд манипулирует чужим художественным капиталом на свое усмотрение. Среди клиентов Ле Труа, Монтеня и Портмана есть очень серьезные люди, включая небезызвестную вам Зою Вишневскую.

От неожиданности адвокат переломил сигарету, которую собирался прикурить.

– То есть вы считаете, что и ее смерть была неслучайной? Но инсценировать механическую асфиксию, извините, крайне сложно...

– Так или иначе, этой аферой должны заняться правоохранительные органы. А моя задача – раскопать факты и

обнародовать материал, чтобы всколыхнуть общественность. Тогда власти не смогут отвертеться и будут обязаны начать проверку.

– В рискованное дело ввязываетесь, Лаврофф, – предостерег его адвокат. – Если фонд так коварен, как кажется, то глотку вам перегрызут еще до того, как вы закончите свое расследование. Не нравится мне это.

– Да бросьте вы, Вилар! Скажите лучше, как заполучить копии актов о вскрытии? Нужны результаты химического анализа крови Мерсье и Соланжа – вдруг там есть что-то полезное...

Вилар задумчиво поскреб подбородок.

– Попробую навести справки по своим каналам, дайте пару дней. – Он поднялся с кресла и начал застегивать куртку. – И адрес погребка, где продают такой кальвалос, тоже дайте. Зима промозглая, транспорт бастует, да еще с вирусом этим страху нагнетают... В Ухане слышали, что творится? Как почитаю, сразу тянет выпить!

XXXVIII

Таня

Очнулась она от того, что чье-то теплое дыхание коснулось ее лица. Рядом кто-то завозился, заерзал, устраиваясь поудобнее, и в конце концов прильнул горячим телом, больно кольнув щетиной. Оливию буквально подбросило в постели – да как вы...

Незнакомец скатился кубарем на пол и зарычал. Она попыталась его разглядеть, но глаза никак не могли привыкнуть к темноте. Наконец вокруг один за другим начали оживать предметы: обеденный стол, книжный шкаф, громоздкое пианино, разлапистый фикус у окна.

Оливия опустила руку и ощупала постель. Простыни под ней не оказалось, в ногах свернулся преданным псом мохнатый плед. Она отыскала вслепую торшер и потянула за шнурок, свисавший из-под абажура. По комнате расплзлось пятно света, и Оливия смогла увидеть того, кто ее разбудил.

Это был беспородный красавец Бром. Сощурившись от внезапной электрической вспышки, пес приветливо застучал по полу хвостом.

– Ну ты и наглец! – проговорила Оливия хриплым со сна голосом. – Напугал меня до полусмерти...

Пес подошел поближе и пристроил линялую морду к ней на колени. Потом сладостно зевнул, обдав тухловатым запахом, и опустил когтистую лапу на диван: я тут полежу часок-другой, ладно?

В эту минуту на антресолях скрипнула кровать. Бром вдруг вскинулся и шаткой трусцой выбежал из гостиной.

Оливия поднялась и вышла за ним в коридор. Стараясь не шуметь, она продвигалась на ощупь в направлении своей комнаты – проводить ночь в гостиной совсем не хотелось... Огибая лестницу, вдруг заметила струйку света, стекавшую по ступенькам из приоткрытой двери мансарды.

Поддавшись любопытству, она начала взбираться по ступеням вверх. Голова предательски кружилась. Подъем был медленным, трудным, и на полпути Оливия чуть было не повернула назад. Но тут из-за дверного косяка выглянула косматая морда Брома. Пес зыркнул

на нее равнодушно и, фыркнув, снова исчез. Сделав еще несколько шагов, Оливия оказалась на пороге надстройки.

Мансарда представляла собой комнатку со скошенным потолком, разделенную на две части бревенчатым простенком. Справа стоял диван с линялой обивкой, на котором пылилась чья-то одежда. В углу у слепого окошка примостилось инвалидное кресло, к которому был придвинут столик, чем-то напоминавший школьную парту. На сколоченной из реек этажерке громоздились кипы бумаг, альбомов и каких-то книг, а на нижних полках тускло поблескивали стеклянные банки с кисточками и карандашами.

В проеме между перегородкой и стеной просматривались железная кровать и колченогая тумбочка, на которой стояли лекарства.

По полу рассыпались отблески гирлянды, украшавшей живую елку – ее присутствие угадывалось по запаху. В этой радужной подсветке на половичке восседал позевывавший Бром. Увидев Оливию, он что-то буркнул и растянулся у изножья кровати.

Постель зашевелилась. Из-под одеяла выпала тонкая бледная рука. Бром лизнул ее и вновь опустил голову на скрещенные лапы.

Оливия попятилась к выходу. Оказавшись на лестнице, она потихоньку затворила дверь.

Спать ей совершенно расхотелось. День перепутался с ночью: она провела в постели двенадцать часов лишь с перерывом на ужин в компании Горского...

Оливия спустилась вниз, но к себе возвращаться не стала. Отыскав на кухне подсохший пряник, она вернулась в гостиную и подошла к книжному шкафу. Книги в нем были расставлены в алфавитном порядке, и лишь на нижней полке царил легкий хаос. Среди стопок художественных изданий и краеведческих трудов Оливия заметила несколько этюдных папок. Она взяла самую верхнюю и присела с ней на диван.

Внутри, аккуратно переложенные калькой, хранились чьи-то рисунки. Стараясь не нарушить порядка, она принялась их разглядывать.

Все работы были выполнены на плотной бумаге и явно принадлежали одному и тому же мастеру. Среди них попадались карандашные эскизы, пастельные наброски и графика, выполненная тушью. Под конец пошли и акварели: зыбкие, полупрозрачные, они

были беспредметны, но при этом невероятно содержательны. В них улавливалось связанное повествование – оформленная мысль, выраженная в цвете. Мягкие оттенки не противоречили, а, напротив, дополняли друг друга, создавая живую вибрирующую материю. Оливия восторженно вздохнула – миниатюры не хотелось выпускать из рук, они вызывали в ней глубинный, почти физический отклик...

Перебирая листок за листком, она вдруг отдернула руку, словно обожглась. Сердце зачастило, затрепыхалось в груди от острого предчувствия. Боязливым движением Оливия пододвинула рисунок поближе.

На нее обрушилась ранняя весна: аромат набухающих почек и прелой земли, движение ветерка в еще обнаженных кронах, тихое постукивание дождя о прошлогодние листья. «Весна», та самая «Весна», которая совсем недавно томилась в сводчатом алькове парижской галереи «Дом». Но только... как это возможно?

Оливия потеряла с усилием виски. Потом поднялась и, прихватив акварель, прошла на кухню. Щелкнула кнопка выключателя, вспыхнул резкий голубоватый свет. Она принялась изучать изображение – как же похоже, не отличишь! Только вот краски чуть свежее, чуть ярче. Левый угол рисунка, как и у оригинала, отсутствует. Вместо него на листке осталось пустое пространство.

Задумавшись, Оливия уставилась на пятно на кухонном столе. В желтоватой лужице меда застыло мушиное крылышко в радужных прожилках. Оно отсвечивало игривыми искрами, как азартные глаза мецената Марка Портмана.

«Если верить экспертизе, все это время работа хранилась в достойных условиях. Она висела в сухом помещении, вдали от прямых солнечных лучей. В результате пожара пострадал лишь незначительный ее фрагмент. Специалисты судебно-технической экспертизы, которых мы привлекли, считают, что повреждение получено около года назад...»

Тогда, во время беседы в галерее «Дом», Оливия не придавала значения словам Портмана. Но сейчас они вспыхнули в памяти, натолкнув ее на внезапную догадку...

Утром она поднялась довольно поздно. Умывшись и натянув теплый свитер, вышла в гостиную, понадеявшись увидеть там Горского и задать ему наконец накопившиеся вопросы. На столе ее ждал завтрак: несколько ломтиков вареной колбасы, белый хлеб и свежий деревенский творог в узорчатой пиале.

Рядом лежала записка: «Надеюсь, вы отдохнули и чувствуете себя лучше. Днем зайдет патронажная сестра, она вас осмотрит. Поешьте поплотнее, буду только к обеду – надо появиться на работе, я же все-таки директор...»

Наполняя водой чайник со свистком и пытаясь отыскать в кухонном шкафу заварку, Оливия думала о том, как ей повезло. Ведь Горский мог оказаться человеком совсем другого склада, и она до сих пор лежала бы в больнице – без документов и без внятных перспектив. Конечно, можно было бы сообщить о случившемся Родиону, он бы всех на ноги поднял. Прилетел бы сюда и принялся бы решать ее проблемы. Но этого ей совсем не хотелось... Она и так в душе сожалела, что не послушала его: в конце концов, ну что она сможет тут разведать? Добытые с таким трудом факты на деле были лишь ничем не подтвержденными догадками. И в нынешнем состоянии докопаться до истины ей вряд ли удастся...

Взяв кружку с едва заварившимся чаем, она вернулась к круглому столу. Пододвинула к себе пиалу с творогом и принялась за завтрак. В эту минуту в дверь постучали.

В глубине дома залаял Бром. Оливия вышла в сени и отомкнула изнутри замок. На пороге стояла румяная пожилая женщина в горчичном пуховом пальто и вязаной шапке. В руках у нее был медицинский чемоданчик.

– Антонина, – представилась она, мягко улыбнувшись. – А вы, наверное, и есть француженка?

Кивнув, Оливия пригласила ее войти.

Женщина стянула растрескавшиеся сапоги на манной подошве, повесила пальто на крючок и уверенно проследовала в гостиную. Чувствовалось, что в этом доме она не впервые.

– Завтракаете, значит, – одобрила она, усаживаясь за стол. – Это очень хорошо. Видимо, дело идет на поправку. Мне Илья Осипович

выписной эпикриз по телефону зачитал – в общем, ничего страшного. Легкое сотрясение, переломов нет...

– Кто? – переспросила Оливия.

– Илья Осипович, – повторила женщина. Для меня-то он просто Илья. А как вы вообще себя чувствуете? С памятью все нормально? Когнитивные нарушения есть?

– Память есть, нарушений нет, – машинально ответила Оливия, пытаюсь осмыслить услышанное.

– Ну и славно. Давайте я вам давление померяю, пульс проверю... Спите хорошо?

– В целом да. Скажите, а вы Илью давно знаете?

– Да сто лет в обед! Родители наши дружили. Мама моя еще при Осипе Семеновиче в музее экскурсоводом работала. Они оба из спецпоселенцев были, давно друг друга знали...

– Осип Семенович – это отец Ильи?

– Ну да. Он ведь, как и я, в прошлом медработник. Но после переезда в Зиминск предпочел заняться преподаванием. Насмотрелся на страдания в лагерях, столько невинных людей похоронил... Не хотел больше со смертью дело иметь. Начал детишек французскому обучать, а потом ему должность директора музея предложили.

– Выходит, Илья по его стопам пошел?

– Династия! – удовлетворенно кивнула Антонина. – Только вот музей их сейчас в страшном упадке – после прошлогоднего пожара все никак не восстановится. Нижний этаж совсем не пострадал, а вот верхний почти целиком сгорел... Эх, столько редких картин пропало! Хорошо хоть Штерн этого не видит, царствие ему небесное. Он ведь всю душу в музей вложил, по крупицам экспозицию собирал.

– Да, Штерн, – без всякого выражения повторила за ней Оливия и уставилась в окно.

– Ох, запутала я вас, – спохватилась женщина. – Илья ведь фамилию матери носит, так решили в свое время его родители. В год, когда он родился, поднялась очередная волна антисемитизма, и фамилия Штерн начала у многих вызывать подозрения. Дело в том, что тогда много писали о деле Еврейского антифашистского комитета. В пятьдесят втором был громкий процесс, всех расстреляли. А вот женщину-ученого, Лину Штерн, приговорили к ссылке. Потом ее

реабилитировали и восстановили в звании академика... Так вот, кто-то из местных пустил слухок, что наш Штерн – ее родственник.

– Почему?

– А она тоже жила и училась в Европе. В Швейцарии, кажется. А потом вернулась в СССР. Правда, намного раньше, чем Осип Семенович... Однако в детали никто не вникал – навесили ярлык, да и все. В результате и Илья, и Танюша с детства носят фамилию матери.

– А... Танюша сейчас где?

– Как где? – лицо женщины вытянулось. – Наверху должна быть... Я вот сейчас вас осматривать закончу и к ней поднимусь. А Илья-то, что ж, вам ничего не рассказал?

– Я проспала вчера весь день, – смутилась Оливия, – мы и поговорить толком не успели...

– Ну да, ну да, – понимающе закивала женщина, – вы же слабенькая еще. Ничего, скоро поправитесь. Илья в отца пошел: порядочный, чистосердечный, сильный духом человек. Он много людям добра сделал... Думаю, вы для него сейчас – своего рода отдушина: и про Францию поговорить, и от беды своей хоть на время своей отвлечься.

– А что у него случилось? – поинтересовалась Оливия.

– Не мое это, конечно, дело, – смутилась женщина. – Илья должен бы сам вам рассказать, но тема для него слишком болезненная. Понимаете, Танечка... она всегда немного не от мира сего была. Тихая такая девочка, мечтательная. Чудесно рисовала. Но родители настояли, чтобы она в науку пошла – тогда это было принято. Танюша два высших получила, кандидатскую защитила. Замуж, правда, так и не вышла. Долго работала в каком-то НИИ в Академгородке, а потом, когда наукограды наши начали нищать без финансирования, вернулась в Зиминск. Родители ее уже состарились – Танюша ведь поздний ребенок. Она выхаживала их до самой смерти, подрабатывала, чем могла. Затем Илья устроил ее в кондитерский кооператив, который возглавлял его бывший одноклассник.

– «Сибирский метеорит»?

– Да-да, метеорит... Там дела поначалу неплохо шли, а потом у владельца финансовые проблемы начались. Но уволилась Танюша не поэтому.

– Илья говорил, что по болезни...

– По болезни, да по какой. Началось все с сильной утомляемости. Но Таня значения этому не придавала – а кто не устает? Потом начала часто подворачиваться нога. Сходила к врачу, ничего не обнаружили. Еще через несколько месяцев начали неметь стопы, стало тяжело ходить. Илья забеспокоился, повез ее на обследование в Новосибирск. Там после нескольких консилиумов поставили диагноз: БАС, прогрессирующее заболевание нервной системы. Эта болезнь поражает нейроны мозга, отвечающие за движение. Постепенно человек теряет способность двигаться, самостоятельно есть. А потом и дышать.

– Господи... И ничего нельзя сделать?

– Увы. Деграция мышц происходит стремительно. Человек угасает на глазах, при этом его способность мыслить, слышать, осязать сохраняется. У многих на этом фоне обостряются творческие способности – люди стремятся уйти в другую реальность, чтобы не думать о том, какой их ждет конец.

– Но погодите... А лекарства? Неужели нет эффективных средств?

– Из тех, что зарегистрированы в России, – ни одного. В Европе продается «Рилузол», но он требует постоянного применения. Музейного заработка Ильи не хватит и на половину упаковки.

– А если вывезти Таню на лечение, например, во Францию?

Женщина взглянула на Оливию удивленно, покачала головой.

– На какие средства? Илья все пороги обил, летал в Москву, обращался в благотворительные фонды. Потом открыл сбор средств в Интернете. Через соцсети накапала небольшая сумма, и он купил Танюше инвалидное кресло. Остальное отложил на будущее. Понимаете, это заболевание прогрессирует очень быстро. Таких людей у нас даже врачи не наблюдают – помочь-то им нечем. Как правило, через три-четыре года после постановки диагноза они угасают. Только представьте себе: каждый день возможности твоего тела уменьшаются, и ты это осознаешь. Еще летом Танюша могла сама кое-как ходить, а теперь в состоянии лишь пересест в инвалидное кресло и передвигаться на нем по комнате. Ноги совсем ей отказали, но руки еще работают... Илья мечется, не знает, как быть – он ведь должен работать. На сиделку денег у них нет. Вот я и захожу к ним по дружбе да по старой памяти, хоть немного помочь. То приготовлю, то приберу... Они ведь одни живут.

– Илья не женат?

– По документам женат. А по факту живет вдвоем с сестрой. Супруга его как узнала о том, что ухаживать за лежачей больной придется, так сразу же испарилась, только ее и видели. Укатила в Омск к родителям... Ладно, милая, вы пока прилягте. Я пойду к Танюше поднимусь, а потом обед на всех приготовлю. Ей теперь протертое питание даем, чтобы не давилась. А вот что будем делать, когда она глотать не сможет, я не знаю.

– Антонина, скажите... вот эти рисунки, – Оливия развернула перед ней этюдник, – они чьи?

– Так Танюшины же. Она просто волшебю рисует, правда? С детства изобразительным искусством увлекалась, а в последние пару лет, как дома засела, так только этим и занимается. Илья все ее работы хранит. Видите, даже рассортировал их по папкам – хочет в музей выставку устроить. Хоть чем-то сестру порадовать!

XXXIX

Письма

За окном заходила пением очумевшая от холода птица. Ей вторил церковный колокол, провожая кого-то в небо. Горский смотрел на слепящий снег, на пунцовые брызги рябины в треснувшем оконце и говорил...

Говорил открыто, обреченно, как будто исповедовался в первый и в последний раз. И перед кем? Перед ней, двадцатилетней девчонкой, примчавшейся сюда из Парижа, чтобы «восстановить справедливость». Предъявив без обиняков свои догадки, Оливия вынудила его выворачивать нутро, выхаркивать признания, как сгустки крови...

Заваренный Горским чай обжигал язык и горло, но она упрямо продолжала делать жадные глотки, чтобы заглушить физической болью остроту переживаний. Однако его слова все равно настигали ее, забирались под кожу, и она не смела его прервать ни словом, ни жестом. Просто сидела, ссутулившись, за щербатым кухонным столом и молча слушала.

– Когда мы вышли из новосибирской больницы, – монотонно рассказывал Горский, – я не знал, о чем с ней говорить. Мы брели мимо всех этих серебристых елок и чугунных фонарей, и я понимал, что словесная суэта – утешения, обещания – совершенно бессмысленны. Нам только что вынесли приговор, и обжалованию он не подлежит.

Таня будет умирать. Медленно, мучительно таять у меня на глазах. Сначала она не сможет вставать, потом говорить и даже глотать. При этом ее мозг будет работать, как и прежде. Ей будет хотеться увидеть небо, лес, пройти по родному городу. Взять в руки книгу, поболтать с подругой... Раньше Танюша жила внизу, в вашей комнате. Но теперь это стало невозможно – на инвалидном кресле там не развернуться. И я перенес ее сюда. Любимая мансарда стала для нее тюрьмой. Она никогда отсюда не выйдет.

Сейчас ее спасает то, что она может рисовать. Вы же видели, она гениально рисует! Но скоро и это станет невозможным. А дальше...

Дальше будет ад. Чтобы принимать пищу, ей придется вводить питательную смесь через зонд. Понадобится дыхательный аппарат, ведь болезнь поражает диафрагму, и самостоятельно дышать она не сможет. Такое устройство стоит очень дорого – несколько моих зарплат, – и государство с его покупкой не помогает. Но хуже всего то, что Таню ни на минуту нельзя будет оставить одну – она станет совершенно беспомощной! Значит, мне придется уйти с работы. Мы окажемся без средств. И тогда останется только одно: лечь рядом с ней и ждать, когда и по нам прозвонит колокол.

Горский остановился, сунул руки в карманы потертых, но тщательно отглаженных штанов.

– Понимаете, жизнь просто не оставила мне выбора. Ни одного шанса, ни грамма надежды. Мы ведь не в столице обитаем, а в глухом городке. До нас никому нет дела – ни властям, ни врачам, ни Всевышнему. Я занял денег и поехал в Москву. Пытался пробиться в благотворительные фонды. Мне не отказали, но предложили подождать – страждущих много. А как подождать? Ей ведь остались месяцы... По совету друзей я открыл сбор средств в соцсетях. Мир не без добрых людей – наскреб немного денег. Их хватило на покупку инвалидной коляски, лекарств от судорог и лечебного питания.

Голос его дрогнул, но он справился с собой и продолжил.

– Пока Танюша могла еще ходить, она часто выбиралась на этюды в музей. Ставили ей в зале стул, и она рисовала. Сестре нравилось копировать картины известных мастеров – она говорила, что это помогает относиться осознаннее к собственному творчеству. Но вскоре и эта дверца захлопнулась. Позапрошлым летом в здании музея произошло короткое замыкание. По счастью в ту ночь мне не спалось, и я успел вызвать пожарных. Выскочил на улицу в чем был, бросился в сарай за огнетушителем... Однако большинство экспонатов, собранных моих отцом, спасти не удалось.

– Хорошо хоть «Весна» уцелела, – вздохнула Оливия.

Горский резко обернулся. Пододвинул к себе стул, сел напротив нее и уставился немигающим взглядом перед собой, как на допросе.

– Да. «Весну» я успел вынести.

– А затем списали ее, как объект, утраченный при пожаре? Я угадала?

– Этого делать мне не пришлось. – Он вновь поднялся и в волнении зашагал по кухне. – Этой акварели в описи музейных фондов нет.

– Как так? – удивилась Оливия, хотя и понимала, что он говорит правду: Галин ведь ей сообщал, что отпечатанный на обороте рисунка инвентарный номер отсутствует в официальных каталогах.

– В свое время мой отец решил, что в нашем захолустном музее «Весна» будет в большей безопасности, чем дома. Мы тогда жили в общем бараке, где художественные ценности были неуместны. Однако передавать картину в дар государству папа не собирался. Поэтому он пошел на хитрость: нанес на нее фальшивый номер, который с виду соответствовал музейной описи – тот же шрифт, порядок букв и цифр, те же чернила. Без его ведома инвентаризация фондов никогда не проводилась, поэтому на протяжении многих лет вопросов удавалось избегать – висит себе в углу какая-то картинка, ну и ладно.

– И краденая вещь с фальшивой маркировкой все это время была на виду?

Горский побледнел.

– Краденая?! Да она по праву принадлежит моей семье!

– Тогда почему же вы решили ее вернуть Вишневецкой?

Он посмотрел на нее глазами загнанного в угол пса.

– Что ж, раз вы проделали такой долгий путь, чтобы разобраться в произошедшем, я должен вам все рассказать. В конце концов, мне нечего терять... кроме чувства собственного достоинства. Я не вор и не убийца, мадемуазель. И никогда бы не поднял руку на женщину. Тем более что она приходилась мне единокровной сестрой.

Оливия откинулась на спинку стула, словно кто-то с силой толкнул ее в грудь.

Горский тем временем вышел из кухни и вскоре вернулся с двумя конвертами. Положив их на стол, он выудил из недр холодильника бутылку с красноватым напитком. Скрипнула рыхлая пробка. Пахнуло спиртом и вязкой северной ягодой.

Горский снял с полки две лафитные рюмки, наполнил их до краев и пододвинул одну Оливии.

– Выпейте. Разговор будет долгим.

Едва пригубив, Оливия отставила настойку в сторону: давайте к делу...

– Вы не напрасно подозреваете моего отца в том, что он вывез «Весну» в Советский Союз, – заговорил наконец Горский. – Все так и было. Правда, с одной поправкой: его попросила об этом Ольга Вишневская.

– Но зачем? – изумилась Оливия.

– Их связывали близкие отношения и общий ребенок – дочь по имени Зоя.

– Отцом Зои... был доктор Штерн?!

– Да, вот только она отказывалась это признавать. Но давайте по порядку.

Горский вытряхнул из конвертов листки и протянул их Оливии.

– Эту переписку Зоя нашла еще подростком на чердаке своего дома в Довиле. Одно из писем мой отец набросал в сентябре сорок пятого в репатриационном лагере Борегар – сборном пункте под Парижем, в котором возвращенцы дожидались отъезда на родину. В поезде он его закончил и отправил со станции приграничного городка в самую последнюю минуту. А второе послание составлено Ольгой. Правда, оно так и не достигло своего адресата – отец уже мотал срок в лагерях и был недосыгаем. Прочитайте их, я подожду...

Оливия взяла в руки верхний листок. Он был испещрен мелким неразборчивым почерком.

«20 августа 1945

Оленька, как же больно уезжать от тебя, моя радость... Сколько раз я брался за это письмо и бросал – никакие слова не способны выразить тоску, которая сдавливает мне сердце. Но я верю, что эта разлука ненадолго. Я доберусь до Брянска, где живет тетка, обустроюсь, найду работу, получу советские бумаги и вернусь за тобой и дочерью. Мне невыносимо думать, что я пропущу самые сладостные моменты ее детства, всю эту трепетную розовую нежность, но мысль о том, что мы наконец-то будем вместе, согревает меня.

Здесь, в Борегаре, организовано все так, что поневоле начинаешь верить в счастливое будущее. Нас тут много, несколько тысяч человек, живем в просторных сухих бараках. Внутри тепло и чисто, хотя из обстановки лишь

железные койки с панцирными сетками, накрытыми тюфяками, да несколько стульев. Столоваться ходим в отдельное здание. Кормят нас прекрасно, я вспомнил, каково это – засыпать без мучительных спазмов в желудке. Франция щедро снабжает лагерь провиантом, табаком, обувью и одеждой.

Комендант лагеря с нами очень приветлив. Правда, по прибытии пришлось пройти через досадный допрос, который, к счастью для меня, закончился довольно быстро.

Есть еще клуб, где мы собираемся каждый вечер. Там крутят кинохронику, рассказывают о том, как восстанавливается родная страна, как светло и радостно живут советские люди. Иногда выступают какие-то артисты из наших бывших и местный хор. Репертуар у него сплошь патриотический, и некоторые песни я теперь знаю наизусть – они звучат каждый день, льются из громкоговорителей, привинченных к столбам.

Недавно к нам приезжал сам Богомоллов – посол СССР. Он сказал много обнадеживающих слов. Все рукоплескали и радовались. Правда, под конец он неожиданно произнес: «Родина-мать ждет вас! Она прощает всех...»

Люди в зале притихли, затем прокатился тревожный шепоток, но тут на сцену выскочил какой-то балагур и принялся развлекать нас идиотскими частушками.

На следующее утро выяснилось, что из лагеря совершили побег шесть человек. Трое из них были военнопленными. А другие, вроде меня, оказались из «бывших». Во время оккупации они примкнули к французским партизанам, а потом воевали на стороне союзников. Зачем и почему эти люди совершили такой поступок, многим из нас до сих пор непонятно... Ведь все мы прибыли сюда добровольно и можем покинуть Борегар в любой момент.

2 сентября 1945

Прости, родная, что не писал тебе в эти дни: так много всего произошло, что я никак не мог собраться с силами и

взяться за перо. По просьбе коменданта начал подрабатывать в местном медпункте – лагерный врач слег с пневмонией, и долгое время его подменял простой ветеринар. Погода стоит дождливая, и дети возвращенцев принялись болеть. Работы невпроворот...

А тут еще один странный случай приключился, который никак не идет у меня из головы.

На окраине нашего поселения стоит барак, в котором содержатся под конвоем власовцы. Позавчера, поздно закончив смену и возвращаясь к себе, я вдруг услышал какой-то шум. Обошел постройку и стал невольным свидетелем жуткой сцены: четверо людей в форме держали за руки и за ноги какого-то человека, распластав его по бетонному плацу. Затем по команде они подняли его и с силой ударили оземь... Эта сцена повторилась несколько раз, пока несчастный не затих в луже собственной крови.

Наутро меня вызвал комендант и приказал написать заключение, свидетельствующее о том, что мужчина скончался «от естественных причин». Когда я вносил его данные в регистр, выяснилось, что за прошедший месяц у нас зафиксировано восемнадцать подобных случаев. С тех пор я совершенно лишился сна: что это было, если не расправа? Неужели здесь, в образцовом репатриационном лагере творится самосуд?

Однако вчера мне удалось выбраться по вызову в Париж, и страхи мои немного развеялись: я получил въездную визу в СССР. На улице Гальера меня приняли тепло, успокоили и приободрили. Я вышел оттуда в приподнятом настроении и по прибытии в лагерь записался «на транспорт», который отправляется в Советы пятнадцатого сентября.

25 сентября 1945

Прошло три недели с тех пор как я писал тебе, Оленька... Кажется, будто миновала вечность. Ты мне так сейчас нужна, родная, ведь только с тобой я могу говорить начистоту. В грязи и смраде скотного вагона, в котором мы

трясемся уже который день, нет ни одного человека, с которым я мог бы пообщаться. Люди напуганы до крайности: женщины плачут украдкой, мужчины угрюмо молчат. А дети орут не умолкая, ведь стоит невыносимая вонь, духота и нет возможности по-человечески прилечь.

А начиналось все хорошо. Наш эшелон, состоящий из тридцати вагонов, отправился с вокзала Вокресон пятнадцатого сентября, по расписанию. Нас привезли на станцию утром, и оказалось, что часть вагонов уже занята советскими военнопленными, смотревшими на мир сквозь решетки обреченными глазами. Возвращенцам выдали скудный паек и приказали размещаться.

Состав шел несколько дней, почти не останавливаясь. В конце концов он притормозил на какой-то товарной станции. Я выбрался на перрон – размять ноги и покурить. Неожиданно к эшелону подошел вооруженный конвой и снял с поезда многих мужчин. Как мне объяснили позднее, их задержали для отбывания воинской повинности. А их семьям под звуки браваурного марша пришлось отправиться дальше... Бог знает, удастся ли им когда-нибудь воссоединиться.

Когда я вернулся в вагон, оказалось, что мои вещи кто-то перебросил в самый дальний угол, к отхожему месту. Кое-как, поджав ноги, я устроился в своем закутке, но тут обнаружил, что один из дорожных мешков исчез. Дождавшись следующей остановки, я обратился к начальнику поезда. Но тот и бровью не повел. Лишь положил ладонь на кобуру и посоветовал проваливать.

Хотя у меня и увели всю теплую одежду, я был спокоен. Ведь самую главную ценность – твою «Весну» – я зашил под подкладку пиджака, который не снимаю даже ночью. Как и обещал во время нашей последней встречи, я сохраню его любой ценой. Пускай он послужит для Зои напоминанием о Франции. И о том человеке, который о ней заботился, считая себя отцом... Это будет справедливо.

И вот сейчас, стоя одной ногой на родной земле, я не могу избавиться от предчувствия... что больше мы не увидимся.

Береги себя, родная. И передай Зое, что я безмерно ее люблю».

Оливия отложила письмо и подняла глаза на Горского.

– Они так и не встретились?

– Нет... И даже не поговорили. Отец освободился после смерти Сталина, в пятьдесят третьем. Ольги уже год как не было на свете.

– Ну а Зоя? Неужели он не попытался связаться с ней?

– Сначала это было невозможно. Но отец все же следил за ее судьбой – об известной французской актрисе с русскими корнями часто писала наша пресса. Он смотрел фильмы с ее участием. Знал о ее славе, о многочисленных браках с не менее прославленными людьми, о ее любви к неродному отцу. О том, как она гордится им, как бережет его наследие. И понимал, что ему, бывшему политзаключенному, нет места в этой красивой сказке. Папа умер в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году, так и не дождавшись, когда мир изменится. А всего через год рухнула Берлинская стена, и поднялся железный занавес, который не позволял советским людям выезжать на Запад без санкции властей.

– Но вы решили не ввязываться в эту историю, верно?

– Мы с сестрой выросли в условиях, не позволявших нам путешествовать. У нас просто не было на это средств. Ну а потом эта семейная история быльем поросла. Да и как, собственно, мы могли доказать наше родство с Зоей? Ведь родители уже в могиле...

– Однако вы отчего-то рискнули сделать это сейчас...

Горский тяжело вздохнул и потянулся за сигаретой.

– Я расскажу вам все по порядку. С камнем на сердце жить тяжело... Но все же прочтите сначала Ольгино письмо.

Оливия кивнула и разгладила ладонью листок с заломами. Бумага была шелковистой и гладкой, как бегущие под наклоном строки.

Почерк Ольги она узнала сразу – такие же четкие, округлые буквы они видела в помяннике, который показывала ей в церкви Нина Воронцова.

«Осип, родной мой, целый год... бесконечный, невыносимый год я жду от тебя вестей. Куда я только не обращалась, но все без толку.

От тех, кто решил вернуться в Россию, новостей нет. До сих пор ни один из наших общих знакомых, собиравшихся проводить родителей и вернуться во Францию, назад не приехал. На днях на собрании патриотической ассоциации рассказывали об одной «возвращенке», которой удалось попасть во французское посольство в Москве. Говорят, она чудом ускользнула из рук агентов советских спецслужб, дежуривших в машине возле здания диппредставительства. Французы накормили ее и оказали содействие – ведь она была одна из немногих, кто ухитрился сохранить французский паспорт. В СССР это лишило ее всех привилегий, даже продуктовых карточек... С ее слов репатрианты обязаны были обменивать паспорта на советские бумаги и теперь не имеют права выехать из Союза. Господи, Осип, неужели это так?

А вчера один из наших получил от брата, отбывшего вслед за тобой, новогоднюю открытку. Точнее, фотографию. Текст на обороте был оптимистичным, но странно обезличенным: «Устроился прекрасно, тружусь на благо Родины. Как и обещал, шлю открытку. Обнимаю. Ваш С.»

На картинке была изображена советская семья на фоне сверкающей огнями елки. Все люди на снимке... сидели.

Это был условный знак.

Оказалось, что мать юноши не хотела покидать Париж, сомневаясь, что красному террору положен конец. Но парень утверждал: после победы в войне страна переродится, и рвался уехать. Тогда они договорились, что он найдет способ сообщить, как на самом деле там обстоят дела. Написать в открытую он не мог, а потому придумал этот трюк с фотографией уверенно «сидящей» семьи. Как же страшно...

С каждым днем мне все труднее мириться с нашей разлукой. Зоенька растет очень ласковой, спокойной девочкой. Андрей в ней души не чает. За год он не написал ни одной картины – все свое время проводит с ребенком. Когда я вижу их вместе, мое сердце обливается кровью. Мне будет трудно их разлучить, но я все же жду этого дня и молюсь о том, чтобы мы поскорее могли соединиться.

А он как будто что-то чувствует: наверное, потому что физическая близость между нами стала невозможна. Когда он приближается ко мне, я дрожу от отвращения.

Он изводит меня своим благородством, ни о чем не спрашивая. Лишь прячет глаза, молчит. Уж лучше бы признаться во всем, разорвать эти путы! Но он намеренно уходит от разговора, окружая меня заботой и любовью.

Главное, Зоя привязывается к нему все сильнее. Если ей ночью снится кошмар, она вскакивает с постели и бежит к нему в комнату. И он баюкает ее до утра... Так и сидит с ней до рассвета, не смыкая глаз, как старый взъерошенный филин, охраняющий свое сокровище.

Осип, хороший мой, как я жалею теперь, что мы приняли решение ехать. Нам казалось, что в России мы станем для всех недосыгаемы, откредимся от прошлого, избавимся от гнетущего чувства вины... Исправим нелепую ошибку судьбы, пославшей мне тебя так поздно. Но этот план обернулся разлукой, и я теперь не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь. Как больно мне проживать дни, месяцы, теперь уже годы одной. Смотреть, как взрослеет наша дочь, не имея возможности разделить эту радость с тобой. А вчера я видела тебя во сне: в дымном кружении снега ты улыбался мне так грустно, как будто прощался...»

Аккуратно свернув листок и убрав его в конверт, Оливия помешала ложечкой остывший чай. Она пыталась обуздать эмоции и собраться с мыслями, но получалось плохо.

– Выходит, Зоя давно знала, кто ее отец... – произнесла она обескураженно.

– Да, – кивнул Горский. – И Андрей Вишнеvский был в курсе.

– Но каким образом...

– Вскоре после окончания войны у него обнаружили неприятное заболевание. Художник был вынужден пройти обследование, в результате которого выявили один анатомический дефект... Он свидетельствовал о том, что Вишневский от природы был бесплоден. Это объясняет, почему у них с Ольгой не было детей.

– Значит, то, о чем Ольга говорит в письме, не было вымыслом: ее муж действительно все понимал!

– Совершенно верно. Другой на моем месте, наверное, начал бы шантажировать Зою, угрожать предать ее семейные секреты огласке. За такую информацию можно получить солидный гонорар от какого-нибудь глянцевого издания. Однако это было бы подло, да и отец бы не одобрил...

– И как же вы поступили?

– Я долго не мог решиться, но мне помог случай. Как вы знаете, в музее случился пожар, и я чудом успел вытащить «Весну» из огня. Вскоре после этого у меня созрел план. К одному из моих приятелей из Парижа приехал сын. Очень смысленный парень: учился в Новосибирском университете и на третьем курсе получил образовательный грант. Уехал по правительственной программе во Францию, закончил там вуз и остался работать. В августе он всегда навещает родителей в Зиминск – повидать родителей. Я попросил его об одолжении: передать бандероль одному человеку. Парижский адрес Зои я не знал, а вот об их семейном гнезде в Довиле было широко известно. Этот дом фигурировал во многих репортажах, посвященных творчеству Вишневского. Встречался он и на фотографиях. Отыскать его номер и название улицы мне ничего не стоило. Я попросил юношу съездить в Довиль и передать посылку.

– Не ближний путь. К тому же он мог там никого не застать...

– Вы правы. Но я понадеялся на удачу. Довиль – курортный городок, в котором парижане проводят теплое межсезонье. В сентябре там туристов нет...

– И что же, посыльный сумел вручить коробку Зое?

– Вот в этом-то и загвоздка! Он нашел ее дом, позвонил в дверь. Ему открыл какой-то напояженный господин в шейном платке и сообщил, что мадам принимает ванну. Парень недолго думая отдал коробку ему. Юноша ведь не знал, что в ней находится...

– И все-таки мне непонятно, – размышляла в слух Оливия, – что мешало вам выставить «Весну» на аукционе? Вы бы выручили баснословную сумму!

– У меня не было никаких бумаг, подтверждающих ее происхождение. К тому же Вишневская считала, что акварель похищена. Попытайся я продать этот рисунок, его бы сразу изъяли и вернули законной владелице.

– Логично... Тогда в чем состоял ваш план?

– Я приложил к посылке сопроводительное письмо, в котором рассказал Зое о том, что прихожусь ей единокровным братом; много лет берег эту картину и теперь хочу ее вернуть. Затем написал про болезнь сестры и попросил помочь. Нет, вы не подумайте, я не упрашивал ее оплатить лечение во Франции или прислать дорогостоящее лекарство. Я просто умолял одолжить мне сумму, которая позволила бы Танюше уйти достойно, без боли и страданий. Спасти ее от жуткой смерти – без медицинской помощи, морфина, кислорода в полной глуши... В конце концов, мы же родственники!

– И что вам ответила Зоя?

– Да ничего.

XL

Весна умирает

Оливия нахмурила брови. Выходит, рассказывая про загадочное возвращение «Весны», Зоя предпочла умолчать о том, что прекрасно знала имя ее отправителя.

Однако возможен и другой вариант. Посылку принял Портман – об этом было известно с самого начала. Возможно, «меценат» решился ее вскрыть и, обнаружив письмо от бедного родственника из Сибири, уничтожил его. После чего вручил коробку Зое, солгав, что нашел ее на пороге дома.

Эта версия событий казалась Оливии вполне правдоподобной: Адель Мерсье в последнем разговоре с Родионом утверждала, что между Вишневецкой и культурным фондом был заключен договор. Пока неизвестно, в чем он состоял, но появление у Зои законного наследника могло сильно спутать аферистам карты.

Если бы Родион сейчас был рядом, он бы мгновенно развеял сомнения, подкрепив эту версию аргументами или же разом ее опровергнув. Все-таки Оливии его не хватало...

– Могу я задать вам один вопрос? – обратился к ней Горский.

– Конечно. Откровенность за откровенность, – кивнула она.

– Каким образом вы догадались, что я побывал в Довиле? Как вообще вы вышли на меня?

– Да слишком много совпадений, – пожалла плечами Оливия. – Начать хотя бы с самого мелкого. Если бы в день смерти у Зои на столе стояла коробочка шоколада «Коркунов» или ассорти «Красный Октябрь», я бы не придавала этому значения: подобные наборы продают в каждом российском аэропорту. Но «Сибирский метеорит» выпускает крошечное частное предприятие, которое находится в Зиминске. Такие конфеты и в Москве-то не продают! Что им было делать в Довиле? Но, конечно, само по себе уликой это не является – даже несмотря на тот факт, что ваша сестра долгое время работала в одноименной фирме. По-настоящему моя гипотеза оформилась после того, как обнаружился инвентарный номер «Весны». Я связалась с солидным экспертом, который дал мне наводку на ваш музей. Оказалось, что он тоже

находится в Зиминске... Но окончательная уверенность в том, что я не ошибаюсь, появилась у меня лишь вчера, когда я увидела рисунок Тани. Он совершенно неотличим от оригинала.

– Танюша очень талантлива, – заметил Горский. – Она могла сделать копию и с репродукции. Вы наверняка заметили в шкафу полноцветное издание с собранием работ Андрея Вишневского.

– Конечно заметила. Точно такой альбом был и у Зои, я держала его в руках. Однако мне показалось странным, что на Танином эскизе отсутствует один фрагмент – левый уголок. Это говорит о том, что основой для рисунка послужил обгоревший оригинал. Я видела акварель совсем недавно и даже сделала ее фотоснимок, так что сравнить было несложно... А сегодня вы мне сами рассказали, что, вытащив «Весну» из огня, прятали ее у себя. До тех пор, пока не подвернулся случай отправить ее Вишневской.

– Да уж, – сокрушенно покачал головой Горский, – преступник из меня никудышный. Но затевая эту аферу, я ведь не знал, что все так плохо кончится! Я всего лишь хотел установить контакт с единокровной сестрой. Вернуть Зое то, что принадлежало ей по праву рождения. Сам распорядиться этим сокровищем я не мог, и работа великого художника прозябала в уездном музее столько лет. В Париже для нее нашлось бы лучшее место. К тому же моя ситуация была совершенно безвыходной. Что, в конце концов, я терял, расставшись с этим предметом?

– А почему вы были так уверены, что посылка дошла до адресата? Вдруг ваш курьер солгал?

– Я умею читать по-французски, – усмехнулся Горский. – Новость о чудесной находке быстро просочилась в прессу.

– Да, действительно, – согласилась Оливия. – Словом, вы решили поехать в Довиль...

– Я пролистал программу «Русских сезонов» и обнаружил там имя Зои. Она должна была открывать фестиваль торжественной речью и под конец вручать участникам статуэтки. У меня оставалась немного денег от того, что удалось собрать для Тани в Интернете. Одолжившись у друзей, я наскреб на билет и ночевку в мотеле на окраине Довиля. Туристическую визу во Францию получить сейчас несложно, так что я быстро оформил бумаги и отправился в путь.

– На что же вы рассчитывали? Зоя ведь вам даже на письмо не ответила...

– Знаете, в самом распоследнем мерзавце я всегда старался разглядеть хорошее: верил, что человеком движет добро. Зоя была тонкой, чувствительной женщиной – я неоднократно читал ее интервью. И мне подумалось, что такая благородная личность не сможет остаться безразличной к нашей беде.

– Ну и как она вас встретила?

Медленно выдохнув сигаретный дым, словно растягивая паузу перед прыжком с обрыва, Горский ответил:

– Приехав в Довиль на поезде уже к вечеру, я закинул вещи в мотель и пешком пошел в центр. Погода стояла унылая, со стороны океана дул пронизывающий ветер. Дважды сверившись с картой, которую так и вырывало у меня из рук, я отыскал особняк Зои. Сад встретил тихим шепотом: деревья нещадно трепало, било колючим дождем... Я прижимал к себе букет цветов, купленных по пути в какой-то лавке, и целлофановый пакет с конфетами, которые, как последний дурак, притащил с собой из дома. Подойдя к двери, отыскал звонок и надавил на мокрую кнопку.

Зоя открыла практически сразу. Она стояла в прихожей с ридикюлем в руках.

– Ой, – отпрянула она. – Я думала, это Марк зачем-то вернулся...

Потом посмотрела на меня внимательно: на вылинявший плащ, на облетевшие цветы, на мокрый пакет с конфетами, который я прижимал к груди. Видимо, в моем облике не было ничего угрожающего, поэтому она не захлопнула перед моим носом дверь.

Я представился. Помедлив, она пригласила меня войти. Приняв букет, бросила его на консоль в замешательстве.

Мы оказались в гостиной, где царил беспорядок. Журнальный стол был погребен под кучей фотографий – часть из них рассыпалась по полу. В серебристом ведерке посверкивала початая бутылка шампанского. Рядом стояли пустой фужер и блюдо с виноградом. На кресле валялись смятая шаль и какие-то журналы.

Зоя предложила мне сесть. Достала еще один фужер и налила мне шампанского. Я отдал ей коробку с шоколадом. Она из вежливости ее открыла, но к сладкому не прикоснулась.

Собравшись с духом, я заговорил. Рассказал о том, кем ей прихожусь, и о том, какую жизнь прожил ее родной отец. Как он следил за ее успехами, гордился ею. И как берег все эти годы единственную вещь, напоминавшую ему о прошлом: о том далеком дне, когда Ольга доверила ему «Весну» и попросила сохранить ее любой ценой. О том, как отец вез ее в вонючей теплушке, как прятал от посторонних глаз. А потом все же решился отдать ее в музей – ведь картины живут лишь тогда, когда на них смотрят люди. Как я вытащил рисунок из огня и переправил его во Францию. Ну и под конец я решился заговорить о Тане. Попросил дать мне в долг – ведь мы же родственники...

И тут лицо ее исказилось. Все благородство его, вся красота мигом куда-то исчезли. Она развалилась в кресле и, покачивая ногой в кремовой туфельке, равнодушно сказала:

– Наши родственные связи – плод вашего воображения. Я дочь великого художника и с честью ношу его имя. Если вы думаете, что на старости лет я позволю себя шантажировать и предам память отца, вы ошибаетесь. Вы серьезно полагали, что, притащившись сюда с этим жалким букетиком, вы растрогаете меня до слез и получите банковский чек? В обмен на что?! На слезливую историю, которую и слушать-то неинтересно. Ваш папаша – обыкновенный дамский угодник, развлекавший мою пресыщенную, вечно скучающую мать. Он много лет пользовался доверием отца, был вхож в наш дом, получал приличные гонорары за лечение матушкиной мигрени и пользовался этим. Он присвоил наши картины, продал их абы кому и прикарманил деньги. Мало того! Он чуть не разлучил меня с отцом, пытаюсь увезти нас с матерью в чужую страну, где мы гнили бы в лагерях. Вы гордитесь тем, что наконец вернули мне «Весну»? Да вы обязаны были сделать это много лет назад! Вы удерживали ее незаконно, вы лишали меня радости обладания лучшей вещью отца – нашей семейной реликвией! Это вы мне должны... просто обязаны оплатить издержки за поиски, которые я вынуждена была вести на протяжении многих лет!

Она поднялась, приблизилась к секретеру и отомкнула ключом верхний ящик. Достала два старых конверта и, смяв их, швырнула на пол.

– Всю свою жизнь я храню переписку матери с этим докторишкой. Но пришла пора от нее избавиться – чтобы больше никто не посмел усомниться в том, что я по праву ношу свою фамилию. Убирайтесь отсюда вон... и благодарите бога, что я не вызвала полицию.

В приступе ярости она вылила остатки шампанского себе в бокал и, опрокинув его залпом, взяла с блюда крупную виноградину. Сунула ее в рот. И вдруг выпучила глаза, схватилась за горло, заметалась по комнате. Затем бросилась на кухню, переворачивая все на своем пути. Я поспешил за ней, ничего не понимая.

Содрогаясь в спазмах, кашляя, клокоча, она плеснула в стакан воды и попыталась его выпить. Но это ей не удалось. Стакан опрокинулся, вода потекла на пол. Оступившись, Зоя поскользнулась и упала. Корчась в страшных судорогах, с чудовищной гримасой на лице, она тянула ко мне руки и пыталась что-то произнести.

Знаете, я мог бы вам сейчас сказать, что хотел оказать ей помощь. Но врать не стану. Я стоял в дверях словно парализованный и смотрел, как она умирает от удушья. Однако в ту секунду я видел не ее обезображенную мину, а беспомощное лицо моей родной сестры. И думал о том, что через несколько месяцев точно так же будет мучиться Таня – ловить ртом воздух, сипеть и задыхаться и я ничем не смогу ей помочь. А ведь должен был, понимаете... Должен!

Оливия взглянула на Горского обескураженно, пытаясь понять, что потрясло ее больше: сам поступок или же признание в содеянном. Ведь по закону «оставление в опасности» – тоже преступление!

– Вы думаете, я не осознаю, что за неоказание помощи мне причитается срок? Я все понимаю, – продолжил Горский. – Однако, несмотря на отпечатки пальцев, полиции трудно будет доказать, что я был в доме непосредственно в момент Зоиной гибели. Я мог уйти за минуту до этого. Из дома ведь ничего не пропало, верно? И свидетелей не было. «Жалкий букетик» и смятые письма я забрал, с «Метеоритом» вот только промахнулся...

– Если на вас падет подозрение, полиция запросит данные у компании сотовой связи. После чего установит местонахождение вашего телефона в момент смерти актрисы, – нехотя возразила Оливия.

– Ну, во-первых, с точностью до минуты время ее кончины установить не получится. А во-вторых, телефон я оставил в номере мотеля. У меня обычный кнопочный аппарат, не смартфон. В нем даже нет Гугл-карт... Я его отключил по приезде во Францию, чтобы не списали деньги за роуминг – мне такие расходы ни к чему.

– Но вы же только что все выложили без утайки. Зачем? Вы не боитесь, что...

– Я уже ничего не боюсь, Оливия. Я лишь хочу быть рядом с Таней, когда пробьет ее час. Надеюсь, вы дадите мне такую возможность – ждать осталось недолго. А потом поступайте, как знаете... Видимо, я это заслужил.

Он поднялся и повернулся к ней спиной, вновь уставившись в заиндевшее окно.

Оливия прислонилась затылком к шершавой стене: приехали... И как же теперь быть?

XLI

Материал

– Простите, дружище, что ничем не смог вам помочь, – извинился Вилар. – В национальной полиции у меня контакты есть, а вот среди жандармов – ни одного. Довиль, к сожалению, находится в их юрисдикции. Поищите знакомых по своим каналам: добыть копии актов о вскрытии должно быть несложно...

Отложив телефон, Родион продел ножку запонки в узкую прорезь манжета. Затем распахнул створки шкафа, чтобы достать пиджак. Ежегодная расследовательская конференция были событием, на котором он предпочитал выглядеть формально.

Однако дважды перебрав все вешалки и даже заглянув в гардероб Оливии, нужной вещи он не обнаружил...

Перегнувшись через перила лестницы, Родион позвал Саломею. Та стояла возле лимонного дерева, опрыскивая его каким-то составом.

– Вы не видели мой синий пиджак? У меня сегодня важное мероприятие.

Лицо Саломеи вытянулось.

– Мать Божья... Я ж его в ателье снесла. Там подклад чуть отошел, и я решила, что пора подправить. А забрать вчера и забыла! Жандарм мой задержек не любит, у него вечно все по минутам рассчитано. Подъехал к дому ровно в шесть и давай названивать. Мы в опера-буфф собрались, он очень торопился... Простите бога ради, месье Лаврофф! Я сейчас мигом сбегаю!

– Погодите, Саломея. Какой буфф, зачем жандарм, куда сбегаю? – занервничал Родион, пытаясь вычленить хоть какое-то здоровое зерно из этой словесной каши.

– Жан-Пьер – мой компаньон. Он служит в жандармерии. Мужчина пунктуальный, во всем любит порядок. Купил билеты на спектакль. Вчера после работы заскочил за мной на авто... И я в спешке забыла про ателье.

Тут наконец все встало на свои места.

Родион припомнил совсем недавний эпизод: дождливый вечер, сумрачный пассаж, человек в форме спешит навстречу Саломее и,

распахнув над ее головой объемный зонт, провожает до дверей служебного «Рено».

– А сегодня Жан-Пьер за вами заедет?

– Конечно! Он не любит, когда я возвращаюсь одна. Райончик-то у вас сомнительный!

Родион усмехнулся, вспомнив о наценке, уплаченной в свое время за престижность этого «сомнительного райончика».

– Ладно, – махнул он рукой, – надену другой пиджак. А с жандармом хотелось бы побеседовать... Организуете?

Жан-Пьер оказался человеком не только пунктуальным, но и порядочным. По просьбе Родиона он навел справки, однако копии с отчетов о вскрытии делать отказался – это противозаконно. Но все же рассказал ему кое-что важное: Жак Соланж и Адель Мерсье были сравнительно молодыми людьми. Их смерть наступила неожиданно, без видимых причин. Поэтому судмедэксперты на всякий случай отправили образцы их крови в архив. В течение года при необходимости пробирки можно будет извлечь и провести повторное химическое исследование. Правда, для этого потребуются постановление правоохранительных органов. Если у родственников умерших появились основания для подозрений, им нужно срочно обратиться в полицию и потребовать расследования.

Некоторое время спустя Родион будет прокручивать этот день от первой и до последней минуты. И так и не сможет понять, в каком месте они сели ему на хвост.

Когда подвело его чутье, почему он не заметил слежки?

Казалось, он принял все предосторожности, чтобы о решающей встрече с родственницами Жака Соланжа и Адель Мерсье, на которой собирался выложить все имеющиеся факты относительно преступной деятельности фонда, никому не было известно.

Для этой цели он арендовал переговорный кабинет в крохотном «коворкинге», спрятанном под крышей одного из монмартрских домов. Там их подслушать не могли. Да и по телефону подробностей дела он ни с кем не обсуждал.

Правда, был один звонок от Оливии, заставший его врасплох... Может, тогда произошла утечка?

К тому моменту они не разговаривали уже много дней, и он не удержался, бросился расспрашивать ее о подробностях. Горячился, спорил, возражал. Пытался ее наставлять, возмущаясь «преступным бездействием» Горского и тем, что она намерена умолчать о его причастности к делу.

И вдруг осекся, осознав, что она давно уже все решила. И не назиданий сейчас ищет, а поддержки...

Он сидел в одном носке на краю их осиротевшей постели и горестно думал о том, что ему хочется лишь одного.

– Иви... Когда ты вернешься?

Растерявшись от того, что ей больше не надо оправдываться и что-то ему доказывать, она вдруг размякла, по-детски шмыгнула носом и пробормотала:

– Я купила билет. Завтра к одиннадцати вечера надеюсь быть дома.

– Ужин готовить? – спросил он будничным тоном, словно они и не расставались почти на месяц. Будто бы не было этих ссор, обоюдных претензий и бессонных ночей, которые он проводил за работой – только потому, что не мог больше думать о том, где она, с кем и когда вернется. Будто бы она просто отправилась в университет и теперь звонит сообщить, что немного задержится.

Будто бы он не сходил с ума от мысли, что, едва оправившись от полученной травмы, она проведет пятнадцать часов в дороге. Восемь из них – в воздушном пространстве, где ей даже некому будет оказать медицинскую помощь...

Будто бы он не решил для себя, что никогда больше не позволит работе вмешаться в их отношения. Будто бы он не ждал ее все это время так исступленно, как осенью ждут весны.

Говорить лишних слов он не стал. Вместо этого позвонил в редакцию «Эритаж» и попросил соединить его с главредом.

Через полтора часа он подходил к офисному зданию, которое занимало старейшее французское издание. Танги принял его радушно – в его голосе чувствовалось удивление, смешанное с предвкушением большой удачи.

– Что ж, я не ошибся, – с удовлетворением заметил он, выслушав Родиона при закрытых дверях, – когда доверил это дело неопытной

практикантке. Жаль, конечно, что она ничего не смогла раскопать в России и таинственное возвращение «Весны» в дом Вишневских так и останется загадкой... Но ничего, мы поступим иначе. Журналистские расследования, конечно, не наш формат, но в порядке исключения мы опубликуем этот материал о кровавых манипуляциях в мире искусств. Расскажем о том, как солидный фонд наживался на доверчивых художниках и некомпетентных коллекционерах, отправляя их прямиком в могилу. И о заговоре акул фарминдустрии, которым на протяжении долгих лет удавалось зарабатывать огромные деньги на препарате, губительно воздействующем на сердце. Ну а в конце, – он удовлетворенно огладил галстук с чернильным пятном, – прозрачно намекает, что странная смерть Зои Вишневской могла быть неслучайной...

– А вот этого делать не надо, – тормознул его Родион. – Я видел акт судебно-медицинского исследования тела актрисы: она действительно скончалась от механической асфиксии – несчастный случай. Следов лекарственных средств в ее крови не обнаружено. Так что оставим благородную даму с ее семейной историей, пускай покоится с миром.

– Что ж, – произнес Танги, с трудом скрывая разочарование, – не надо, так не надо... Сообщите мне, когда родственницы Соланжа и Мерсье напишут заявления в полицию и начнется следствие. У них ведь есть для этого основания?

– Конечно. На руках медицинские бумаги, а также копии кабальных договоров Жака и Адель с фондом. Вкупе с подтвержденной информацией о преступной деятельности организации есть все предпосылки к тому, чтобы открыть уголовное дело. Параллельно с этим результаты моего расследования появятся на страницах вашего уважаемого многотиражного издания, и у властей не будет возможности замять скандал. На какие бы рычаги ни давили члены криминальной артели, судебного процесса им не избежать.

– Прекрасный план! – одобрил Танги.

– Однако у меня, дорогой Поль, есть три условия...

– Да? И какие же? – напрягся главред.

– Под публикацией будут стоять два имени: мое и Оливии. Кроме того, вы примете ее на постоянную работу, как и обещали.

– Но сначала я должен согласовать вопрос с руководством и отделом кадров... – попытался ускользнуть старый лис.

– Я мог бы отдать свой материал любому СМИ, включая лидирующий по тиражам «Мондьяль», – напомнил ему Родион. – Но выбрал вас. Как только мы подпишем договор, я передам редакции все материалы. А вы, в свою очередь, сразу же выплатите мне обещанный гонорар.

– Сразу же... Какой вы нетерпеливый, – усмехнулся главред. – Обычно мы переводим деньги в течение месяца после выхода публикации.

– К сожалению, меня это не устроит. – Родион взял в руки портфель и поднялся из кресла. – Средства пойдут на нужды благотворительности. Тут, как вы понимаете, каждый день на счету.

– Благотворительности? Ну это другое дело. Хотите, перечислим их напрямую Красному Кресту?

– Нет, речь о помощи конкретному человеку. Эта женщина... живет в России. И находится в критическом состоянии – счет идет на дни.

– Ах в России... ну-ну, – Танги потер вспотевшую шею. – Ладно, по рукам. Хотя я и не люблю, когда мне их выкручивают, но всегда отдаю должное тем, кто делает это профессионально!

XLII

Тоннель

Подойдя к машине, Родион достал смартфон и сверился с уведомлением, присланным минуту назад электронным сервисом заказа такси. «Вас ожидает черный «Ситроен» EW-765-МН. Водитель Мамаду».

Открывая заднюю дверцу, Родион чуть не задел локтем проезжающего по узкому проулку мотоциклиста. Тот притормозил и посмотрел на него пристально сквозь прозрачное забрало люминесцентно-зеленого шлема.

– Да давай, гребни уже, гонщик, – проворчал Мамаду. – Извините, месье, к тротуару прижаться не получилось – понаставили машин! Ну что, едем в Шарль-де-Голль?

– Да, – кивнул Родион, устраиваясь поудобнее. – У нас мало времени... Самолет приземляется около десяти.

– Какой терминал?

– Два Е.

– А рейс откуда?

– Из Москвы...

– Хорошо не из Уханя! Хотя, – махнул он рукой, – все равно эта зараза по планете уже распозлась. Говорят, скоро весь мир на карантин закроют.

– Ну уж и весь мир, – скептически усмехнулся Родион.

– Вот увидите! Китайцы ведь много путешествуют. У меня каждый третий клиент – гражданин КНР. Буквально вчера вез одного их бизнесмена: в приличном таком костюме, одноразовой маске и латексных перчатках. Мы с ним в пробке на окружной застряли, так он столько всего про вирус успел рассказать... Говорит, виновата не летучая мышь, а утечка из секретной лаборатории!

За разговором они выбрались на кольцевую автодорогу, по которой проносились со свистом сотни машин. Проскочив на скорости несколько километров, попали в затор.

Минут двадцать такси ползло так медленно, что Родион начал беспокоиться, как бы не опоздать... Он очень хотел ее встретить.

Впервые в жизни он ехал за Оливией в аэропорт, даже не предупредив. Просто сверился с расписанием и понял, что единственный рейс, который позволял ей «быть дома к одиннадцати вечера» приземляется в двадцать один пятьдесят.

В гибельной тьме по краям дороги плыли огни жилых многоэтажек, мерцали лампочки общаг с сохнувшим в окнах бельем; переливались гранеными боками офисные центры.

Под мостом на повороте к блошиному рынку разбили палатки какие-то мигранты. К машине подошла полуслепая старуха и постучала в стекло заскорузлым пальцем.

– На хлебушек подайте...

– Может, на лекарства тебе еще подать? – неожиданно рявкнул Мамаду. – Я тут несколько раз в день проезжаю и каждый раз ее встречаю, – объяснил он Родиону. – Правда, днем она не калека, а кормящая мать...

– Да пропади ты пропадом, жмот! – воскликнула старуха звонким голосом и двинулась дальше.

– Сынок, подай бабушке на хлеб, – заскрипела она жалобно, обращаясь к мотоциклисту, прижавшемуся к «Ситроену» сзади. – Боженька все видит!

Проводив ее взглядом, Родион нахмурился.

Может, ему показалось? Он оглянулся еще раз, пытаясь рассмотреть детали. В отблеске фар блуждающим светилом горел знакомый люминесцентный шлем.

Заметив, что клиент отчего-то волнуется, таксист сверился с навигатором и решил его приободрить:

– Да вы не переживайте! Сейчас Сент-Уэн проскочим, и посвободнее станет. Я поднажму, приедем вовремя!

Перед тоннелем он действительно поднажал. Замельтешила светодиодная подсветка, поплыли бесформенные пятна граффити. Вскоре показалась развилка: бетонный простенок разделял надвое поток летящих вперед машин, уводя вправо тех, кто хотел выбраться из подземки в город.

– Еще немного – и мы на месте! – прокричал Мамаду сквозь фоновый рев моторов.

И в эту секунду совсем рядом зашумел акселератором хищный «Дукати». Поравнявшись с «Ситроеном», знакомый мотоциклист в люминесцентном шлеме заглянул в окно и помахал Родиону рукой, словно прощаясь...

Таксист, сосредоточенно глядевший на дорогу, этого маневра не заметил. Нажав на газ, он начал наращивать скорость и вдруг резко ударил по тормозам: прямо перед ним, как черт из преисподней, выскочил рычащий мотоцикл и ошалело полетел наперерез.

Мамаду выдохнул огненное, как племенное заклинание, слово и до предела выкрутил руль.

Мир ахнул, опрокинулся, брызнул в глаза осколками... и придавил такси бетонной тяжестью простенка с дорожным указателем «В аэропорт».

XLIII

Вернуться

– Ну е-елочки зеленые! – отчетливо произнес у нее в голове голос Вадима. Бесцветный, угасающий голос, а не тот жизнерадостный полнозвучный басок, каким он разговаривал с ней сегодня в палате.

Оливия откинула спинку самолетного сиденья и подумала о том, что заскочить к нему в больницу по пути в аэропорт они успели просто чудом. Горский связался с заведующим отделением и, объяснив ему ситуацию, получил разрешение на короткое посещение.

Вадим полулежал на широкой медицинской кровати, оборудованной электрическим подъемником, и с аппетитом уплетал завтрак. Увидев Оливию в дверях, он отложил ложку и попытался приподняться, но боль мгновенно уложила его на место. Он охнул, сморщился и побледнел. Затем повернул к ней свою коротко стриженную голову и тут же принялся балагурить и острить, травить больничные байки, перемежая их восторженными восклицаниями: тому, что она жива и невредима, он был несказанно рад.

Через четверть часа в палату заглянул Горский, который дожидался ее в коридоре. Он деликатно постучал пальцем по циферблату наручных часов, напоминая, что до вылета осталось совсем мало времени.

Осознав, что пора прощаться, Вадик протянул Оливии батончик в пестрой обертке, лежавший на прикроватном столике рядом со стаканом жидкого чая.

– Прощальный подарок, – подмигнул он.

– А что это?..

– Средство от анемии – из крови молодых бычков, – с удовольствием пояснил он. – Тебе, француженка, гемоглобин надо повышать – уж больно ты бледная!

В эту минуту в комнату повторно заглянул Горский.

– Ну ладно, – нехотя протянул Вадим. – Давай, до свидания... Как оклемаюсь, навещу тебя в Париже. Поднимемся на Эйфелеву башню, пошляемся по Елисейским Полям!

Чмокнув его в небритую щеку, пахнущую какими-то лекарствами, Оливия сунула липкий батончик в карман и зашагала на выход. У самого порога она обернулась. Он смотрел ей вслед помертвевшими глазами, в которых не было и намека на улыбку.

Когда они выехали за ограду больницы, Горский нехотя признался: по мнению врачей, Вадим самостоятельно ходить уже не сможет.

На взлете она отключилась, однако в голове адским месивом продолжали ворочаться мысли. Очнувшись через четверть часа, Оливия вызвала стюардессу и попросила принести ей кофе. С отвращением глотая горячую бурду, она прокручивала в памяти события прошедших дней, удивляясь, что за такое короткое время почти забыла о Париже...

Все, что ждало ее там – университет, друзья, редакционные интриги, – казалось теперь почти что вымыслом. Все, кроме маленькой квартирki, затерянной в грязноватых переулках Монмартра. И того обособленного, несговорчивого, но преданного ей человека, без которого, как оказалось, она не может обходиться.

Думала она и о Зое.

Точнее, о том, почему приняла так близко к сердцу ее историю. Оливии нелегко было себе признаться, что в этой благополучной стареющей женщине она разглядела... себя. Как и юная Зоя, ребенком она тяжело переживала измену матери. Годами скрывала от горячо любимого отца, что знает о мамином романе. А тот предпочел ничего не выяснять. Просто отстранился... От них обеих.

Как и маленькая Зоя, Оливия чувствовала себя обманутой, отвергнутой, ненужной. Неподтвержденной.

Страх одиночества и любовных неудач начал отпускать ее лишь тогда, когда она перебралась в Париж и встретила Родиона. Он стал для нее тем средоточием радости, тем внутренним смыслом, той точкой отсчета, к которой ей теперь так отчаянно захотелось...

Вернуться.

Самолет загудел двигателями и начал заходить на посадку. В иллюминаторе заплескались ночные огни, заиграл леденцовой подсветкой шпиль Эйфелевой башни. Он лежал у ее ног, этот

обманчивый город, с его дворцами, садами, музеями, отелями, больницами, кладбищами, притонами, полицейскими участками и приютами для бездомных. С его неспешностью и суетой, низостью и величием, нищетой и блеском... И с теми безрассудными надеждами, которыми пропитан его воздух, и эфемерными мечтами, которыми живут испокон веков его обитатели.

Париж, 2020

notes

Примечания

1

Престижный морской курорт во французской Нормандии, где проводятся конные бега, культурные фестивали и выставки.

С 1975 г. в Довиле проходит ежегодный Американский кинофестиваль. Вдоль всей береговой линии обустроены именные кабинки, в которых киноактеры могут переодеться перед выходом на пляж.

3

Pourquoi pas? – Почему бы нет? (*фр.*)

4

Конструкция из деревянных балок, которые служат каркасом здания.

Кинолента французского режиссера Клода Лелуша, снятая в Довиле и вышедшая на экраны в 1966 году. Фильм получил десятки международных наград и премий.

6

Департамент нормандского региона, в котором находится город Довиль. Там же производят одноименный яблочный бренди.

7

Конные состязания по преодолению препятствий (*фр.*).

«Улей» – парижская творческая резиденция, построенная Альфредом Буше в 1900 г. Она состояла из 140 студий, в которых обитали начинающие литераторы и художники. (*фр.*)

9

Известная художница и дизайнер, эмигрировавшая во Францию из Одессы в 1905 году.

10

Слабейший участник игры (*англ.*).

Здесь традиционный жокейский пиджачок.

«Гран-при Триумфальной арки» – самые престижные скачки Франции.

Должностное процессуальное лицо во французской правовой системе.

14

Растение, широко используемое в мужской парфюмерии в 1950-х гг.

Авеню Монтень – улица в центре Парижа, на которой расположены дорогие магазины и отели.

Праздник сбора урожая, который проходит каждый год на Монмартре. На фестивале можно продегустировать вино и поучаствовать в уличных шествиях.

«Lapin Agile» – «Проворный кролик», старинное кабаре Монмартра, в котором раньше собиралась богема.

Так у жителей Европы и Северной Америки называется «бабье лето».

Стихи Лариссы Андерсен, русской поэтессы первой волны эмиграции.

Stern – звезда (*нем.*).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

CELSA – школа коммуникации и журналистики, относящаяся к Университету в Сорбонне.

Александр Сопровский «Колыбельная».

Раз, два, три – мы идем в лес; четыре, пять, шесть – собирать черешню (*фр.*).

Стихотворение Георгия Адамовича – одного из ярчайших поэтов русской эмиграции, долгое время проживавшего во Франции.